de visu

9'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

ISSN 0869-6837

de visu 9(10)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ 5 М.И.Цветаева.
Письма М.С.Фельдштейну
и Е.А.Фельдштейн
Д.А.Беляев

25 Вяч. И. Иванов
Предисловие к повести
Л.Д.Зиновьевой-Аннибал
«Тридцать три урода»
Г.В.Обатнин

СТАТЬИ 30 *М.МПавлова*
Из творческой предыстории
«Мелкого беса»
Алголагнический роман
Федора Сологуба

ЗАМЕТКИ 55

БИБЛИОГРАФИЯ 59 *Т.Л.Никольская*
С.М.Городецкий в Грузии (1917-1919)
Материалы к бибилиографии

64 *С.Г.Исаков*
Игорь Северянин в Эстонии
Материалы к библиографии

РЕЦЕНЗИИ 69

ОБЗОРЫ 77 Книги. Журналы. Газеты

ХРОНИКА 90

POST SCRIPTUM 97

Агентство «Алфавит»
1993

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Елена Дворецкая,
Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Tatiana Tchernova:
P.O. Box 1641
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Бумага офсетная № 1 Заказ 4823
Печ. л. 12,5 Тираж 1000
Производственно-издательский
комбинат ВИНИТИ
140010, Люберцы Октябрьский пр.403

© Агентство «Алфавит», «De Visu», 1993.

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- *Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- *Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- *Книжные обзоры и рецензии*
- *Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- *Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- *Хроника научной жизни.*

М.И.Цветаева
Письма М.С.Фельдштейну и Е.А.Фельдштейн

Михаил Соломонович Фельдштейн (1884-1939) — основной адресат публикуемых писем[1]. Его мать Рашель Мироновна Гольдовская (1863-1928, урожденная Хин, в первом браке Фельдштейн) — писательница, драматург. Ее рассказы печатались в журналах «Друг женщины», «Русская мысль», «Вестник Европы». Пьесы Р.М.Хин (псевдоним Гольдовской) «Поросль» и «Наследники» были поставлены на сцене московского Малого театра.

Первый муж Р.М.Хин — Соломон Михайлович Фельдштейн (?-1919) — юрист, кандидат права, присяжный поверенный. Второй муж писательницы — Онисим Борисович Гольдовский (ок. 1856-1922?) — юрист, кандидат права, присяжный поверенный, известный адвокат, имевший всероссийскую практику. М.С.Фельдштейн рос в среде интеллектуально насыщенной, где уважение к наследию классической культуры сочеталось с либерально-демократическими устремлениями. Дневник Р.М.Гольдовской сохранил описания встреч с государственными и общественными деятелями, литераторами, учеными[2]. Среди них — правовед А.Ф.Кони, адвокат А.И.Урусов, философ В.С.Соловьев, писатели И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, историк литературы Н.И.Стороженко. Андрею Белому, посещавшему в 1901 г. кружок самообразования молодежи в квартире Н.И.Стороженко, профессора Московского университета, запомнился гимназист М.С.Фельдштейн[3].

В 1909 г. М.С.Фельдштейн окончил юридический факультет Московского университета[4]. В том же году женой молодого юриста стала художница Ева Адольфовна Леви (1886-1964, в браке Фельдштейн). В дневнике Р.М.Гольдовской отражено вдвойне пристальное — материнское и писательское — внимание к жизни сына. Примечательна запись о молодых супругах в третью годовщину их свадьбы, 6 июня 1912 г.: «Они счастливы. Дай Бог им пройти земной путь без обмана и предательства. Они оба так прекрасны, что я не хочу думать, что и *они* могут уподобиться той противной дряни, что называется словом: — порядочные люди... Храни Бог их красоту!»[5]

Эти строки помогают понять причину доверия и симпатии Цветаевой к М.С.Фельдштейну и его жене. Знакомство Марины и Анастасии Цветаевых с молодыми Фельдштейнами произошло при содействии Максимилиана Александровича Волошина, вскоре после его приезда в Москву в начале декабря 1912 г.: познакомившись с Р.М.Гольдовской в начале декабря 1910 г., поэт неоднократно посещал ее «вторники», когда в доме писательницы собиралось до полусотни гостей[6]. Известное стихотворение М.А.Волошина «Р.М.Хин» («Я мысленно вхожу в ваш кабинет...») запечатлело творческую жизнь этого литературного салона:

...Но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка —
Ей шел бы крест, верблюжий мех у чресл —
Склонялась на обшивку этих кресл...
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший нам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движенье, тембр, оттенки?
Мне памятна больного Стороженки
Седая голова меж низких плеч.
Все, что теперь забыто иль в загоне, —
Весь тайный цвет Европы и Москвы —
Вокруг себя объединили вы —
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
Раскройте вновь дневник... Гляжу на ваш
Чеканный профиль с бронзовой медали...
Рука невольно ищет карандаш,
А мысль плывет в расплывчатые дали.
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве фраз, в изгибе интонаций
Мелькают отсветы событий, встреч и лиц...
Погасшие огни былых иллюминаций[7].

17 февраля 1913 г. М.С. и Е.А.Фельдштейны устроили вечер для своих новых знакомых. В дневниковой записи Р.М.Гольдовской от 18 февраля 1913 г., где впервые упоминается Цветаева, сквозит извечная тревога старших за молодое поколение:

«Вчера были у детей, вернулись в 3 часа! Они, в первый раз, принимали *своих* знакомых, у которых бывали эту зиму. Центральное место занимала, конечно, вся Волошинская компания, которая состоит из двух частей: "обормотников" — сюда входит своеобразная коммуна: мать Волошина (старуха в штанах и казакине!), он сам и две сестры Эфрон — Лиля и Вера. Они живут все на одной квартире, которую окрестили именем: "обормотник"... Остальные: Марина Цветаева, двадцатилетняя поэтесса, жена 19-летнего Сережи Эфрона, ее младшая сестра Ася, тоже замужем за каким-то мальчиком (обе эти четы имеют уже потомство — у Марины девочка, 6

De Visu. 1993. №9(10).
© Д.А.Беляев.

месяцев, у Аси такой же мальчик, причем каждый из этих младенцев перебывал у 6 кормилиц — по одной на месяц! <...>

— Марина, Ася, Майя (18-летняя русская француженка, пишет (и как читает!) очаровательные французские стихи) — так сказать, естественные сочлены "Обормотника". Толстые — хотя и тесно с ними дружат, но уже понемножечку "отодвигаются" от этого кочевого табора и стремятся занять более солидное положение. Кандауров и Богаевский — что-то вроде почетных, сочувствующих *посетителей*. Как зрелище вся эта компания забавна чрезвычайно. Сестры Эфрон — очень хороши собой, особенно Лиля. Марина и Ася вдвоем читают Маринины стихи. Стройные, хорошенькие, в старинных платьях, с детскими личиками, детскими нежными голосами, с детскими вздохами, по-детски нараспев они читают, стоя рядышком у стенки, чистые, трогательные, милые стихи... Ужасно странное впечатление! Какое-то далекое-далекое, забытое, не нынешнее, — словно на миг мелькнувшее во сне прошлое, которое сейчас-сейчас исчезнет»[8].

Блестяще выдержав последний магистрантский экзамен 8 марта 1913 г., М.С.Фельдштейн получил право занять должность приват-доцента по кафедре государственного права Московского университета. Знакомство молодого ученого, будущего профессора[9] с Цветаевой и Эфронами, еще не определившимися в жизни, представлялось Р.М.Гольдовской нежелательным. Летом 1913 г. она намечала совместную с четой Фельдштейнов поездку на отдых в Германию. 6 мая 1913 г. Михаил Соломонович и Ева Адольфовна уехали в Крым к Волошину. 13 мая 1913 г., в понедельник, Р.М.Гольдовская записывала: «<...> от детей из Феодосии была в субботу телегр<амма>. Очень довольны. За границу мы, по-видимому, не едем»[10]. В дневнике писательницы интерес к «обормотам» сменяется все возрастающей неприязнью. Такова запись от 25 мая 1913 г.: «От Миши и Евы — глупейшие письма. Миша в Мюнхен ехать не желает, уже млеет в коктебельском обормотнике. А Эва в таком восторге, что всем там нравится ее живопись, и "сам Макс", который хотя "ничего не делает", но тоже находит, что она пишет "лучше его", — что она тоже, несмотря на тоску по Тане, остается в "Ким<м>ерии"<...>»[11]. М.А.Волошин относился к живописи Е.А.Фельдштейн с большим вниманием[12].

К началу июня 1913 г. в Коктебеле у Максимилиана Волошина собралось молодое, шумное общество его друзей и знакомых. Споры о творчестве, позднее описанные мемуаристами, — и вскоре позабывшиеся шуточные импровизации, путешествия в горы, прогулки на лодках вдоль побережья, — так проходило лето. Карнавализация жизни продолжалась до отъезда «обормотов» в середине августа. Цветаева, приехав с мужем и дочерью в апреле, ранее 26-го числа, пробыла в Коктебеле до 14 августа 1913 г.[13]

М.С.Фельдштейн, первоначально покинув Коктебель 26 мая, возвратился туда в июне, около 20-го числа. Петербургская художница Ю.Л.Оболенская 5 июля 1913 г. записывала в дневнике: «Вчера было столпотворение у обормотов. Cabaret было очень мило, остроумно и весело. Режиссер был "Сокол". Артисты Эфроны, "Леня" и Тюня. Копа угощала. <...> Мих<аил> Сол<омонович> читал объяснения. Демонстрировали ученых обезьян — Сокола и Серг<ея> Э<фрона>, восточный танец — В<ера> Эфр<он>, эксцентрики — Сок<ол>, Тюня и Леня. Очаровательны были их хлопоты с натягиванием несуществующего каната, по котор<ому> с великим трудом прошла Тюня, и их напряженное беспокойство при ее ходьбе. Она была прелестна. Еще было необычайное семейство — девочка великанша — Е<лизавета> Эфр<он>, Леня — мальч<ик> карлик и их родители. Затем японская драма, очень талантливо исполненная Соколом с Верой Як<овлевной>, шансонетка — Сер<гей> Эфр<он> и дикари — Сер<гей>, Вера, Сокол и Леня. Девочка дикарка запустила в Макса абрикосом и попала в меня, — пошла страшная дрызготня. Ел<ена> Отт<обальдовна> была очаровательна в публике — требовала шампанского, задевала распорядительницу замечаниями и т<ому> п<одобное>»[14].

Е.А.Фельдштейн, уехавшая из Коктебеля в первых числах июня, со сдержанной грустью писала супругу 13 июля 1913 г. из Териок: «Спасибо тебе, милый, я рада, что могу себе немного представить твою коктебельскую жизнь. <...> А Марина? Ты ни слова о ней не пишешь. А ведь у Вас, кажется, началась настоящая дружба. Каковы ваши отношения? Ты продолжаешь получать стихи? А Сережа? А Пра? <...> Я не жду твоих писем, но я так рада, когда их получаю. Кланяйся всем. Боже мой, как Коктебель далек. Ушел куда-то в прошлое»[15]. В письме от 23 июля 1913 г. Е.А.Фельдштейн рассказывала о размолвке со своими родственниками: «Тут все думают, что я с тобой развелась! Или ужасно поссорилась. До чего люди не понимают ничего немного не похожего на все и на всех. Казалось бы, — так просто!»[16].

Сохранилось послание Ю.Л.Оболенской, написанное в середине августа 1913 г., вскоре после отъезда Цветаевой в Москву. Шуточная вариация на мотив цветаевского произведения свидетельствует, что стихотворение «Мальчиком, бегущим резво...» тогда же получило известность в кругу коктебельцев, не оставшись лишь фрагментом переписки:

Резвым мальчиком впервые
Вы явились мне.
Бойко выбежали Вы, — я
Помню как во сне.

Шумен топот вдоль дороги,
Ропот смеха, свар,
Ваши тоненькие ноги
В складках шаровар, —

Слишком веселы для юбки,
Для ковров легки,
Для мальчишки слишком хрупки,
Нервны и тонки,

Слишком резвы для паркета,
Грозны для травы.

Слишком юны для поэта
Были сами Вы.

В августе в ином наряде
Видеть Вас пришлось.
Закрывала шляпа пряди
Срезанных волос.

Было слишком длинно платье
В слишком ранний час.
Быстрое рукопожатье
Разделило нас.

Слишком юная для дамы,
Но большой поэт.
Вот, простились навсегда мы,
Иль на много лет?

Слишком длинно я отвечу
Вам на пару строк.
Слишком милой стала встреча
В слишком краткий срок[17].

7 августа 1913 г. М.С.Фельдштейн уехал из Коктебеля в Терioки. Вослед ему Ю.Л.Оболенская отправила шуточную «элегию», варьирующую мотив стихотворения Цветаевой «Как водоросли — Ваши члены...» Вариации Ю.Л.Оболенской — едва ли не первые пародийные выступления в истории цветаевской поэзии:

М.С.Фельдштейну

Волос серебряная грива,
Улыбкой искривленный рот,
В движеньях плавных гибкость ивы
И шеи томный поворот
Наш берег красили доселе,
И вот — их увезете Вы
От золотого Коктебеля
Под небо каменной Москвы.
Кто ж будет, в темпе менуэта,
Волос откинув серебро,
Метать с изяществом поэта
Неблагодарное ядро?
Кто будет с даром чрезвычайным
Стихи запоминать с листа?
Кто новую расскажет тайну
Про темно-серого кота?
И вот, торжественно воспеты
Стихами с ног до головы,
Привычным темпом менуэта
На север устремитесь Вы,
И нас забудете ужели,
Свершивши путь унылый свой
От фернампиксов Коктебеля
К камням Московской мостовой?[18]

Безыскусные опыты Ю.Л.Оболенской, письма Цветаевой и Е.А.Фельдштейн — свидетельства доверия, духа взаимной откровенности, свойственного кругу друзей М.А.Волошина.

Вспоминая недавнее коктебельское лето, М.С.Фельдштейн писал В.Я.Эфрон 17 августа 1913 г. из Териок: «Неужели нам больше не придется еще так жить, как эти шесть недель. Вопрос глупый, но это даже не вопрос, а вздох. Как жаль, что Вас бесполезно спрашивать. Так хочется что-нибудь о Вас узнать. Мне иной раз кажется, что я целый год никого из Вас не видал. <...> Эва шлет привет. Фотографии печатаются. Когда поспеют, пришлю сейчас»[19].

Встречи Цветаевой и Эфронов с Фельдштейнами продолжились в Москве. Весной 1914 г. резко ухудшилось здоровье Петра Яковлевича Эфрона, старшего брата Елизаветы, Веры и Сергея. М.С.Фельдштейн помог в устройстве П.Я.Эфрона в московскую лечебницу доктора О.Г.Шимана. В мае 1914 г., отъезжая с женой за границу[20], М.С.Фельдштейн предоставил свою квартиру Елизавете и Вере Эфрон, которые по очереди дежурили в лечебнице, где находился их брат. Флигель, в котором проживали Фельдштейны, был расположен во дворе особняка — домовладения, приобретенного О.Б.Гольдовским в начале 1913 г. Вечером 8 июля 1914 г. в этом флигеле временно поселилась Цветаева с мужем и дочерью, приехавшие в тот день из Коктебеля[21].

Последовавшие события описаны в дневнике Р.М.Гольдовской, где сохранилась подробная и пристрастная запись от 12 июля 1914 г.

«Все эти дни я ужасно раздражена против Миши и Эвы, главным образом против Миши, п<отому> ч<то> Эва тут, конечно, жертва Мишиного эгоизма и распущенности. "История" эта ведет свое начало от Волошинского "Обормотника". Началась она в доме Зайченко, расцвела <в> прошлое лето в Коктебеле, дошла до зенита в настоящую зиму, а до безобразия <в> эту весну и лето. В "Обормотнике" царили сестры Эфрон, которых Макс воспевал в стихах и превозносил устно и нараспев в прозе. Девицы красивые, с печальной судьбой. (Отец умер, мать была известной революционеркой, разочаровалась в революции, очутилась с многочисленной семьей в Париже. Там вследствие какой-то несчастной случайности — кажется, игры в смертную казнь, — ее младший сын, мальчик лет тринадцати, найден был повешенным. Тогда, кажется, на другой день, повесилась и мать.) После этого ужаса две сестры — Лиля и Вера — и брат их Сергей перекочевали в Москву, соединились с Волошиными и положили основание "Обормотнику".

Лиля — у нее красивая голова на шестипудовом корпусе — поступила на курсы, кажется, историко-филологические, а Вера на драматические. Вера не так толста, как сестра, глаза у нее "загадочные" и удивленные, поэтому, вероятно, Макс решил, что она должна идти в монастырь или... на сцену. В "Обормотнике" (так окрестил *сам* Макс свой "фаланстер" на Сивцевом Вражке и в Коктебеле) — выбросили за борт все "условности", т<о> е<сть> всякий порядок, всякую дисциплину... Но, как во всякой "коммуне", — там создался свой "устав" — в корне фальшивый и карикатурный. Взаимные восторги перед красотой, свободой и "лирической насыщенностью каждого момента"... Все любуются друг другом, собой, все на "ты". Брат Эфрон, Сергей, в 16 лет женился на 17-летней поэтессе Марине Цветаевой (очень красивая особа, с решительными, дерзкими до нахальства манерами); а сестра этой Марины, 15-летняя гимназистка вышла замуж за

15-летнего же гимназиста, кажется третьеклассника, но зато пьяницу — первоклассного. Этот супружеский "детский сад" — обзавелся потомством — у Марины девочка, у Аси — не знаю кто. Марина, богатая и жадная, вообще, несмотря на поэзию — баба кулак! Муж ее — красивый, несчастный мальчик Сережа — туберкулезный чахоточный. Имеется еще брат, старший Петр, который со смерти матери — был в ссоре с сестрами из-за "наследства". Он обвинял сестер в утайке денег. Теперь он третий месяц умирает от злой чахотки, сестры поместили его в лечебницу, а сами *расположились* во *флигеле* у Миши! Причем ни Миша, ни Эва не сочли нужным — перед отъездом даже предупредить нас, что они у нас в доме поселили жильцов. А жильцы расположились в доме, как у себя, — целый месяц не давали паспорта, занимали нашу прислугу, запакостили весь флигель. Но и этого показалось им мало. Несколько дней тому назад, никого не предупредив, в два часа ночи, — Лиля водворила во флигель прибывших из Коктебеля Марину, Сережу, их няньку с ребенком и кошку. В четыре часа утра Марина разбудила Милю (с кот<орым> она едва знакома) и спрашивала — нет ли у него знакомого доктора, т<ак> к<ак> ее супруг захворал. Утром Он<исим> Бор<исович> уже не мог пить чай и заниматься в своем саду, ибо им уже завладела нянька с ребенком. Постель Миши занял больной, комнату Тани — нянька с ребенком, кабинет Марина, столовую Лиля. Дом сразу обратился в хлев. Когда дворник попросил паспорт, Марина ответила: мы его забыли на даче, — и по телефону пожаловалась Миле на "приставанье" дворника. Миля сказал, что в Москве — забастовка и полиция может нас подвергнуть за держание беспаспортн<ых> 500-рубл<евому> штрафу. Марина гордо ответила: я тогда сама заплачу! Миля возразил, что за это, кроме штрафа, домовладельцу грозит тюрьма. Поэтесса не смутилась и ответила: Бог милостив, не посадят!..»[22].

Конфликт поколений обернулся ссорой хозяев и жильцов. Примирение наступило вскоре и неожиданно: началась Первая мировая война, — Вторая Отечественная война, как ее называли в 1914 году. Петр Яковлевич Эфрон скончался 28 июля 1914 г. Потрясенная смертью брата, В.Я.Эфрон добровольно работала сестрой милосердия в одном из московских госпиталей, позднее на фронте, в военно-санитарных поездах Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Прежние размолвки виделись бессмысленными: «<...> в такое время, когда каждый день есть день страшного суда, право, не стоит питать в своем сердце маленькие, самолюбивые чувства. Желаю Вам всего хорошего, и Вере Яковл<евне> сил вынести взятый ею на себя благородный труд и счастливого возвращения», — писала Р.М.Гольдовская Е.Я.Эфрон 25 октября 1914 г.[23]

К середине 1910-х годов М.С.Фельдштейн становится известным правоведом, профессором крупных учебных заведений: Московского университета, Московского коммерческого института, Нижегородского университета. Участвуя в работе по оказанию помощи раненым, М.С.Фельдштейн содействовал Вере и Сергею Эфронам в устройстве их в военно-санитарные поезда и в других вопросах. Весной 1916 г., когда Вера и Сергей отдыхали в Коктебеле, Цветаева писала Е.Я.Эфрон о призыве С.Я.Эфрона на военную службу (письмо от 19 мая 1916 г.): «Он поручил Мише следить за воинскими делами, Миша телеграфирует ему, когда надо будет возвращаться. Все это так грустно! Чувствую себя в первый раз в жизни — бессильной. С людьми умею, с законом — нет»[24].

В личном собрании Татьяны Михайловны Митрян, дочери М.С.Фельдштейна и Е.А.Фельдштейн, сохранился ранее неизвестный автограф Цветаевой. Можно предположить, что незадолго до отъезда в Коктебель Цветаева читала Фельдштейнам свои новые стихи и по просьбе слушателей — или желая получить их отзыв, — записала прочитанное. В рукописи — первоначальное авторское заглавие цикла: «Май 1916 г<ода>. Стихи Блоку». Шесть стихотворений из этого автографа, представляющего раннюю редакцию, включены в прижизненные публикации цикла, известного под заглавием «Стихи к Блоку»; автограф в собрании Т.М.Митрян имеет незначительные пунктуационные расхождения в сравнении с опубликованным текстом[25].

Четвертое стихотворение из этого автографа не было включено Цветаевой в цикл «Стихи к Блоку» и ранее не публиковалось:

IV

Много тобой пройдено
Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причищается тайн твоих.

Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! —
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.

Чаша сия — полная,
— Причастимся Св<ятых> даров! —
Слезы сии солоны,
— Причастимся Св<ятых> даров! —

Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же — слепец на паперти —
Имя твое пою.

2-го мая 1916 г<ода>.

Таков еще один отклик поэта на трагедию войны; по воле автора это стихотворение осталось в рукописи.

В годы Гражданской войны и разрухи М.С.Фельдштейн был среди немногочисленных друзей Цветаевой, оказывавших ей поддержку. В разгар событий осени 1917 г. Цветаева, запрашивая в письме от 16 ноября 1917 г. из Коктебеля о возможности вывезти к ней ее дочерей, настоятельно просила Веру Яковлевну Эфрон посоветоваться в этих делах с Фельдштейнами[26].

К 1918 году окончательно распалась первая семья М.С.Фельдштейна, его женой стала В.Я.Эфрон. В житейских недоразумениях и ссорах Цветаевой,

Елизаветы и Веры Эфрон М.С.Фельдштейн стремился примирить их, однако не всегда знал, как найти выход из размолвок, — близкие ему люди оказывались столь разными в мировосприятии. Об этом он писал В.Я.Эфрон 12 сентября 1918 г., рассказывая о встрече с Цветаевой: «Чудной она человек. В некоторых случаях в ней нет внутренней свободы настолько, чтобы с открытой душой принять чужую заботу о себе. <...> Она мне прямо сказала: я люблю оказывать услуги другим, а не принимать их. Отчасти она сказала о себе верно, но, по-моему, не совсем. Скрывать от нее своих мыслей по этому поводу я не стал, но ты сама знаешь, насколько предопределены все результаты разговоров с Мариной. <...> Затем разговор перешел на стихи и здесь все уже шло как следует»[27].

Общение Цветаевой и М.С.Фельдштейна, не утратив, по всей вероятности, взаимного доверия, свелось в эти годы к редким встречам[28]. Отсутствие подробных, документированных свидетельств — следствие драматических событий.

В годы обучения в университете М.С.Фельдштейна его научным руководителем был историк, правовед, публицист Сергей Андреевич Котляревский (1873-1939). Общение ученых продолжалось и в последующие годы. В мае 1917 г. С.А.Котляревский был включен в состав Особого совещания по подготовке и разработке проекта положения о выборах в Учредительное собрание; в это же время М.С.Фельдштейн работал в аппарате Особого совещания в должности старшего секретаря юридического отдела[29].

В марте 1920 г. М.С.Фельдштейн был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму ВЧК. По предложению С.А.Котляревского М.С.Фельдштейн участвовал в разработке материалов, связанных с историей государственного устройства России. Следствие, проведенное Особым отделом ВЧК, определило это исследование как «близкое участие в деятельности Национального центра» и разработку «его политической платформы»[30].

С.А.Котляревский в показаниях на следствии так охарактеризовал своего коллегу: «<...> профессор Фельдштейн, теоретик-государственник и историк, научный исследователь, но с живым интересом к политическим проблемам. <...> Несколько застенчивый, со склонностью наблюдать события, а не принимать в них участие...»[31].

Верховный революционный трибунал при ВЦИК 20 августа 1920 г. приговорил М.С.Фельдштейна к тюремному заключению сроком на 5 лет, условно; к условному заключению на такой же срок был приговорен С.А.Котляревский[32].

Историк С.П.Мельгунов, один из обвиняемых на этом процессе, вспоминал: «А в действительности, может быть, только счастливое совпадение (наш процесс совпал с удачами красных войск под Варшавой, и Троцкий, выступавший на суде по собственному желанию в качестве своеобразного свидетеля, только что перед тем торжественно заявлял: завтра Варшава будет взята), что наш процесс не закончился реальным расстрелом. Через несколько дней настроение, быть может, было бы иное»[33].

М.С.Фельдштейн сознавал зловещую условность вынесенного ему приговора. В письме к Е.А.Фельдштейн от 16 сентября 1920 г., высказав благодарность за помощь во время болезни после освобождения из тюрьмы, он объяснял причину своего угнетенного состояния: «Дело в том, что готовится. А когда я думаю об этом, то моя звезда не только не внушает веры, а просто закатывается»[34]. Безусловно исключая для себя возможность эмиграции, М.С.Фельдштейн настаивал на отъезде за границу его дочерей вместе с Е.А.Фельдштейн[35].

В 1922 г. М.С.Фельдштейн попал в список деятелей науки и культуры, подлежавших высылке за пределы территории РСФСР и предварительно был заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ[36]. Складывалось тяжелое положение: больная мать, две дочери от первого брака, сын от второго брака, родившийся в 1921 г., и другие родственники — оставались фактически без средств к существованию. Высылку удалось отменить: об этом ходатайствовал Б.Г.Закс, помощник управляющего делами СНК и СТО, давний товарищ Е.Я.Эфрон[37].

В эти годы имена близких людей редко встречаются в письмах М.С.Фельдштейна: эпистолярным жанром он владел в совершенстве, однако происходившие события ограничивали возможности автора, не желавшего скомпрометировать адресата. О Цветаевой М.С.Фельдштейн писал В.Я.Эфрон 16 августа 1921 г.: «<...> встретил Марину и узнал от нее, что она получила большое письмо от Сережи еще 1 июля. Он здоров, хочет жить, живет мыслью о свидании с Мариной и т. д. Вот все, что она мне сообщила. Сама она выглядит недурно, но невероятно огрубела. Говорит, что жить ее жизнью можно только при неограниченных запасах энергии. Очень хвалит Алю, говорит, что она огромного роста и хороша во всех отношениях»[38]. 23 августа 1924 г. М.С.Фельдштейн сообщал В.Я.Эфрон о письме, которое получила Е.Я.Эфрон: «От Сережи было короткое письмо. Он остается еще на год в университете и пишет работу по истории искусства. Ни о Марине, ни об Але ничего»[39].

Внешне жизнь постепенно входила в колею. М.С.Фельдштейн, признанный специалист по истории политических учений, государственного права и международных отношений, работал в должности консультанта в ВСНХ СССР, Наркомате юстиции РСФСР, преподавал в Иваново-Вознесенском политехническом институте, на курсах Московского объединения работников учета, участвовал в издании справочников, словарей по экономике, готовил переводы.

«Член нашего Правления Авдюшин находил на суде, что у меня много лишних книг»[40], — с привычной усмешкой описывал ученый уплотнение жилплощади и судебное разбирательство по иску Правления жилищного товарищества. М.С.Фельдштейн предпочитал отшутиться, не предаваясь унынию: «О себе могу сказать только, что здоров, собираюсь брать четвертую службу»[41]. Однако, службы оказывались рутинными, либо непродолжительными: ус-

ловный приговор оставался в силе, затрудняя устройство по специальности. В октябре 1923 г. профессор М.С.Фельдштейн был «отчислен» с факультета общественнх наук Московского университета[42]. «Что ты делаешь в птичьем кооперативе?»[43] — восклицала В.Я.Эфрон в письме к мужу 15 июля 1927 г. из Коктебеля. М.С.Фельдштейн отвечал 29 июля 1927 г.: «Бросил свой птичий кооператив, т<ак> к<ак> с 4 местами справляться невозможно, да и деятели его оказались не столько птицами, сколько свиньями»[44].

Иногда удавалось найти работу по душе: переводы сочинений итальянских политических писателей XVI века Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини[45]. В русском тексте мастерски передана обстановка тотальной интриги во имя власти, апологии государственного аморализма, свидетелем чего, в другую эпоху, был и сам переводчик.

Активный гуманизм отличал гражданскую и научную позицию М.С.Фельдштейна. Характерны его размышления о книге Э.М.Ремарка «На западном фронте без перемен» в письме к В.Я.Эфрон 17 июля 1930 г.: «Читая все это, совестно становится вспомнить секции, философские словопрения и прочие атрибуты 14 года. Видно, этика войны была возможна только до расцвета цивилизации. Прежде война выделяла человека, а сейчас у него одна задача — исчезнуть, зарыться куда-нибудь, пока его не разорвало. Когда же представишь себе будущее, химизацию и прочие завоевания т<ак> наз<ываемого> человеческого гения, хочется сказать истории: довольно или по Достоевскому: merci. Очень поучительно было читать эту книжку, глядя на прошлое в обратной перспективе, которая духовно ведь и есть настоящая»[46].

Вновь оказавшись под угрозой высылки, М.С.Фельдштейн предупреждал жену в письме от 20 августа 1930 г.: «Подробности <событий> в Москве, о которых расскажет К<отляревский>, тебя, конечно, взбудоражат, но ты учти, что на расстоянии все это действует еще крепче. Собственно, мы живем в такое серьезное время, что уже ничто не страшно, и надо существовать в каких-то совершенно иных чувствах и мыслях. Как это ни странно, я все время испытываю чувство огромного восхождения, когда знаешь вперед, что можешь на каждом шагу свалиться в пропасть, и думаешь все же совсем о другом. Беда людей сейчас в том, что они живут обычной психологией, а времена сейчас первохристианские. Вот! Поэтому будь абсолютно спокойна. При нашей любви, у нас всегда все есть»[47].

Вновь встретиться Цветаевой и М.С.Фельдштейну не довелось.

26 июля 1938 г. М.С.Фельдштейн был арестован[48]; Военной коллегией Верховного суда СССР 20 февраля 1939 г. приговорен к расстрелу. В 1957 г. реабилитирован посмертно[49].

«Опасность особости», — эти слова Цветаевой[50] вызывает в памяти судьба М.С.Фельдштейна.

Письма 1, 2 и 7 публикуются по автографам, хранящимся в личном собрании Т.М.Митрян. Письма 3-6, 8 и 9 публикуются по автографам: РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр. 431, л.1-8, 10.

Все письма публикуются впервые.

Публикатор выражает благодарность за предоставление материалов и помощь в работе Татьяне Михайловне Митрян, Елене Михайловне Фельдштейн, Константину Михайловичу Эфрону.

1. Не сохранились три документа Цветаевой, из числа упоминаемых в настоящей публикации: записка М.С.Фельдштейну ранее 26 мая 1913 г., письмо к Е.А.Фельдштейн ранее 7 июня 1913 г., телеграмма к П.Н.Лампси 7 сентября 1913 г.; см. письмо 4 и письмо 5.

2. См.: Хин Р.М. Три фрагмента из дневника // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С.315-316; Промелькнувшие силуэты...: (Из дневников Р.М.Хин-Гольдовской) // Встречи с прошлым. М., 1977. Вып.6. С.82-98.

3. См.: Белый А. На рубеже двух столетий: Воспоминания. М., 1989. С.141. Знакомство Андрея Белого и М.С.Фельдшейна продолжилось в последующие годы.

4. Диплом первой степени, от 22 марта 1909 г. См.: ЦГИА г.Москвы, ф.418, оп.77, д.6005, л.5.

5. РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед.хр.21, л.45.

6. См.: Волошин М. Лики творчества. Л., 1989. С.788. Выехав 5 декабря 1912 г. из Феодосии, Волошин по приезде в Москву поселился в квартире Е.Я. и В.Я.Эфрон: Кривоарбатский пер., д.13, кв.9.

7. Волошин М. Стихотворения. М., 1989. С.184-185; стихотворение написано 22 декабря 1913 г. Р.М.Гольдовская отметила в дневнике 16 января 1914 г.: «Макс Волошин прислал стихи, посвященные моему кабинету (очень символическому)» (РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед.хр.22, л.100 об.) Среди лиц, упоминаемых в стихотворении Волошина: Брандес Георг (1842-1927) — датский критик, историк литературы; Банг Герман (1857-1912) — датский писатель, критик, театральный деятель; Танеев Владимир Иванович (1840-1921) — философ; Минцлов Рудольф Рудольфович (1845-1904) — юрист, публицист.

8. РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед.хр.22, л.23-24 об Запись частично опубликована в кн.: Саакянц А.А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910-1922). М., 1986. С.46. Гольдовские и молодые Фельдштейны проживали до середины 1913 г. по адресу: Долгоруковский пер., д.5. В дневнике Р.М.Гольдовская употребляет слово «обормотники» как синоним слова «обормоты». Упоминаются в цитированной записи: Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна (1850-1923) — мать М.А.Волошина; Эфрон Елизавета Яковлевна (1885-1976) — театральный педагог, режиссер; Эфрон Вера Яковлевна (1888-1945) — актриса, театральный педагог, см. о ней примеч. 48 к вступит. ст.; Эфрон Сергей Яковлевич (1893-1941) — муж Цветаевой; Эфрон Ариадна Сергеевна (1912-1975) — дочь Цветаевой и С.Я.Эфрона; Цветаева Анастасия Ивановна (1894-1993) — писательница, сестра М.И.Цветаевой; Трухачев Борис Сергеевич (1892-1919) — муж А.И.Цве-

таевой; Трухачев Андрей Борисович (1912-1992) — сын А.И.Цветаевой и Б.С.Трухачева; Майя — Кювилье Мария Павловна (1895-1985, в первом браке Кудашева, во втором браке Роллан) — поэтесса; Толстой Алексей Николаевич (1882-1945) — писатель; Дымшиц-Толстая Софья Исааковна (1889-1963) — художница, жена А.Н.Толстого; Кандауров Константин Васильевич (1865-1930) и Богаевский Константин Федорович (1872-1943) — художники, друзья М.А.Волошина.

9. См.: РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед.хр.22, л.34 об., 47-48. Ср. также бытовавшее определение термина «приват-доцент»: «...в университетах преподаватель, имеющий право читать на своем факультете, не будучи официально назначенным и оплачиваемым профессором. Право выступать как п<риват-доцент> приобретает каждый ученый, имеющий уже докторскую степень» // Большая энциклопедия. СПб., <1904>. Т.15. С.610.

10. РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед.хр.22, л.57 об.

11. Там же, л.59-59 об. Таня — Митрян Татьяна Михайловна (урожд. Фельдштейн, род. 1910) — дочь М.С.Фельдштейна и Е.А.Фельдштейн; в описываемое время ребенок находился у родственников Е.А.Фельдштейн в Териоках. 26 мая 1913 г. М.С.Фельдштейн выехал из Коктебеля в Москву; см. запись в дневнике Р.М.Гольдовской от 31 мая этого года: «Миша в Москве — экзаменует и, кажется, очень недоволен, что из-за моей болезни приходится сократить коктебельскую "виллежиатуру". В Москву он прибыл за *два* часа до экзамена». — Там же, л.60. «Виллежиатура» — от франц. Villégiature, — отдых на даче или на курорте. После приема студенческих экзаменов в университете, М.С.Фельдштейн в начале десятых чисел июня вместе с матерью уехал в Катино; об этом имении Гольдовских см. примеч.2, письмо 4. Тогда же в Катино из Коктебеля приехала Е.А.Фельдштейн; 17 июня она уехала в Териоки. На следующий день, 18 июня, М.С.Фельдштейн выехал в Коктебель. Ср. запись в дневнике Р.М.Гольдовской от 13 июня 1913 г.: «<...> какая же "заграница" может устоять против "дам"... и чар обормотника!» (Там же, л.68 об.) В середине июля 1913 г. Р.М.Гольдовская и О.Б.Гольдовский уехали в Германию.

12. М.А.Волошин в письме от 9 января 1914 г. к Е.А.Фельдштейн спрашивал о ее произведениях, в частности, о портрете Е.О.Кириенко-Волошиной: «Мне страшно было бы интересно посмотреть твои работы этой зимы. Как ты сама себя чувствуешь в смысле творчества? В смысле технических успехов?» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.435, л.1 об.) Осенью 1941 г., во время налета немецкой авиации на Москву, фугасная бомба разрушила дом, где жила Е.А.Фельдштейн; ее картины погибли. Не удалось выявить сведений о наличии произведений художницы в государственных хранилищах.

13. См.: Цветаева М. Письма к М.А.Волошину // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С.153.

14. ГЛМ, ф.348, оп.1, №1, л.25-26. Оболенская Юлия Леонидовна (1889-1945) — художница, друг М.А.Волошина и Е.А.Фельдштейн; упоминаются в дневниковой записи от 5 июля 1913 г.: Сокол — Соколов Владимир Александрович (1889-1965), актер, режиссер, близкий знакомый Е.Я.Эфрон и В.Я.Эфрон, один из инициаторов розыгрышей и мистификаций в кругу «обормотов», см. о нем также письмо 2; Леня — Фейнберг Леонид Евгеньевич (1896-1980), художник, автор воспоминаний (О Максимилиане Волошине и Константине Богаевском // Панорама искусств. 1982. Вып.5. С.149-178; Из книги «Три лета в гостях у Максимилиана Волошина» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.268-293); Копа, Тюня — см. о них письмо 1; Михаил Соломонович — М.С.Фельдштейн; Елена Оттобальдовна — Е.О.Кириенко-Волошина.

15. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.429, л.41, 42 об., 44-44 об. Не сохранилась значительная часть писем Гольдовских и Фельдштейнов; цитируемое письмо Е.А.Фельдштейн позволяет сделать предположение о существовании других, неизвестных автографов Цветаевой.

16. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.429, л.48 об.

17. ГЛМ, ф.348, оп.1, №1, л.80 об. — 81; «пара строк» — вероятно, Оболенская имеет в виду экспромт Цветаевой, см. примеч.3. к письму 8.

18. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.182, л.3. Фернампиксы — камешки на коктебельском побережье; считались полудрагоценными, см.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.673. Стихотворение «Как водоросли — Ваши члены...» см. в письме Цветаевой к Е.Я.Эфрон от 2 августа 1913 г. — (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.124, л.9 об.)

19. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.399, л.4-4 об. В 1916 г. М.С.Фельдштейн вновь приехал в Коктебель. М.А.Волошин в письме к М.С.Цетлиной 7 июня 1916 г. сообщал, что в его доме живут «очень мне близкие — Эфроны, Оболенские, Рагозинский и Фельдштейн» (Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. М., Книга, 1989. С.364). В письме упоминаются: В.Я.Эфрон, С.Я.Эфрон, Ю.Л.Оболенская и ее мать, Екатерина Ивановна Оболенская, В.А.Рогозинский (см. о нем примеч. 5 к письму 2. Позднее, в двадцатые годы М.С.Фельдштейн неоднократно приезжал в Коктебель, участвовал в чтениях в доме Волошина. М.С.Фельдштейн писал В.Я.Эфрон 2 июля 1923 г. из Гаспры: «<...> Коктебельские времена так неизгладимы, что я всюду видел сцены из той поры, Лилю или тебя в красном халате, нашу с тобой кухню на берегу моря и т.д. Веруха! Какое это было счастье, и мы, глупые, даже не догадывались об этом как следует» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.403, л.47-47 об.)

20. В Германии и во Франции М.С.Фельдштейн проводил изыскания материалов для своих исследований; одна из тем его работы — история политических учений во Франции в первой трети XIX в. Исследования М.С.Фельдштейна, оставшиеся в рукописи, выявить не удалось; отсутствует научная

библиография его трудов. Можно отметить некоторые публикации: Фельдштейн М.С. Учреждение и пересмотр конституций. М., 1917; Котляревский С.А., Фельдштейн М.С. Политическая карта Европы после Версальского мира. М., 1922; Фельдштейн М.С. Де-Местр // Большая советская энциклопедия. <Изд. 1-е> М., 1931. Т.21. Стлб.215-217. Ср. письмо М.С.Фельдштейна к Е.Я.Эфрон из Парижа, написанное 30/17 июня 1914 г. в Национальной библиотеке: «У меня была невероятная тоска по книгам, по погружению в работу, и когда я сюда пришел, то мне стало совершенно ясно, что этот громадный зал, где свет так хорошо падает сверху, а по стенам расставлено все, что люди когда-нибудь написали, и есть сейчас настоящее место для отдыха» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.121, л.7-7 об.)

21. О приезде семьи Цветаевой из Коктебеля см. в письме Е.Я.Эфрон к В.Я.Эфрон от 9 июля 1914 г. (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.21, л.42). Адрес домовладения Гольдовских, где происходили описываемые события: Москва, Староконюшенный пер., д.25 (не сохранился). В строениях были расположены три квартиры; телефонные аппараты, упоминаемые Р.М.Гольдовской, находились: один в особняке, другой во флигеле, где жили Фельдштейны.

22. РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед.хр.22, л.136-139 об. Фрагмент этой записи опубликован в кн.: А.Н.Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С.328. Лица, упоминаемые в записи Р.М.Гольдовской: Зайченко Платон Платонович, — владелец дома №13 по Кривоарбатскому переулку, где в 1912 г. проживали Е.Я.Эфрон и В.Я.Эфрон; Эфрон Яков Константинович (1851-1909), Эфрон Елизавета Петровна (урожд. Дурново, 1855-1910), их дети: Трупчинская Анна Яковлевна (урожд. Эфрон, 1883-1971), педагог, Эфрон Петр Яковлевич (1883-1914), актер, Эфрон Елизавета Яковлевна, Эфрон Вера Яковлевна, Эфрон Сергей Яковлевич (см. в наст. публ.; Эфрон Константин Яковлевич (1896?-1910). Подробнее о семье Эфронов см.: А.С.Эфрон. Страницы воспоминаний // Звезда. 1973. №3. С.160-161. Миля, — Гринер Эммануил Иванович (1884-1953) — юрист, двоюродный брат М.С.Фельдштейна.

23. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.53, л.2 об. Ср. ответное, вероятно, неотосланное письмо Е.Я.Эфрон <б.д., конец октября 1914 г.>: «Не только этот год я чувствую "День страшного суда", и эпизод в Старокон<юшенном> пер<еулке> не играл никахой роли в моей жизни». — Там же, ед.хр.8, л.2.

24. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.124, л.31. См. также примеч.2 к письму 9.

25. Последовательность текстов данного автографа Цветаевой: I. «Нежный призрак...» II. «Ты проходишь на запад солнца...» III. «Зверю — берлога...» IV. «Много тобой пройдено...» V. «У меня в Москве — купола горят...» VI. «Думали — человек!..» VII. «И мухи крупные вкруг равнодушных кляч...» Первая строка седьмого стихотворения известна в другой редакции: «И тучи оводов вкруг равнодушных кляч...»

26. См.: РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.50 об.

27. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.401, л.47 об.-48. Ср. письмо Цветаевой от 13 сентября 1917 г. к В.Я.Эфрон: «Я — нелегкий человек, и мне главное горе — брать что бы то ни было от кого бы то ни было» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.38).

28. Цветаева в 1919 г. возвращалась к «Юношеским стихам» 1913-1915 гг.: см. ее письмо В.К.Звягинцевой и А.С.Ерофееву (январь 1920 г.), рассказ о том, как она готовила к печати книгу, «<...> безумно увлекаясь собой 20-ти лет и всеми, кого я тогда любила <...>» (цит. по: Коркина Е.Б. О «Юношеских стихах» Цветаевой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник: 1983. Л., 1985. С.124).

29. ГАРФ, ф.1811, оп.1, ед.хр.12, л.327. 8 июня 1917 г. М.С.Фельдштейн писал В.Я.Эфрон из Петрограда: «Работа интересная, хотя Бог ведает, соберется ли Учр<едительное> Собр<ание> вообще и, того гляди, оно соберется не тогда и не так, как нам кажется. Во всяком случае, выясняется, что до января его ждать нечего. Народу всякого по делам вижу много, — но все представители, увы, не обормотского типа. Мужчины деловиты и глубокомысленны, а равноправные женщины — даже косами взять не могут. То ли Коктебель!» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.400, л.38 об.-39). «Равноправные женщины», — в состав Особого совещания входили представительницы Всероссийской лиги равноправия женщин. См. также: Котляревский С.А. Оздоровление // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С.174-185; подробнее о С.А.Котляревском см. также предисловие и комментарии к этому сборнику. 11 августа 1917 г. М.С.Фельдштейн писал В.Я.Эфрон: «Может быть, нас ждет и какое-нибудь необычайное возрождение, но пока революция очень похожа на историческое оправдание самодержавия. Самый страшный наш крах — это крах моральный, а в чем здесь может помочь <1 нрзб.> большевизм, — это для меня темно» (Там же, л.48-48 об.)

30. Крыленко Н.В. Судебные речи: Избранное. М., 1964. С.59.

31. Красная книга ВЧК. М., 1990. Т.2. С.152. Ср. другие показания С.А.Котляревского, в которых он говорил, что М.С.Фельдштейн «представляет тип чистого теоретика, никогда практической политикой не занимался» (Там же. С.313). Сохранилась записка Р.М.Гольдовской от 20 апреля 1920 г., посланная сыну, когда он находился в тюрьме: «Ты был, есть и будешь живой дух дома. Только будь здоров, а так мы за тебя совсем спокойны. <...> Получила письмо от Анатолия Федор<овича> Кони. Он очень расспрашивает о тебе, целует тебя и грустит обо всех нас. Следователь Агранов так любезен, что разрешил посылать тебе книги» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.428, л.1-1 об.) Упомянут Агранов Яков Самуилович (1893-1938) — особоуполномоченный при Президиуме ВЧК, руководивший следствием.

32. См.: Крыленко Н.В. Судебные речи. С.81.

33. Мельгунов С.П. «Суд истории над интеллигенцией»: (К делу «Тактического центра») // На

чужой стороне. Берлин, 1923. [№]3. С.158. Опубликованные документы этого процесса производят впечатление разбирательства, отрежиссированного вплоть до финала; однако, гуманный финал оказался плохо согласованным между инстанциями: так, один из обвиняемых по этому делу, А.А.Червен-Водали, был объявлен «врагом народа», с запрещением «права въезда на территорию Советской республики», — по приговору Верховного ревтрибунала от 20 августа 1920 г.; см.: Крыленко Н.В. Судебные речи. С.81. Но этот обвиняемый был уже расстрелян 23 июля 1920 г. по приговору ревтрибунала в Новониколаевске; см.: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С.334.

34. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.427, л.2. В тюрьме М.С.Фельдштейн заболел брюшным тифом.

35. См. письмо М.С.Фельдштейна к В.Я.Эфрон от 29 сентября 1920 г. (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.402, л.36)

36. См.: РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.433, л.1.

37. Закс Бернард Генрихович (1886-1941) — член Социал-демократии Королевства Польши и Литвы с 1902 г.; арестованный в 1913 г. за революционную деятельность, содержался в тюрьмах под следствием, освобожден в марте 1917 г. Четыре года сестры Эфрон оказывали помощь деньгами и продуктами Б.Г.Заксу и его товарищам по заключению, полякам. В 1918 г. по рекомендации Б.Г.Закса Цветаева поступила на службу в Народный комиссариат по делам национальностей. «Икс», описанный в ее очерке «Мои службы», — Б.Г.Закс. Подробнее см.: Беляев Д.А. Документы о службе М.И.Цветаевой в советских учреждениях в 1918-1919 гг. // Советские архивы. 1989. №1. С.86-90. В этой публикации неверно указан год смерти Б.Г.Закса: 1937, по справочной литературе. Уточненная дата приводится по сообщению К.М.Эфрона, лично знавшего Б.Г.Закса.

38. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.403, л.3-4. Письмо С.Я.Эфрона к Цветаевой впервые частично опубликовано в кн.: Эфрон А.С. Страницы воспоминаний. Париж, 1979. С.86. Ср. письмо М.С.Фельдштейна к В.Я. Эфрон от 6 августа 1926 г.: «Кажется, я мог бы вести бесконечный дневник, обращенный к тебе, если б дневники в наше историческое время не так осложняли существование» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.406, л.67.)

39. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.404, л.33. Упоминается А.С.Эфрон, дочь Цветаевой и С.Я.Эфрона. О каком письме С.Я.Эфрона идет речь, установить не удалось.

40. Там же, л.17. Письмо М.С.Фельдштейна к В.Я.Эфрон от 12 июля 1924 г. На библиотеку М.С.Фельдштейна, насчитывавшую к 1919 г. 4000 томов, была выдана охранная грамота Народного комиссариата просвещения.

41. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.403, л.35. Письмо М.С.Фельдштейна к В.Я.Эфрон от 9 июля 1922 г.

42. См.: Архив МГУ, ф.1, оп.34 л/с, ед.хр.75, л.85. Ср. письмо М.С.Фельдштейна к В.Я.Эфрон 24 июля 1925 г.: «Я очень любил духовную работу и, может быть, не совсем в этой области дурак, но сейчас эта карта бита» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.405, л.10 об.)

43. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.373, л.87 об.

44. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.408, л.56.

45. См.: Макиавелли Н. Сочинения. М.;Л., 1934. В этой книге М.С.Фельдштейну принадлежит перевод наиболее известного сочинения Макиавелли — «Князь». Эта работа получила оценку как «лучшее рус<ское> изд<ание>», см.: Мелещенко З. Макиавелли // Философская энциклопедия. М., 1964. Т.3. С.281. Традиционный перевод заглавия этого сочинения — «Государь». См. также в переводе М.С.Фельдштейна: Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934. Обе книги вышли в издательстве «Academia».

46. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.410, л.28. В романе Ф.М.Достоевского «Бесы» (Часть третья. Глава первая. Праздник. Отдел первый. Главка III) Степан Трофимович Кармазинов, «кладя перо и прощаясь с читателем», восклицает: «...довольно мы повозились друг с другом, милые соотечественники, merci!» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1974. Т.10. С.369).

47. РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.411, л.41 об. 20 августа 1930 г. С.А.Котляревский с семьей выехал из Москвы в Коктебель, где находилась В.Я.Эфрон.

48. С 1934 г. до ареста в 1938 г. М.С.Фельдштейн работал во Всесоюзной библиотеке им. В.И.Ленина. Последняя должность М.С.Фельдштейна — научный консультант главного библиотекаря. См.: Архив РГБ, ф.РГБ, оп.47, ед.хр.814, л.4, 32, 44, 45. Жена М.С.Фельдштейна В.Я.Эфрон в 1915-1917 гг. — артистка Камерного театра, с 1918 г. — инструктор драматического искусства при Культурно-просветительной коллегии Виндаво-Рыбинской железной дороги, в 1919-1921 г. заведовала Народной музыкальной школой Художественного подотдела МОНО, преподавала «драматизацию» в школах и клубах, с 1930 г. работала во Всесоюзной библиотеке им. В.И.Ленина, см.: там же, оп.183, ед.хр.198, л.6, 62-62 об. В феврале 1942 г., как жена репрессированного, была выслана из Москвы в Кировскую область. К этому времени относится письмо В.Я.Эфрон к Е.Я.Эфрон с просьбой прислать «все, что возможно, Маринино, может, перепечатано» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.156, л.19 об.) Письмо б.д. <1943 г.?> — хронологически самое позднее упоминание Цветаевой в переписке сестер. Скончалась В.Я.Эфрон в 1945 г. в Уржуме.

49. Справка Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 мая 1957 г. (личное собрание Т.М.Митрян).

50. Цветаева М.И. Повесть о Сонечке.

1

Коктебель, 27-го мая 1913 г<ода>, понедельник

Милая Волчья Морда[1],

Сейчас на темном небе яркий серп месяца, совсем серебряный, — горящее серебро. В воздухе многочисленные голоса собак. Влетела бабочка и, трепыхаясь, ползет по столу. Лева[2] говорит: «Марина, сейчас влетят разные летучие мыши и всякая гадость».

Мы только что кончили ужинать, — было крикливо, неловко и уныло. Крикливо из-за двух сестер, неловко из-за окриков на них Пра[3] перед матерью[4] и уныло из-за слишком ясного знания всего, что будет.

События сегодняшнего дня: мытье автомобиля перед его окраской, большая прогулка в горы. Мы отделились от художников: Эва Адольфовна[5], Сережа[6], Копа, Тюня[7] и я. Какие горы мы видели, какие скалы, какое море! Сидели, спустя ноги в пустоту, пили воду из какой-то холодной дыры (источника), видели все море и чуть ли не весь мир. Произошел инцидент с Тюней. Сережа сказал, что талья у него самая тонкая из всех присутствующих (талий) и, возмущенный возражением Тюни, стал примерять ее пояс. Он, действительно, наделся на последнюю дырку, но при первом Сережином вздохе... лопнул, — совсем, окончательно, даже кончик отскочил шагов на пять. Тюня тотчас же назвала Сережу свиньей, потом отошла и всю остальную дорогу была гнусна.

Эва Адольфовна была в шароварах Пра и в своем татарском кафтане. Она купила себе голубой купальный костюм в «Бубнах»[8], и мы после прогулки купались, она и я.

Майя[9] тоскует, плакала уже в комнате Эвы Адольфовны, у себя и у Пра.

— «Ну, зачем Вы его выбрали? Что в нем такого? Толстый, с проседью*, в папаши Вам годится! Любить никого не может, я сама часто плачу из-за этого, я понимаю, к<а>к Вам должно быть горько. Да плюньте на него! Выбрали бы себе какого-н<и>б<удь> юношу, стройного, красивого, молодого, вместе бы бегали, вместе бы сочиняли стихи...»

— «Но я не могу на него плюнуть...»

Я думаю! Бедная Майя!

Пра все более и более восторгается Эвой Адольфовной.

А м<ожет> б<ыть>, Вы уже далеки от всего этого.

Трещат цикады. На воле чудно — огромная, тихая ночь.

Я буду счастлива, я знаю, что существенно и не существенно, я умею удерживаться и не удерживаться, у меня ничего нельзя отнять. Раз внутри — значит мое. И с людьми, к<а>к с деревьями: дерево мое — и не знает, т<а>к же человек, душа его.

Со мной даже бороться нельзя: я внешне ничего не беру — и никто не знает, к<а>к много — внутри.

Желтый и синий лев (подарок Э<вы> А<дольфовны> и Петра Ник<олаевича>[10]) смотрит одобрительно. Он сидит рядом с львиной тарелкой[11] с одной стороны и настоящим Левой — с другой.

Автомобиль, пламенно вымытый обормотами, уехал краситься, и вернется вместе с Вами (?) через неделю.

Привет обоим *белым* волкам[12].

М.Э.

2

Коктебель, 28-го мая 1913 г<ода>.

Милый Михаил Соломонович,

Сначала хроника: сегодня утром приехала невероятная, долгожданная, мифическая «мамаша»[1], в к<отор>ую т<а>к не верила Пра, и — представьте себе! — я пожертвовала этим зрелищем для того, чтобы писать Вам письмо.

— Цените? — Вчера Лиля[2], Эва Адольфовна и Сережа уехали первые, я осталась одна у Петра Николаевича. Пили кофе. Он закатывал глаза, говорил туманно и прерывал свою пламенную речь озабоченными восклицаниями, вроде: «А Вам, может быть, мало сахара?» Я, не смущаясь, говорила дальше. Потом пришла Потапенко[3] — одна из жен знаменитого писателя, — и повела нас обедать в какую-то невероятную

* Бедная Волчья Морда! (примеч. Цветаевой)

семью[4] — невероятную своей естественностью, нормальностью провинциализма. Мне сначала понравились эти маленькие, «уютные» комнатки, но потом вдруг стало гнусно. Кроме матери и пятерых детей — всех черных — был еще белый кот, пара тому, черному, у Рогозинских[5]. Что это был за кот! Длинный, худой, цепкий, с бело-желтыми глазами и хриплым, унылым, каким-то предсмертным голосом. Я сделала попытку приласкать его, но не могла. Выходя из этого милого семейства, П<етр> Н<иколаевич> сказал: — «Нет, Марина, не верьте, что этот кот когда-н<и>б<удь> был хорошим. Такие коты хорошими не бывают». — О его прежней хорошести говорила хозяйка в оправдание настоящей его гнусности.

Да! Утром, в 5 часов, Эва Адольфовна и Лиля отправились на пристань[6] и пропустили пароход с Соколом[7], к<отор>ый, к<а>к оказалось после, вообще не приехал.

— Майя вчера ходила в белой головной повязке, Тюня в красивой прическе, делавшей ее похожей на английскую гравюру. Они очень подружились, сидели по обеим сторонам Макса, но когда Тюня нацепила Максу бантик и обезобразила этим его до крайности, Майя, совсем бледная, вышла.

Погода чудная, яркая, жаркая. Вчера Ванда Александровна[8] привезла огромную корзину черешен, — я вспомнила о Вас.

Гудит автомобиль, — кто-то уезжает в Феодосию.

— Без Вас наша жизнь потеряла много остроты. Многое еще хотелось бы Вам сказать.

Всего лучшего, до свидания.

М.Э.

3

Коктебель, 28-ого мая 1913 г<ода>, вторник

Милый Михаил Соломонович,

Сегодня я узнала от Э<вы> А<дольфовны>, что Вы не приедете. Когда *Вы* это узнали, вспомнили ли Вы мое предсказание?

— Очень жаль! Вы застали здесь только предчувствие лета. А сейчас жара, синева. Мы будем ночью ходить в горы. Хорошо будет ночевать на воле! Разожжем костер, возьмем с собой чайник, черешен, увидим восход луны и солнца.

Ужасно, ужасно жаль. Вы, мне кажется, должны любить ночные прогулки и ночные костры. А знаете, когда костер самый лучший? Вечером, на закате, вернее, тотчас же после заката. Дым и розовое небо.

Сегодня приехала Вера[1]. У нее на чердаке прелестно: везде шелковые шали, книги, из окна вид на море.

Пока я не знала, что Вы не приедете, я с радостью писала Вам, мне хотелось, чтобы Вы ничего не пропустили и, приехав, сразу жили дальше, к<а>к мы все. Теперь же я чувствую безнадежность все передать, сохранить Вас действующим лицом и тщетность моих частых писем. Когда Вы едете за границу?

Э<ва> А<дольфовна> в восторге от Пра, Пра в еще большем от нее. Ее подкупает и очаровывает откровенность Э<вы> А<дольфовны>, женственность ее переживаний. Недавно Э<ва> А<дольфовна> положила голову на колени Пра и воскликнула: «Ах, Пра, какая Вы мудрая!» — я бы не сказала. Она понимает все очень элементарно и многого, многого совсем не может понять. С Пра *я* совсем не могу говорить ни о своей жизни (внешне-внутренней), ни о своей душе. У нас с ней прекрасные отношения — вне моей сущности[2].

— Слушайте! Когда у нас будет дом в Тарусе, обязательно приезжайте[3]. Там липовый сад, два маленьких дома, коты, золотое вечернее небо и наше детство. Почему мне сейчас показалось, что Вам скучно слушать о детстве?

Вблизи широкая голубая Ока, плоты, у нас будет лодка. Есть еще грустный, грустный, серый, чахлый базар с режущей душу музыкой, почта с никогда не приходящими долгожданными письмами, а потом воля, синие дали, огромные луга, костры, небо.

Там очень грустно, почти невыносимо жить. Все кажется прошлым и сном. Главное я забыла: чудные часы со штраусовскими вальсами[4]. Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, уплываешь.

В этих часах — весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти, — вся моя душа.

Но это далеко, далеко.

Слушайте, если мы до тех пор почему-н<и>б<удь> разойдемся, я уеду, и Вы один еще лучше переживете все, о чем я Вам писала.

До свидания, привезите мне что-н<и>б<удь> из Мюнхена[5].

М.Э.

4

Коктебель, 7<-8>-го мая / июня! 1913 г<ода>[1], пятница

Милый, к<а>к мне Вас жаль из-за проданного имения[2] и к<а>к дерзко, что Вы мне т<а>к долго не отвечаете. Je me partage entre ces deux sentiments*. Сейчас шесть часов вечера, за окном качается порозовевшая трава.

Слушайте, что бы Вы сейчас ни делали, бросьте все: садитесь в вагон, из вагона — в экипаж, велите лошадям звенеть бубенцами, нюхайте гадкую траву (помните?), восторгайтесь показавшейся вдали башней Макса, — пусть она растет, и когда дорастет до естественных размеров, прыгайте с экипажа.

— Все это, конечно, мысленно.

Потом мы будем пить чай на террасе, — без конфет, но с радостью. А когда стемнеет, будем проявлять[3]. (Сегодня мы три раза снимали море за Змеиным гротом). Потом пойдем за калитку и увидим восход луны.

Ах, вчера было чудно! Огромная желтая луна над морем, прямо посреди залива, и под ней длинная полоса грозно-летящих облаков. Луна то исчезала, то вспыхивала в отверстии облака, то сквозила слегка, то сразу поднималась. Казалось, все летит: и луна, и облака, и Юпитер. — Все небо летело.

Говорили о конце света, и Вера боялась идти на свой чердак, где с потолка сыплется известка, а в щели врывается и воет ветер.

Мы с Сережей и Тюней — втроем — танцевали вальс.

Сегодня Сережа, Сокол и я были за Змеиным гротом, дальше того места, где я Вас с Сережей снимала. Мы взобрались на острую, колючую скалу и сидели, свесив ноги. Были огромные, бешеные волны.

Сейчас много черешен, — бедное мое волчье золото[4]! Мы сегодня вчетвером съели девять фунтов. Пра перестала давать обеды, и мы теперь ходим в столовую на горе: Лиля, Сережа, Сокол, Маня Гехтман[5] (помните ночь после Халютиной[6]? Вы очень сердитесь на меня за записку?), Вера, Тюня, Копа и я. Остальные обедают в другом месте. В столовой мило и похоже на Швейцарию. Из одного окна вид совсем Швейцарский, из другого — напоминает Св<ятую>Елену[7]: пустынные желтые холмы, за к<оторы>ми чувствуется океан.

Чтобы привести в ужас других обедающих, Сережа и Сокол рассказывают самые невероятные вещи: об острове Цейлоне, поездках на Циппелине[8], знакомстве с франц<узским> премьером и т<ому> п<одобное>. Сегодня они были обезьянами.

Да, у нас завелся новый француз[9]: тоже сентиментальный, но еще не влюбленный в Лилю. Мы с ним собирали камешки, и я дала ему один — довольно гадкий. Он тотчас же сделал вид de la mettre sur son coeur (la pierre)**

Петр Николаевич привез с собой много вина, (он же привез француза), — был последний и самый буйный ужин. Кончилось тем, что Маня Г<ехтман> заснула в комнате у Макса, несмотря на то, что француз идеально изображал кинематограф.

— А все-таки интересно, напишете ли Вы мне, или нет? —

Эва Адольфовна последние дни совсем не была в Коктебеле. Это мы все ясно чувствовали. Проводы были без пороха, м<ожет> б<ыть>, из-за ее слабого желания скорой встречи. Она под конец совсем устала и сама не знала, хочет ли вернуться в Коктебель.

---

* Колеблюсь между двумя этими чувствами (фр.)

** Что прикладывает его (камень) к сердцу (фр.)

Передайте ей мой нежный привет. Впрочем, она раньше Вас получит от меня письмо[10]. До свидания, всего лучшего.

М.Э.

P.S. Спасибо за письмо*. Прочтите эту фразу ласковей, чем она звучит.

Коктебель, 8-го июня 1913 г<ода>, суббота[11]

Мордочка моя золотая, милая, волчья! Значит я верно поняла, что эта продажа имения будет для Вас горем! К<а>к мне Вас жаль, к<а>к мне больно за Вас! И ничего нельзя сделать. Слушайте, я непременно хочу, чтобы Вы побывали у нас в Трехпрудном, увидели холодный низ и теплый верх, большую залу и маленькую детскую, наш двор с серебристым тополем, вывешивающимся чуть ли не на весь переулок, — чтобы Вы все поняли! А главное — чтобы Вы увидели Андрея[12], т<а>к не понимающего, чем был и есть для нас *его* дом. Тогда — мне кажется — Вы поймете глубину и остроту моей боли за Вас.

Проходя мимо дома в Трехпрудном, мне всегда хочется сказать: «ci gît ma jeunesse»**.

Вы для меня теперь освящены страданием, Вы мне родной.

Я много думаю о Вас.

Не вчитывайтесь в мое третье письмо[13], мне отчего-то хотелось сделать Вам больно, я злилась на Вашу покорность судьбе. Но заметьте одно странное совпадение: в конце этого письма я писала Вам о маленьком доме под большими липами на берегу Оки. Что-то во мне к<а>к будто почуяло продажу Катина и предлагало Вам — очень робко — то, что будет у меня.

Когда мне было 9 лет — мы были тогда в Тарусе, — я сказала гувернантке: «Мы живем здесь семь лет подряд, но мне почему-то кажется, что наша жизнь очень изменится и мы сюда долго не приедем». Через месяц мама заболела туберкулезом, мы уехали за границу и вернулись в Тарусу через 4 года, — мама там и умерла. —

Слушайте, это не фраза: что бы потом не было, я никогда не отрекусь, что Вы одна из самых моих благородных встреч.

М.Э.

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость — жизнь мне, имя — шалость!
Смейся, кто не глуп!»
— И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз, —
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была, к<а>к сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

* Первое, — второе я получила на другой день (примеч. Цветаевой).
** Здесь покоится моя юность (фр.)

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих и нежность
Самых дерзких фраз, —
Каменную безнадежность
Всех моих проказ![14]

Коктебель, 29-го мая 1913 г<ода>, среда[15].

М.Э.

5

Курск, 7-го сент<ября> 1913 г<ода>, 1 ч<ас> дня[1]

Дорогая Эва Адольфовна.

Отъезжая, я вдруг вспомнила, что еду без паспорта и, следовательно, не могу ночевать в гостинице. Послала телеграмму Петру Николаевичу[2], — м<ожет> б<ыть>, у него есть кто-н<и>б<удь> знакомый в Севастополе. Жду его ответа на Севаст<опольском> вокзале. Если и он ничего не найдет — придется всю ночь гулять по Севастополю[3]. Безумная жара. Всю ночь подо мной происходили бешеные столкновения человеческих душ: женские выгоняли мужские. Пока всего лучшего, спасибо за проводы. Привет всем Вашим. Еду.

М.Э.

6

Yalta, le 20 septembre 1913, samedi.

Cher ami,

Voici que l'idée me vient — irrésistible et jolie — de Vous écrire en français. Nous en sommes à une nouvelle époque de nos relations — époque tranquille et charmante, où deux âmes se séparent sans tristesse et se revoient avec plaisir.

— Il aurait fallu commencer par cela! —

J'ai une offre à Vous faire, — offre que Vous êtes libre de repousser et dont moi la première ne ferai peut-être aucun usage, — sans engagement aucun. Puisque Vous êtes un curieux d'âmes humanies et comme la mienne me semble faite expres pour de tels amateurs — je Vous offre d'être mon confesseur, — confesseur charmant et charmé et complètement discret, comme s'il y avait des secrets d'Etat à faire*.

— Commençons par dire que les beaux yeux et la maladie et le mauvais coeur de Pierre Efron m'ont fait rêver pendant deux jourset me font rêver encore — une fois par semaine, cinq minutes avant m'endormir.

La face amaigrie — point belle, ses yeux fatigués — très beaux (quoi qu'il n'aie pas seulement pris la peine de les bien ouvrir) auraient pu me faire vraiemant mal, si mon âme ne se cambrait tant contre toute souffrance, tout en allant à elle les bras ouverts.

— Que Vous dirai-je encore? —

Connaissez-Vous l'historie d'un autre jeune homme, qui se réveilla un beau matin, le front ceint de lauriers et de rayons? Ce jeune homme était Byron et cette histoire — on m'a dit qu'elle serait la mienne. Je l'ai cru et je n'y crois plus.

— Est-ce cela — la sagesse de l'âge?

* Правильнее — à fabriquer; или: comme s'il y avait entre nous des secrets d'Etat.

Ce que je sais encore — c'est que je ne ferai rien ni pour ma gloire ni pour mon bonheur. Cela doit venir tout seul, comme le soleil.

— Agréez, Monsieur, l'assurance de ma profonde confiance, que Vous tromperez peut-être?

*Marina Efron.**

7

Феодосия, 11-го декабря 1913 г<ода>, четверг

Милый Михаил Соломонович,

Сереже лучше, — вчера ему дали пить[1]. Около трех суток он ничего не пил и говорил только о воде. Ужасно было сидеть с ним рядом и слушать, а потом идти домой и пить чай. Подробности операции пишу Лиле[2].

Вы меня очень тронули телеграммой. Приходится вспомнить слова Goethe: «Wie ist doch die Welt so klein! Und wie muss man die Menschen lieben, die wenigen Menschen, die einen Lieb haben**».

Впрочем, Goethe сказал много, но мне больше нравится по-своему.

Вот мои последние стихи:

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

---

* Ялта, 20 сентября 1913 <года>, суббота[1]

Дорогой друг,

мне пришла идея — очаровательная и непреодолимая — написать Вам по-французски. Мы вступили в новую эпоху наших отношений — спокойную и прелестную, когда две души расстаются без печали и встречаются с удовольствием.

Надо было начать вот с чего! У меня к Вам есть одно предложение, которое Вы вольны отклонить, и которым я же первая, может быть, не воспользуюсь, — предложение безо всякого обязательства. Поскольку Вы любитель человеческих душ и поскольку моя душа, как мне кажется, прямо-таки создана для таких любителей, — я предлагаю Вам стать моим исповедником, — очаровательным и очарованным исповедником, но таким же верным, как если бы ему были доверены государственные тайны.

Начнем с того, что прекрасные глаза, недуг и недружелюбие Петра Эфрона[2] два дня не давали мне покоя и продолжают быть моей мечтой еще и теперь — раз в неделю, в течении пяти минут перед тем, как заснуть.

Его худое лицо — совсем не красивое, его истомленные глаза — прекрасные (он как бы не имеет сил открыть их полностью) могли бы стать моей истинной болью, если бы моя душа так гибко не уклонялась бы от всякого страдания, сама же летя в его распростертые объятия.

Что еще сказать Вам?

Знаете ли Вы историю другого молодого человека, проснувшегося в одно прекрасное утро увенчанным лаврами и лучами? Этим молодым человеком был Байрон[3], и его история, говорят, будет и моей. Я этому верила и я в это больше не верю.

— Не та ли это мудрость, которая приходит с годами? Я только знаю, что ничего не сделаю ни для своей славы, ни для своего счастья. Это должно явиться само, как солнце.

Примите, сударь, уверение в моем глубоком доверии, которое Вы, возможно, не оправдаете?

Марина Эфрон.

(Перевод Е.Б.Коркиной).

** Как же мал мир! И как надо людям любить друг друга, немногим, кого объединяет любовь[3] (нем.)

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня,
И будет все, к<а>к будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

— К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!)
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно, —
За правду «да» и «нет»,
За то, что мне так часто слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! Еще меня любите
За то, что я умру[4].

Всего лучшего. Буду рада Вашему письму и тогда напишу еще. Привет Эве Адольфовне.

М.Э.

8

Феодосия, 23-го декабря 1913 г<ода>, понедельник[1]

Дорогой Михаил Соломонович,

Пишу Вам в каком-то тревожном состоянии. Сейчас я у Аси одна во всем доме, если не считать спящего Андрюши[2].

— В такие минуты особенно хочется писать письма.

Сейчас вся Феодосия в луне. Я бежала вниз со своей горы и смотрела на свою длинную, черную-черную тень, галопировавшую передо мною. Рядом бежала собака Волчек — вроде Волка. (Не примите за намек!) — Ах, я только сейчас заметила, что написала с большой буквы! Вот, что значит навязчивая боязнь не т<а>к быть понятой! — (Это, кажется, сказала Сидоровая[3], — вся прелесть в «я»!)

Сколько скобок! Восклицательных знаков! Тирэ!

Завтра будет готово мое новое платье — страшно праздничное: ослепительно-синий атлас с ослепительно-красными маленькими розами. Не ужасайтесь! Оно совсем старинное и волшебное. Господи, к чему эти унылые английские кофточки, когда т<а>к

мало жить! Я сейчас под очарованием костюмов. Прекрасно — прекрасно одеваться вообще, а особенно — где-н<и>б<удь> на необитаемом острове, — только для себя!

В Феодосии — ослепительные сверкающие дни[4]. Сегодня был дикий ветер, сегодня я видала женщину, родившуюся в 1808 г<оду>, сегодня лунная ночь, а завтра будет готово мое новое платье!

— Видели ли Вы Сережу и к<а>к нашли его? Если можете, постарайтесь оставить его в Москве до 28-го. Я боюсь, что он тотчас же захочет в Феодосию и не успеет отдохнуть от дороги.

Пишите, где и к<а>к провели Сочельник и Новый Год. Пришлите мне какую-н<и>б<удь> хорошую карточку Тани[5].

Это пока все мои просьбы. М<ожет> б<ыть>, когда-н<и> б<удь> будет одна — большая.

Всего лучшего Вам обоим, Вам троим.

М.Э.

9

<Москва, октябрь 1916 года>[1]

Милые Эва и Миша,

Пишу к Вам по поручению Сережи. Он просит у Вас рекомендательное письмо к Петухову[2].

Сам он очень торопился в лечебницу. Если письмо уже существует, передайте его, пожалуйста, моей прислуге.

Всего лучшего.

М.Э.

P.S. Мои интимные письма — слишком интимны, официальные — слишком официальны.

Извините меня за скуку этого и не сомневайтесь в моей искренней симпатии.

Примечания

1

1. Источник этого обращения выявить не удалось; тема «волка» в сочетании с мотивами дружбы и свободы возникала во многих произведениях Цветаевой. Ср. начало стихотворения «Волк», написанного в октябре 1920 г.:

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

2. Домашнее прозвище С.Я.Эфрона.

3. Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна, мать М.А.Волошина; о ней см. примеч.8 к вступит. ст. Пра (от слова «праматерь») — шутливое прозвище Е.О.Кириенко-Волошиной в кругу коктебельцев. О происхождении этого прозвища см. комментарий в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.668-669. См. также примеч. 9 к письму 4.

4. Если слова «перед матерью» прочесть как относящиеся к Е.О.Кириенко-Волошиной, то две сестры, упоминаемые в этом предложении, — Копа и Тюня, описанные ниже; о них см. примеч.7 к этому письму.

5. Ева Адольфовна Фельдштейн, жена М.С.Фельдштейна; о ней см. во вступит. ст.

6. С.Я.Эфрон.

7. Московские знакомые М.А.Волошина, Е.Я. и С.Я.Эфронов. Копа — Субботина Капитолина М<?> — актриса Свободного театра в Москве в 1913-1914 гг.; см. о ней в воспоминаниях Л.Е.Фейнберга: Из книги «Три лета в гостях у Максимилиана Волошина» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.292. О Тюне известно, что она младшая сестра К.М.Субботиной. Капризный нрав сестер не способствовал продолжению общения коктебельцев с Копой и Тюней, чем объясняется скудность сведений об этих лицах. Ю.Л.Оболенская отметила в дневнике, что после прогулки на парусной лодке 22 июня 1913 г. К.Ф.Кандауров и другие коктебельцы «ворчали хором на Копу с Тюней и остальных обормотов»; далее приведен рассказ Кандаурова о Волошине: «Пишет "Венок Сонетов", жалуется на "Копа-Тюнек", устал от людей» (ГЛМ, ф.348, оп.1, №1, л.20 об.) Это настроение отражено в стихотворении Волошина «Я быть устал среди людей...» 8 июля 1913 г. Ср. также в письме Е.А.Фельдштейн к М.С.Фельдштейну от 28 мая 1913 г.: «Приехала мама Копы и Тюни. Она такая же, как они, только без молодости, подумай, как ужасно» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.429, л.37).

8. Кафе в Коктебеле на берегу моря, принадлежало греку А.Г.Синопли; описано во многих воспоминаниях, см.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.315-317.

9. Мария Павловна Кювилье, о ней см. примеч. 8 к вступит. ст. Ср. в письме Е.А.Фельдштейн к М.С.Фельдштейну от 28 мая 1913 г.: «Теперь о Майе.

Мне ее жаль и жаль. Она, по-видимому, со всей силой первой страсти любит этого толстого старого Макса и глубоко несчастна. С Тюней она очень мила, вообще она себя держит тихо и грустно и все время борется со слезами. <...> Я вчера нарочно устроила прогулку и увела Тюню, чтобы Майя могла одна побыть с Максом. Тюня сначала не заметила и очухалась только на Карадаге, и стала там сразу несносная, злая и капризная». (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.429, л.36 об.-37). Далее в публикуемом письме Цветаевой изложен, предположительно, разговор Е.О.Кириенко-Волошиной с Майей Кювилье.

10. Лампси Петр Николаевич — мировой судья в Феодосии; внук художника Ивана Константиновича Айвазовского. Цветаева была частой гостьей дома Лампси.

11. В 1932 г. в воспоминаниях «Живое о живом» Цветаева писала: «У меня здесь, в Кламаре, на столе, на котором пишу, под чернильницей, из которой пишу, тарелка. Столы и чернильницы меняются, тарелка пребывает, вывезла ее в 1913 году из Феодосии и с тех пор не расставалась. В моих руках она стала еще на двадцать лет старше. Тарелка страшно тяжелая, фаянсовая, старинная, английская, с коричневым побелу бордюром из греческих героев и английских полководцев. В центре лицо, даже лик: лев. Собственно, весь лев, но от величины головы тело просто исчезло. Грива, переходящая в бороду, а из-под гривы маленькие белые сверла глаз. Этот лев самый похожий из всех портретов Макса. Этот лев — Макс, весь Макс, более Макс, чем Макс. На этот раз *жизнь* занялась мифотворчеством» (Цветаева М. Соч. В 2 т. М., 1980. Т.2. С.244).

12. О ком или о чем идет речь, выяснить не удалось; см. примеч. 1 к этому письму; см. также примеч.4 к письму 4.

2

1. Мать сестер, упоминаемых в письме Цветаевой к М.С.Фельдштейну от 27 мая 1913 г. См. примеч. 7 к письму 1.

2. Описано посещение дома П.Н.Лампси в Феодосии; Е.Я.Эфрон, Е.А.Фельдштейн и С.Я.Эфрон первыми уехали обратно в Коктебель на автомобиле В.А.Рогозинского (см. ниже, примеч.5), Цветаева осталась у П.Н.Лампси.

3. Точно установить, о ком идет речь, не удалось. Потапенко Игнатий Николаевич (1856-1929) — писатель, драматург; его женой была Потапенко Мария Андреевна — драматург, переводчица.

4. Неустановленные лица.

5. Рогозинский Владимир Александрович (1882-1951) — инженер, архитектор; его жена Рогозинская Ольга Артуровна (1888-1971, урожд. Лаоссон) — друзья М.А.Волошина. Рогозинскому принадлежал автомобиль, упоминаемый в письмах Цветаевой.

6. Вероятно, имеется в виду пристань в Феодосии; в Коктебеле в 1913 г. не было причала для пароходов.

7. Соколов Владимир Александрович — см. о нем примеч. 14 к вступит. ст., примеч.6 к письму 4, примеч.3 к письму 8. В.А.Соколов был режиссером первой в Москве постановки драмы А.А.Блока «Незнакомка». Первый спектакль состоялся 3 февраля 1913 г. в московском Литературно-художественном кружке, см.: Блок А.А. Собр. соч. В 8 т. М., 1961. Т.4. С.577. В первой половине 1920-х гг. В.А.Соколов — артист Камерного театра, см.: РГАЛИ, ф.2030, оп.1, ед.хр.241, л.44 об.

8. Рогозинская (?-1914) — сестра (?) В.А.Рогозинского.

3

1. Эфрон Вера Яковлевна — актриса; сестра С.Я.Эфрона. См. о ней примеч.8 к вступит. ст., примеч.7 к письму 2. Ср. также письмо Е.А.Фельдштейн к М.С.Фельдштейну от 28 мая 1913 г.: «Вера приехала. Милая, живая, остроумная и обаятельная. Они все вместе сидят и кофе пьют, а я присела тебе писать. Когда я вижу Лилю и Веру, у меня всегда слеза к горлу подступает и все думается о тебе, и когда я сегодня услышала, как Лиля счастливо крикнула: "Вера!" — то я горько заплакала в своей комнате» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.429, л.36-36 об.) 13 июля 1913 г. Е.А.Фельдштейн писала мужу в ответ на его повествование о жизни коктебельцев: «Обидно слышать о неладах в обормотнике. Весь его шарм утрачивается, если видишь, что и тут то же самое. Видно, красивая совместная жизнь людям не под силу. А мне так горько это сознавать, то, от чего я больше всего страдаю. Хуже болезней и несчастий для меня вид непонимающих друг друга близких людей. Мне жаль Макса: давно ни в ком человеческое одиночество не было для меня так очевидно. Бедный, неужели он так и не попробовал поговорить с Верой. Что Вера самая значительная из них — мне всегда казалось, и я верю, что ты должен был сойтись именно с нею. Лиля удивительно благородна, хотя, по-моему, ей не совсем к лицу ее капризность, и потом она так плохо разбирается в людях, а по-моему, даже в собственных мыслях плохо разбирается» (Там же, л.41 об.-42 об.)

2. Отношение Цветаевой к Е.О.Кириенко-Волошиной не было столько однозначным; реплики о «внешне-внутренней» жизни и т.п. — скорее, элементы словесного автопортрета Цветаевой. Ср. письмо Цветаевой к В.Я.Эфрон от 28 апреля 1913 г.: «Пра необычайно мила, мне хотелось бы сказать, — человечна. Мы долго сидим с ней, я сопровождаю ее в ее хозяйств<енных> путешествиях» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.10).

3. Вероятно, Цветаева и ее муж намечали приобрести (получить в наследство?) дом в Тарусе, где жила Сусанна Давыдовна Мейн, по прозвищу «Тьо», т.е. «тетя», бывшая бонна Марии Александровны Цветаевой (урожд. Мейн), матери М.И. и А.И.Цветаевых. В описываемое время С.Д.Мейн — вдова Александра Даниловича Мейна (1836-1899), отца М.А.Цветаевой. Цветаева с мужем гостили у С.Д.Мейн в Тарусе в июне 1912 г., подробнее см.: Саакянц А.А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества. (1910-1922). М., 1986. С.40.

4. См. письмо Цветаевой к В.Я.Эфрон от 11 июня 1912 г. о чудачествах С.Д.Мейн: «Часы с вальсами Штрауса и Ланнера больше не ходят, она говорит, что это после нашего последнего приезда» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.4).

5. В 1911-1912 гг. М.С.Фельдштейн находился в Германии с целью сбора материалов для научных работ; в 1913 г. его поездка за границу не состоялась.

4

1. Текст письма 4 написан на двух листах почтовой бумаги, каждый из листов сложен вдвое. Текст, датированный в автографе 8 июня 1913 г., расположен на обороте второго полулиста. Стихотворение «Мальчиком, бегущим резво...» — на третьем полулисте; четвертый, последний полулист — чистый. Таким образом, три части этого письма составляют один документ. В автографе на первом полулисте в написании даты письма слово «июня!» вписано Цветаевой над незачеркнутым словом «мая».

2. Катино — имение Гольдовских в Тверской губернии, за Лихославлем. Детство и юность М.С.Фельдштейна связаны с Катино, там же состоялось его знакомство с Е.А.Фельдштейн и свадьба. Имение было продано в начале июня 1913 г., после многолетних поисков покупателя. Ср. запись в дневнике Р.М.Гольдовской от 2 июня 1913 г.: «наше бедное Катино <...> пошло за 9000! <...> Где рос и вырос, влюблялся и венчался Миша, <...> там теперь <...> будут разводить свиней и всякую "живность" <...>» (РГАЛИ, ф.128, оп.1, ед. хр.22, л.63 об.-64). Венчались М.С. и Е.А.Фельдштейны по обряду Евангелическо-Лютеранской церкви.

3. См. письмо М.С.Фельдштейна к В.Я.Эфрон от 21 августа 1913 г.: «Посылаю все фотографии. Сейчас печатаю для Марины. В общем, они не дурные; когда я их просматривал, на душе вторая весна была» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.399, л.7 об.) См. также письмо Цветаевой к В.Я.Эфрон от 25 сентября 1913 г.: Там же, ед.хр.416, л.15. О фотоснимках, сохранившихся у М.А.Волошина см.: Танасийчук В.И. Из коктебельской сокровищницы // Наука и жизнь. 1983. №1. С. 134-141. См. также письмо Цветаевой к В.Я.Эфрон от 16 ноября 1917 г., в котором ящик с фотографиями отмечен в перечне имущества квартиры в Борисоглебском переулке в одном ряду с драгоценностями: Там же, л.41. Судьба этих фотографий неизвестна.

4. Одно из значений эпитета «волчий» в кругу коктебельцев — «таинственный». Ср. запись Ю.Л. Оболенской о Карадаге, мимо которого вечером 7 июля 1913 г. она проплывала в лодке вместе с М.А.Волошиным, К.Ф.Богаевским, Л.А.Бруни и другими: «У Льва Ал<ександровича Бруни> были волчьи глаза и он спросил меня: "Теперь понимаете, Ю<лия> Л<еонидовна>, почему на меня это произвело такое впечатление?"» (ГЛМ, ф.348, оп.1, л.28 об.) Бруни Лев Александрович (1894-1948) — художник.

5. Гехтман Мария Лазаревна (1892-1947) — пианистка, в 1936-1941 гг. — преподаватель общего фортепьяно в Московской консерватории; близкая подруга Е.Я. и В.Я.Эфрон. В 1911, 1915 гг. — одна из обитательниц «обормотской» квартиры сестер Эфрон в Москве. См. письмо Е.О.Кириенко-Волошиной к В.Я.Эфрон от 26 марта 1915 г.: РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.382, л.9 об.

6. Халютина Софья Васильевна (1875-1960) — артистка Московского Художественного театра, педагог; в 1909-1914 гг. руководительница драматических курсов — «театральной школы», где обучались В.Я.Эфрон и В.А. Соколов. Можно предположить, что упоминание Халютиной связано с посещением в Феодосии спектакля гастролировавших там актеров — учащихся этих курсов.

7. На острове Святой Елены шесть лет находился в ссылке Наполеон.

8. Цеппелин (у Цветаевой ошибочно: Циппелин) — управляемый аэростат, названный по имени его изобретателя, графа Ф. Цеппелина (1838-1917) — немецкого офицера. Аэростаты этого конструктора применялись в годы Первой мировой войны; ср. стихотворение М.А.Волошина «Цеппелины над Парижем», написанное в 1915 г.

9. Лицо неизвестное; «<...> еще не влюбленный в Лилю», — намек на коктебельскую мистификацию, когда М.А.Волошин, Е.О.Кириенко-Волошина и «обормоты» изображали патриархальную семью перед поклонником Е.Я.Эфрон, приехавшим в 1911 г. из Парижа, см.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.668.

10. Другие письма Цветаевой к М.С.Фельдштейну и Е.А.Фельдштейн, помимо девяти, ныне публикуемых, не сохранились; утрачены также все письма этих лиц к Цветаевой.

11. Продолжение письма от 7 июня 1913 г.; см. примеч. 1 к этому письму.

12. Цветаев Андрей Иванович (1890-1933) — единокровный брат Цветаевой, сын И.В.Цветаева от первого брака; был наследником отцовского дома в Трехпрудном переулке в Москве.

13. См. письмо 3.

14. Вслед за первой публикацией (в кн.: Цветаева М.И. Избр. произв., М.;Л., 1965) в других изданиях стихотворение датировано 19 мая 1913 г., см., напр.: Цветаева М.И. Соч. В 2 т. М., 1980. Т.1. С.38. Вторая строка шестой строфы в опубликованной редакции читается: «Гнева напоказ...»

Существует произвольная гипотеза о том, что данное стихотворение обращено к М.А.Волошину, см.: Козлова Л. Римский семинарист и сказочный медведюшка: По поэтическим следам второй книги Марины Цветаевой // Laterna magica: Альманах. М., 1989. С.151-152. В подтверждение своей версии автор статьи указывает на отсутствие комментария к этому стихотворению в «двухтомнике» Цветаевой издания 1980 г., не упомянув другие публикации, в которых отмечен факт обращения этого стихотворения к М.С.Фельдштейну. «<...>Луны / Двух огромных глаз», — ревнивая реплика, намек на В.Я.Эфрон, которой был увлечен М.С.Фельдштейн, см. примеч.1 к письму 3. Ср. также впечатление художника о С.Я.Эфроне: «Как у всех Эфронов, его серые глаза поражали величиной и глубиной» (Фейнберг Л.Е. Из книги «Три лета в гостях у Максимилиана Волошина» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.269). Обращено к М.С.Фельдштейну еще одно стихотворение Цветаевой — «Я сейчас лежу ничком..» (1 июня 1913 г.)

15. В рукописи слово «среда» написано строкой ниже числа и подписи автора.

5

1. Открытка; текст написан простым карандашом. Письмо написано по дороге из Москвы в Крым, по всей вероятности, на вокзале.

2. Лампси Петр Николаевич — о нем. см. примеч. 10 к письму 1. Упоминаемая телеграмма Цветаевой не сохранилась.

3. См. письмо Цветаевой к В.Я.Эфрон от <17> сентября 1913 г.: «В Севастополе я ночевала в купальне, — было чудно: холод, шум моря, луна и солнце, утром стало хуже, — полосатые дамы» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.14).

6

1. В 1913 г. 20 сентября приходилось на пятницу.

2. Эфрон Петр Яковлевич — актер; старший брат Анны, Елизаветы, Веры и Сергея Эфронов. См. также вступит. ст. и примеч. 22 к ней.

3. Размышления Цветаевой о судьбе английского поэта отражены в стихотворении «Байрону» («Я думаю об утре Вашей славы...»), датируемом 24 сентября 1913 г.

7

1. Осенью 1913 г. в состоянии здоровья С.Я.Эфрона наступило ухудшение; в сентябре — октябре он вместе с В.А.Соколовым проходил курс лечения в ялтинской Санатории императора Александра III.

2. Упоминаемое письмо Цветаевой не сохранилось.

3. Источник приведенного высказывания И.-В.Гете (?) не установлен.

4. Вслед за первой публикацией (в кн.: Цветаева М. Избранное. М., 1961. С.30-31), в последующих изданиях это стихотворение датируется 8 декабря 1913 г. Вновь публикуемый текст имеет незначительные пунктуационные расхождения с известными изданиями.

8

1. По всей вероятности, письмо написано в ночь с 22 на 23 декабря 1913 г.: 23 декабря в этом году приходилось на понедельник.

2. Трухачев Андрей Борисович — сын А.И.Цветаевой и Б.С.Трухачева; о них см. примеч. 8 к вступит. ст.

3. Сидоровая — предположительно, некий персонаж (шуточный псевдоним Цветаевой?), провозглашающий серьезным тоном расхожие сентенции. Ср. упоминание того же персонажа в письме Цветаевой к В.Я.Эфрон от <17> сентября 1913 г.:

«Милая Вера,

"Я не съела ни листа, —
К<а>к могла я быть сыта?";

Это Сидоровая поздравляет Вас с именинами» (РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.14). Ср. запись в дневнике Ю.Л.Оболенской от 7 августа 1913 г.: «Третьего дня (5-го) читал Сокол нам обормотскую драму и стихи разных авторов невозможного свойства» (ГЛМ, ф.348, оп.1, №1, л. 51 об.) Тогда же, 4 или 5 августа, состоялся «вечер двустиший»; Оболенская записала обращенный к ней экспромт Цветаевой: «Быстрее пули я — Юлия» (Там же, л.52). В дневнике Оболенской записаны упражнения неизвестных авторов, адресованные В.Я.Эфрон и М.С.Фельдштейну: «Разрази тебя холера, нас питающая Вера», «Пожирает карасей Соломонов Моисей». В.А.Соколов посвятил художнице М.М.Нахман строки: «И для мудреца туманна Магда Максимильяна» (Там же, л.52).

4. Приехав с мужем и дочерью 17 сентября 1913 г. из Ялты, Цветаева поселилась в Феодосии в доме Алисы Федоровны Редлих и ее мужа Эдуарда (?) Морицевича Редлиха на Карантинной горе, см.: Кривошапкина Е.П. Веселое племя «обормотов» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.311-312.

5. См. примеч. 11 к вступит. ст.

9

1. Письмо без даты; датируется по содержанию, в сопоставлении с письмами Цветаевой к Е.Я.Эфрон и В.Я.Эфрон. В письме к Е.Я.Эфрон от 30 сентября 1916 г. Цветаева сообщает о своем обращении к Д.В.Цветаеву с просьбой устроить С.Я.Эфрона на работу в Московский Военно-промышленный комитет, см.: РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.124, л.36 об. В письме к В.Я.Эфрон (позднее 30 сентября 1916 г.) говорится о предполагаемом посещении С.Я. Эфроном этой организации; однако он не был принят на работу в указанный Комитет. К этому времени относится и публикуемое письмо, связанное с предполагавшимся устройством С.Я.Эфорона на службу во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам, где работал Н.Г.Петухов. Все три вышеуказанные письма Цветаевой написаны на почтовой бумаге одной фирмы, этот сорт бумаги не встречается в других письмах Цветаевой. Более подробных сведений по этому сюжету обнаружить не удалось. Упомянутое письмо Цветаевой к В.Я.Эфрон см.: РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.416, л.32.

2. Петухов Николай Григорьевич — экономист; знакомый М.С.Фельдштейна. В 1916 г. Н.Г.Петухов — заведующий отделом финансово-статистического учета и уполномоченный отдела санитарных поездов во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам. Н.Г.Петухов преподавал политическую экономию на экономическом отделении Московского коммерческого института. С 1914 г. М.С.Фельдштейн, преподававший в этом институте государственное право, являлся членом комиссии по оказанию помощи раненым при Попечительном совете и Учебном комитете Московского коммерческого института, см.: Отчет Московского коммерческого института: 1913-1914 год. М., 1915. С.15; Отчет Московского коммерческого института: 1914-1915 год. М., 1917. С.7, 10, 52.

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Д.А.Беляева.

Вяч. И. Иванов
Предисловие
к повести Л.Д.Зиновьевой-Аннибал
«Тридцать три урода»

Повесть «Тридцать три урода» по ряду причин осталась закрытой для читателей. Экстравагантность фона (любовь двух женщин) заслонила идейную перспективу и высокую проблематику произведения. Современная ей критика увидела в повести лишь порнографию — и такой ракурс прочтения не только создал определенную скандальную рекламу (в 1907 г. она выдержала три издания), но задал и дальнейшую традицию ее восприятия.

По замечанию Т.Л.Никольской, автора единственной статьи о творчестве Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, оценить повесть сумел один Вяч.Иванов[1]. Это не удивительно — «Тридцать три урода» находятся в рамках того взгляда на Эрос (в истоках своих — платоновский), который был выработан совместно Зиновьевой-Аннибал и Ивановым[2], неоднократно подвергался обсуждению на «башне», а также стал базой для их жизнетворческих опытов[3]. Публикуемый нами текст — развернутое изложение этого взгляда, раскрывающее в повести ее основное содержание.

С другой стороны, «Тридцать три урода» — произведение, принадлежащее эпохе «дерзновения», «бунта» в жизни Ивановых, оформленной в идеях «мистического анархизма», в конечном итоге — эпохе революции в России. В нем очевидно сказался протест против устаревшей семейной и половой этики этого периода. Октябрьский переворот и в особенности первые годы Советов у Иванова, как и у многих символистов, актуализировали идеи периода 1905-1907 гг. — «как бы метафизические пропилеи реальной революции»[4]. Поэтому издание произведений Зиновьевой-Аннибал становится важной частью деятельности Иванова в эти годы.

До своего отъезда из Москвы в 1920 г. (в Кисловодск, затем в Баку) Иванов сотрудничал со многими оставшимися издательствами — Сабашниковых, Брокгауза и Ефрона, издательством «Всемирная литература», «Книгоиздательством писателей в Москве» и др. Однако плодотворной можно назвать его работу для издательства «Алконост». Причина этого лежит отчасти в декларируемой программе Алянского — новом объединении разрозненных символистов[5], причем Алянский ориентировался на творчество А.Блока, А.Белого, К.Эрберга. Это как бы восстанавливало единство «младших символистов» эпохи первой революции и вызывало в памяти попытку объединения их в 1910-х гг. (недаром «Записки мечтателей» были прямо спроецированы на «дневник трех писателей» — журнал «Труды и дни»). Это не могло не импонировать настроениям Иванова — и в «Алконосте» вышли его книги «Прометей» (1918), «Младенчество» (1918) и совместная с М.Гершензоном — «Переписка из двух углов» (1921); в «Записках мечтателей» была, в частности, помещена программная статья «Кручи: О кризисе гуманизма»[6].

Именно для Алянского Иванов подготовил несколько рукописей Зиновьевой-Аннибал. Свет увидел только сборник рассказов «Нет!» (1918) с предисловием поэта, но в издательских объявлениях числится драма «Певучий осел» (первая часть которой была опубликована в 1907 г. в альманахе «Цветник Ор») и сборник «Лирическое в прозе и стихах». По сообщению А.Б.Шишкина, в Римском архиве Иванова хранится, наряду с корректурой «Певучего осла», план собрания сочинений Зиновьевой-Аннибал для «Алконоста». Поэтому, хоть мы не располагаем прямыми сведениями[7], правдоподобным будет предположить, что «Тридцать три урода» готовились Ивановым для Алянского и датировать публикуемое предисловие 1918-1921 гг.

Для публикации из семи сохранившихся автографов текста был выбран самый полный беловой вариант (РГБ, ф.109, карт.5, ед.хр.67, л.2-12), разночтения — как правило, в целом несущественные — не учитывались. Публикуемый текст имеет обложку с надписью: «Л.Д.Зиновьева-Аннибал. Тридцать три урода. Повесть. Посмертное (4ое) издание. Предисловие к посмертному изданию» (л.1; заметим, что похожую обложку имеет рукопись предисловия к сборнику «Нет!»[8]).

1. См.: Никольская Т.Л. Творческий путь Л.Д.Зиновьевой-Аннибал // Уч. зап. ТГУ. 1988. Вып. 813. (Блоковский сборник. VIII). С.130.

2. Многие другие произведения Зиновьевой-Аннибал своей базой имеют взгляды Иванова. Сам Иванов неоднократно подчеркивал свою идейную близость с женой. Например, отвечая в 1911 г. на анкету «Биржевых ведомостей» «Самый счастливый день жизни», он сказал: «Днем моего счастья я считаю тот, когда я нашел близкого мне человека в лице покойной моей жены» (Биржевые ведомости. 1911. 31 декабря. Веч. вып.)

3. В частности, мы имеем в виду попытку «тройственного союза» с М.С.Сабашниковой весной 1907 г.

4. Иванов Вяч. Конст. Эрберг. «Плен»: [Рец.] // Жизнь искусства. 1920. 13 августа.

De Visu. 1993. №9(10).
© Г.В.Обатнин.

5. См.: Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. С.33-34.

6. В планы «Алконоста» входило также, кроме книги «Скрябин», издание «Песен Смутного времени». В недатированном письме к В.К.Шварсалон в перечне текущих дел Иванов сообщал: «...издание Песен Смутного Времени (в Алконосте) отдельной книгой (500 р.)» (РГБ, ф.109, карт.10, ед.хр.41, л.33.). История этого несостоявшегося издания, видимо в достаточно скорректированном в соответствии с требованиями времени виде, изложена в мемуарах Алянского (с.56-58). Кроме того, Алянский в письме от 11 августа 1919 г. (ИРЛИ, ф.289, дополнит. поступления) приглашал Иванова участвовать в сборнике под редакцией К.Эрберга «Искусство старое и новое» (Пг., 1921), предлагая отдать туда доклад Иванова «О синкретическом действе» (РНБ, ф.109, карт.5, ед.хр.54), читанный последним 7 августа 1919 г. в Бюро Художественных Коммун.

7. Сохранившаяся переписка Иванова и Алянского (письма Алянского — РНБ, ф.109, карт.11, ед.хр.27; ИРЛИ, ф.607, ед.хр.245; ИРЛИ, ф.289, дополнит. поступления; письма Иванова — РГАЛИ, ф.20, оп.1, ед.хр.7) не содержит упоминаний о «Тридцати трех уродах».

8. РГАЛИ, ф.225, оп.1, ед.хр. 35.

Предисловие к посмертному изданию

«Ты думал, что Эрос — вожделенное, а не вожделеющее; оттого и казался он тебе прекрасным. Любимое прекрасно, и в себе совершенно, и блаженным почитается. Но не таков образ любящего».

(Слова Диотимы к Сократу).
Платон. «Пир»[1].

I

Что такое «Тридцать три урода»?

Тридцать три худых списка с совершенного подлинника, кривых зеркала, наведенных на безусловное, — многообразное безобразие взамен единственного образа. Тридцать три признания — и лжесвидетельства — о красоте.

Множественность относительного, отраженного, превратного. Дурная бесконечность искажающих преломлений. Призрачное дробление, размножение, разложение единого. Извращение, развращение целостного, целомудренного.

Растерзание мерцающего над омутом лика алчною смутой полой тьмы. Распадение полного, самодовлеющего, безвременного бытия на жадные и ненасытимые миги. Тридцать три затускнения белого луча во мгле тридцати трех вожделений.

Голод титанических сил по горнему, — титаническое богоубийство. Низведение Афродиты Небесной в юдоль земную, в мир пленный, — ее превращение в Афродиту Всенародную.

Трагедия мира как творческого процесса. Трагедия художественного творчества. Трагикомедия познания...

Таков ряд высших, умозрительных реальностей, к прочувствованию или предчувствию которых возводит читателя повесть о знаменательной участи двух женщин, боготворящей и боготворимой, — о союзе и расколе души творящей и красоты творимой, — повесть реалистическая по форме внешней, символическая по внутренней форме, платоническая по духу.

II

«Тридцать три урода были правдивы. Они были правдою. Они были жизнью. Острыми осколками жизни, острыми цельными мигами. Такие — женщины. У них любовники. Тридцать три любовницы...»[2]

И с ними столько же любовников. Шестьдесят шесть прелюбодействующих! Ариманова свадьба!.. И это — «жизнь»? Это — «правда»? А то, «стыдливо покоящееся в красе торжественной своей» единство, то совершенство — не «жизнь»? Та девственность истинного целостного бытия — не «правда»?..

Два голоса спорят: голос мира сего и голос духа в нас, который хочет быть не от сего мира. И первый голос — о жизненной правде «тридцати трех любовниц» — слышится из уст той, что прежде являлась небожительницею-Афродитой, а теперь обернулась Афродитою Всенародной, оставаясь тем же обличием, знамением, воплоще-

нием — Красоты!.. Об этом двоении Красоты — загадки из загадок — не самые ли жуткие слова сказал Достоевский, видевший обе ее бездны?..[3]

Или, дабы «исполнилась всякая правда», должно свету сходить во мрак, бытию сущему — сеяться в могилу тления, Красоте — являться «безобразною, не имущею вида»?[4] Должно божественному не просто быть, быть в себе, но и свершаться — в жертве нисхождения?

Этот суровый приговор, этот крест самоотречения не под силу порой снести человеку. «Кто может продохнуть через себя трагедию, тот — спасенный — ее герой и усмиритель»: так говорит «вдохнувшая» в себя трагедию, «претворившая ее в себе» и — отравившаяся ее воздухом Вера.

III

Вера, старшая героиня, представляющая собой в развитии повести начало действенное, движущее и творчески-зачинательное, — Вера, гениальная трагическая актриса, — знает этот сокровенный крестный смысл и всякой трагедии, и всего художества: решимость высшего, божественного на жертву нисхождения. Отсюда и ее личное решение: свое заветное сокровище — то, что ей жизни дороже, — отдать людям. И она раздаривает свое лучшее (недаром ей близок Лир), — растворяет в круговой чаше свою «жемчужину любви».

«Жемчужина» — сама Красота, воплотившаяся для Веры в молодой девушке, от имени которой ведется рассказ, так что мы непосредственно узнаем всю ее полубессознательную, но уже тронутую крутым утренником житейского опыта душу и раздельно видим то, что можно было бы назвать ее саном, или идеальным достоинством, на нее возложенным, и ее же, как слабую носительницу непрошеного величия. Она в ходе повести, в противоположность волящей Вере, знаменует начало жертвенное по существу, страдательное, блуждающее, покорствующее и требующее оплодотворения, — «восприимчивое ко злу и лжи не менее, чем к истине и добру», как определяет Вл. Соловьев женский принцип[5], — но не разбивающееся трагически и не гибнущее, а живучее, пребывающее и, в конечном счете, роковое, победное, судящее и решающее.

IV

Символическое повествование раскрывает общий закон нисхождения божественной сущности в условное бытие (мэон) искаженного, искажающего мира. В этой жертвенности истинно сущего животворящее назначение. Все вещи и суть лишь постольку, поскольку они причастны истинно сущему — платоновской Идее; иначе им было бы отказано даже в условном и относительном бытии. И каждая из тех «любовниц» все же и «Царица». «Тридцать три любовницы, — тридцать три Царицы».

Тому же закону нисхождения подчинена Вечная Женственность, как в ипостаси Красоты, так и в другой своей ипостаси — Души Мира, тело которой мы зовем Природою. И как юная красавица повести делается тем, чего от нее ждут, — подобно тому и Природа в своем явлении предстоит нам такою, какою вызывает ее человеческий дух: как эхо, откликается она ему на языке обращаемых к ней заклинаний*.

---

* Так учил о «Вселенском эхо» *Вл. Эрн*, философ Платоновой церкви в теснейшем и внутреннейшем значении этого слова, — рано ушедший близкий друг как пишущего эти строки, так и автора изучаемой повести. С изумительною силою и зоркостью узрения характеризует он, в исследовании «О природе научной мысли» (1914 г.), последнее превращение Природы в зависимости от направления испытующего ее человеческого ума: «По закону метафизического *эхо*, на основной зов новой истории вселенная должна была ответить соответствующим эхом: раскинуться под сознанием человека бездушно-безжалостным призраком механизма, и иллюзия, которой возжелал человек, должна была стать, говоря по-кантовски, объективной, т.е. потенциально-всеобщей... Поистине беспредельным и достойным безмерного удивления нам представляется разум божественный не потому, что вселенная имеет конструкцию бесконечно-сложного механизма, а потому что вселенная, будучи божественною поэмой и ничего общего не имея в онтологическом порядке с механизмом, обладает в своей неизмеримой многосторонности тою *пластичностью* и тою *отзвучностью*, которая позволяет Космосу в определенный эон истории обернуться механизмом, *прикинуться* беспредельною машиной — и сделать это с такою артистичностью, что разум человеческий, находящийся под властью низших понятий и рассуждений, под схемою механизма, не может ни в одном пункте мира найти перерыв и выйти из замкнутой сферы мертвой причинности... В непроницаемых глубинах заложена возможность вселенской механистической *маски*, т.е. возможность для мира предстать перед насильственными методами рационалистической мысли беспредельным механизмом, так, что все естествознание при этом допущении может исследовать не строение мира, как такового, а лишь сложное и невероятно искусное строение вселенской маски»[5].

Девушка, которая на зов тридцати трех похотей отвечает открытием в себе возможности тридцати трех наложниц, — до своей профанации была боготворима и, верная «закону эхо», являлась «Царицей», «богиней». — «Вера меня делает», — таково было ее постоянное сознание в ту пору обожествления. — Не то же ли совершилось и с Природою, боготворимой некогда, ныне обезбоженой?..

Самобытная сущность творимой остается непроницаемой, загадочной для нее самой. Неведомо ее происхождение: «царская» ли в ней кровь, или же она — «дочь конюха?» — «Души твоей не знаю; не знаю, есть ли душа», — срывается об ней с уст Веры. — Но, может быть, и высшее, благороднейшее в ней, и низшее, грубое — все от той же боготворящей и творящей?.. Речь ее записей проста, трезва и умна, — порой как-то по-женски прозаична, порой же проникнута женственною прелестью, грацией и поэзией: таковы, например, заключительные, «свои» слова дневника, написанные «сквозь слезы», о «жизни хрупкой и переливчатой, как ручей», о «настоящей жизни», которой «Вера не хотела принять»... Слова, жуткие, как светлая и коварная быстрина!.. Поистине, сама она — стихия влажная, как пенорожденная Афродита. И явно еще: она — красота...

Так разбираемое повествование, при всей точности своего символического начертания, ни на миг не перестает быть, по отношению к внешней действительности, неуклонно ей верным, всецело в ней обоснованным, свободным от всех иллюзий, строго реалистическим: признак истинного платонизма.

V

В обожествлении красоты, предшествовавшем ее развенчанию и низложению, обмирщению и использованию, эротическая правда была смешана с неправдою: различая их, мы вскрываем трагическую вину той, которая вознести любимую умела, но от головокружительного падения с высоты не спасла. В чем же права была и в чем прегрешила эта лунатическая мэнада-мужененавистница, — эта, поистине, жрица и жертва бога исступлений и трагических масок?

Ее правда — в силе все оправдывающей, все побеждающей любви: свою подругу любит она больше себя, своей жизни, своей славы. И другая ее правда — в «беременности» души ее красотою, как говорит Платон: оттого и любит она так свою подругу, что хочет *«рождать в красоте»*[1]. Не напрасно она обещала сделать ее прекрасною. «Мать, богиня, подруга, — с восторгом изумления и благодарности восклицает девушка, — она все знает, и все становится прекрасным мое: значит, это *моя* красота?..»

Но цельною должна быть любовь не только по силе чувства, но и по объекту своего устремления на целостную личность любимого. Что же мы слышим? Своим «голосом, неприятным в комнате, не на сцене, глухим и неровным, некрасивым», своим обрывочным, жестким, почти гневным языком, который так свойствен людям страстного напряжения и накала действенной воли и так выдает затаенное ими чувствование внутренних противоречий всякого действия, — она сама кричит свою вину:

«Я люблю твое тело оттого, что оно прекрасно. Но души твоей не знаю. Не знаю, есть ли душа. И не нужна она мне, потому что прекрасно твое тело... Уж не убить ли мне тебя, чтобы иметь навсегда одной?»

Что в этих словах о «ненужности» души Вера сама провозгласила свою вину, — таково было, во всяком случае, мнение автора повести, основанное на непреложной истине нравственного порядка: нельзя безнаказанно любить в человеке одно тело, а душу забыть. Но вырвавшийся крик все же не окончательная улика: на самом деле отношение Веры к подруге, в которой, по собственному свидетельству последней, все делается прекрасным от творческий прикосновений ее владычицы, — глубже, сложнее и человечнее. Ревниво ловит Вера все доказательства ее тайных помыслов, все высокое и изящное в проявлениях ее внутреннего существа; она изливает перед ней свою душу, всечастно воспитывает ее и ваяет духовно. Приговор автора оправдывается лишь на путях более тонкого анализа этой необычной любви.

VI

По учению Платона, Эрос, присущий благороднейшим душам и составляющий в них принцип духовного возрастания, направляется вначале на прекрасные тела, потом на души прекрасные, наконец — на вечные Прообразы, или Идеи, умопостигаемых сущностей; в единстве которых раскрывается самое Сущее — Идея Идей.

Все отличительные признаки первой ступени этого восхождения налицо перед нами в разбираемой повести. Различие пола, влекущее влюбленных к естественному деторождению, заглушает в них, по мысли Платона, духовнейший зов Эроса к творческому «деторождению в красоте». Тема повествования, которую можно определить как проблематику и трагику эротического начала в душе художнической и гениальной, — предопределяет таким образом, с точки зрения платонического миросозерцания, парадокс положения, служащего основою фабулы.

Как же относятся к своим любимцам люди, одержимые Эросом, на первой ступени Платоновой лестницы? — «Пронзенные дивным влечением, — читаем в Платоновом «Пире», — не в силах влюбленные оторваться один от другого, и сами не знают, чего друг от друга хотят. Не наслаждения чувственного — нет, иного жаждут оба, в темном и вещем предчувствии желанного. И если бы пришел к ним (?), так друг к другу прильнувшим, Гефэст и спросил их: — Чего же вам нужно друг от друга, люди? — они молчали бы и не умели ответить богу. И опять вопросил бы их и сказал: — Так в этом все желание ваше, чтобы вам не разлучаться ни днем, ни ночью? Уж не сковать ли мне вас и не сплавить ли так, чтобы вкупе прожить вам жизнь, и вместе умереть, и в самом Аиде быть двоим нераздельными, как одно существо?»[8]

Примечания

1. См.: Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1970. Т.2. С.134. Влияние Платона на Иванова трудно переоценить. Отметим лишь, что в черновых бумагах поэта сохранился план первого и набросок плана второго действия драмы, посвященной пребыванию Платона у двора тирана Дионисия Старшего (ИРЛИ, ф.607, ед.хр.203, л.101-101 об.).

2. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода: Повесть. СПб., 1907. С.71. Ниже все цитаты из «Тридцати трех уродов» специально не оговариваются.

3. Имеется в виду общий круг идей Достоевского о красоте, см., напр., речь Мити Карамазова (Достоевский Ф.М. Поли. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т.14. С.100).

4. Мф., 3:15.

5. Цитата из «Предисловия к третьему изданию» «Стихотворений» В.Соловьева (СПб., 1900. С.XIII). Любезно сообщено Н.В.Котрелевым.

6. Цитата из неустановленной (возможно, ненапечатанной) статьи В.Ф.Эрна. Давние дружеские связи Иванова и Эрна особенно укрепились с началом Первой мировой войны. В жесткой полемике, завязавшейся вокруг известного доклада Эрна «От Канта к Круппу», Иванов оказался в числе безусловных сторонников философа, неоднократно совместно выступая с ним (см., в частности, письмо Иванова к С.Л.Франку — ИРЛИ, ф.264, ед.хр. 143). Письма Иванова к Эрну демонстрируют не только дружескую близость, но и высокую степень единства взглядов на философские проблемы и текущие события (РГБ, ф.348, карт.2, ед.хр. 43). В беседе с М.С.Альтманом Иванов признался: «Кстати, о Владимире Соловьеве. Вот Вы говорите, что он на меня влиял. Это верно, но больше, чем Владимир Соловьев, на меня влиял Владимир Эрн» (Альтман М.С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановым: (Баку, 1921 г.) // Уч. зап. ТГУ. 1986. Вып.209. С.309. Ср. также устное свидетельство Альтмана: Литературное наследство. М., 1976, Т.85. С.471). Эрн, со своей стороны, испытывая к Иванову «жарчайшее метафизическое стремление» (из письма к Ал.Чеботаревской от 1 октября 1910 г. — ИРЛИ, ф.189, ед.хр.189, л.1), также защищал друга от нападок, в частности, от нелицеприятного критического разбора Л.Шестова «Вячеслав Великолепный» (Христианская мысль. 1917. №III/IV). Весьма вероятно, что сближению Иванова и Эрна способствовало увлечение последнего платоновским онтологизмом, работа над изучением которого была оборвана смертью философа (опубликованная часть ее — статья «Верховное постижение Платона»).

7. См.: Платон. Сочинения. С.137.

8. Из речи Аристофана, см.: Платон. Сочинения. С.119-120.

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Г.В.Обатнина.

М.М.Павлова

Из творческой предыстории «Мелкого беса»

(Алголагнический роман Федора Сологуба)

В папках с черновиками и подготовительными материалами к произведениям Федора Сологуба на отдельных листах, а чаще на обрывках бумаги, содержатся многочисленные заметки о творческих замыслах писателя, сделанные им в разные годы. Среди них запись: «Пьеса, где все дерутся. Муж бьет жену. Мать детей. Хозяйка прислугу. Враги друг друга. Гувернантка девицу»[1]. Сообщение о замысле произведения, «где все дерутся», в отличие от некоторых других, так и не достигших воплощения, трудно обойти вниманием, не только по причине его соотнесенности с главным прозаическим сочинением Сологуба, но и по причинам, разъяснение которых представляется актуальным в связи с творческой историей романа «Мелкий бес», единственного в своем роде *алголагнического* романа русской классики.

Алголагния — сладострастное переживание боли, в пассивной (мазохизм) или активной (садизм) форме. Под алголагническим произведением применительно к литературе я имею в виду текст, явившийся результатом выражения сублимации асоциальных инстинктов его создателя. Я отнюдь не настаиваю на введении термина, заимствованного из области медицины, то есть не стремлюсь с его помощью определить жанровую природу романа Сологуба, но лишь подчеркиваю безусловное наличие в «Мелком бесе» сущностного начала, составляющего его психологическую основу. Определение «садо-мазохический» менее нейтрально и менее предпочтительно по причине его тесной привязанности к сочинениям де Сада и фон Захер-Мазоха. Кроме того, в психоаналитической науке не существует единого мнения о природе и взаимосвязи двух «кровожадных» комплексов. Согласно мнению современного французского философа Жиля Делеза, садо-мазохизм есть некий семиологический монстр, так как садизм и мазохизм — фундаментально различные психические процессы и системы отношений. Понятие «алголагния» носит более общий характер и отчасти покрывает возможные терминологические противоречия, одновременно указывая на суть явления, с точки зрения которого «Мелкий бес», «Жюстина» и др., «Венера в мехах» и др. по своим психографическим параметрам несомненно тексты одного — алголагнического — ряда.

В дореволюционной критике имя Сологуба неоднократно связывалось с именем де Сада: «Сатириазис, фетишизм, садизм, уранизм, кровосмесительство, некрофилия — ничто не забыто Сологубом»[2]; «сладострастное копание в извращенностях полового безумства даровитый писатель превратил в последние годы в свою специальность»[3]; творчество Сологуба «настоящее откровение, вводящее в психику переживаний, говорящее о тайном очаровании ужаса, крови, убийства, о пробуждении телесных инстинктов кровавого сладострастия. <...> Сологубу по близости “я” к изображаемому, по искренности, ближе всех де Сад»[4].

Указание на внутреннюю близость Сологуба и де Сада в старой критике символизировало гражданскую казнь писателя и не побуждало к сравнительному анализу его творчества, который, надо полагать, неизбежно повлек бы за собой и сопоставление сочинений Сологуба с романами фон Захер-Мазоха. Для начала XX века такая тема, по-видимому, была преждевременной. Она могла быть заявлена при качественно новом уровне развития психоаналитической науки, а также при новом уровне осознания искусства в его непосредственной соотнесенности с индивидуальным опытом художников, таких, как Федор Сологуб («...он был весь натура, — и какая печальная, какая трагически-

De Visu. 1993. №9(10).
© М.Павлова.

извращенная, какая правдиво-изломанная натура»[5]).

В настоящей работе я выношу за скобки все многообразие нитей, связующих творчество русского символиста с творчеством маркиза де Сада и фон Захер-Мазоха, оставляя для демонстрации собственно алголагническую природу романа «Мелкий бес».

* * *

Национальная черта — секут у Сологуба всюду и с наслаждением. При виде розги или хотя бы при рассказе о побоях герои Сологуба захлебываются от садического восторга.

Ю.М.Стеклов[6].

Мотив «сечения» (бичевания) является одним из центральных в «Мелком бесе», тем «камнем», на котором в течение десяти лет Сологуб выстраивал здание своего шедевра. Сделать такой вывод позволяет, прежде всего, текстологическая история романа, воссоздаваемая на основе сохранившихся автографов — чернового и белового[7]. Напомню, что в каноническом тексте романа экзерсисы с розгами проделываются героями, главным образом, под давлением «стегальных дел мастера» учителя Передонова; их место в повествовании, на первый взгляд, невелико. Простота сцен наказаний в «Мелком бесе», как правило, простота сообщенного факта, не более. Между тем она была достигнута в результате многократного воспроизведения в рукописи разнообразных эпизодов порки, занимавших в черновом автографе едва ли не добрую половину текста[8], и затем последовательного сокращения или отказа от них в окончательном варианте.

Учитывая все упоминания о сечении розгами и побоях в «Мелком бесе», в том числе и во фрагментах, изъятых Сологубом вследствие авторской цензуры или по другим соображениям, можно составить своего рода кондуит для персонажей, подвергнувшихся наказанию или учинивших его над другими: Передонов и Клавдия секут Варвару, Передонов систематически бьет Варвару, Преполовенские секут Варвару, Нартанович сечет сына Владю и дочь Марту, Вершина и Владя секут Марту, Лариса Рутилова — сестру Людмилу, Дарья Рутилова — сестер Валерию и Людмилу, Людмила Рутилова — Сашу Пыльникова, Коковкина — его же, тетка Пыльникова — его же, Гудаевская и Передонов — Антошу Гудаевского, слесарят секут в участке.

Приведенный список не полон, в нем перечислены только главные герои романа и персонажи второго ряда. Его нетрудно было бы дополнить за счет нередких упоминаний вскользь о том, что кто-то кого-то перманентно сечет или высек сию минуту; наконец, в него не попали несчастные гимназисты, поротые по доносу Передонова — все эти Крамаренки и пр. В черновом автографе сообщается также, что высекли «Платона Прейса, дядя которого, баварский немец, управлял имениями князя Телепнева, — четырнадцатилетнего Василия Вторникова, того самого, к отцу которого однажды уже заходил Пер<едонов> недавно; двенадцатилетнего Шмуля Совранского, отец которого был один из самых богатых купцов нашего города; — такого же возраста Генриха Кашевского, сына частного поверенного; — еще нескольких других, и все они были наказаны родителями в течение нескольких дней, т. к. Пер<едонов> успевал каждый день побывать в двух-трех домах»[9].

Черновому автографу «Мелкого беса» предшествует список персонажей — всего 61, в котором перечислены те, кто назван в романе собственным именем — больше половины действующих лиц были (пользуюсь словечками Помяловского) «пересечены» или «недосечены», или кого-то высекли сами. Из главных персонажей не тронутым розгой оказался только Володин, он был попросту рассечен топором Передонова. Несмотря на то, что в беловом автографе отдельные сцены порки Сологуб перечеркнул карандашом, а многие из аналогичных отверг еще в черновой рукописи, текст «Мелкого беса» в его печатной редакции изобилует упоминаниями о розгах, мордобое и т. п.

Наиболее весомо мотив телесного наказания проступает при переборе всех отвергнутых фрагментов текста. По содержанию их можно разделить на три группы: главы с участием писателей Тургенева и Шарика[10], миниатюрные эротические эпизоды (как правило, с садической окраской) и фрагменты, существенно превосходящие по объему первые два типа, составляющие собственно алголагническую плоть романа, к которым, вероятно, следует отнести приписки и вставки, изготовленные по формуле: «лег, отсекся, встал и ушел».

Количественное накопление, механическое повторение сцен, умножение однотипных действий внутри сцены[11] составляют отличительную черту садических описаний

(принцип конвейера). Инерция накопления требовала от автора «Мелкого беса» клиширования эпизодов истязания, и он подчинялся ей, перегружая повествование подчас не продуманными фрагментами. Подобные дополнения вредили достоверности описания; например, поздняя приписка (по цвету чернил) в главе 26:

— Я ни в чем не виноват, пусть тетя приедет, я не боюсь, — говорил Саша и тоже плакал.
— Высеку! — говорила Коковкина.
— Секите, — огрызнулся Саша.
Коковкина вдруг рассердилась.
— Марш в кухню! — крикнула она.
И в кухне Саша был крепко высечен розгами[12].

С точки зрения логики образа Коковкиной (и мухи не обидит), вставленная сцена была не оправданной; возможно, по этой причине Сологуб отказался от нее в окончательной редакции.

В целом львиная доля изъятий из черновой и беловой версии романа была связана с темой сечения розгами или побоев. При анализе отвергнутых фрагментов текста в окончательной версии, однако, нельзя не принимать во внимание возможного факта прессинга, оказанного на Сологуба со стороны редакции «Вопросов жизни». Л.М.Клейнборт воспоминал, что писатель при личном свидании с ним показывал ему рукопись «Мелкого беса» и, в частности, отмечал изменения, которые были внесены в текст в интересах художественного целого редакцией журнала[13]. В беловом автографе, вероятно, послужившем наборной рукописью при первом издании романа, сохранились (как уже отмечалось) единообразные карандашные перечеркивания отдельных сцен и целых глав, опущенных затем за небольшим исключением и в публикации. Между тем, отсутствие цензурного экземпляра «Мелкого беса» (не обнаружен) и свидетельств о степени участия Сологуба в изменении и купировании текста, т. е. о следовании его авторской воле, не противоречит заключению: при написании романа автор был сосредоточен на воспроизведении брутальных сцен. Поистине с маниакальным постоянством он задерживался на одной и той же позиции: то прописывал с натуралистическими подробностями эпизоды истязания, то полностью отказывался от них (глава, в которой Вершина сечет Марту из ревности к Мурину)[14], то восстанавливал первоначальную версию в сокращении (глава, в которой Гудаевская и Передонов секут сына Гудаевской Антошу и затем предаются сладострастию)[15], варьировал, приписывал, вставлял, отвергал эпизоды — и все они на одну и ту же тему.

* * *

Достоинства их: они весьма дешевы, — достаточно нескольких десятин леса для того, чтобы перепороть всех граждан государства; они всегда под рукою; <...> они моментальны — лег, отсекся — встал и ушел.

Н.А.Неклюдов[16].

Интерес Сологуба к теме истязания отчасти был сознательным и в значительной степени предопределен конкретным процессом. В 1890-е гг., в период работы над романом (1892-1902), в русском обществе развернулась мощная кампания за отмену телесных наказаний, которая подготовлялась еще в середине 80-х годов.

История телесных наказаний в России, узаконенных государственным правом, исчисляется веками, в разных формах они бытовали вплоть до конца прошлого столетия. Процесс отмирания позорных экзекуций, начавшийся еще при Екатерине II, активизировался лишь в середине XIX-го века, но продвигался чрезвычайно медленно. В 1861 г. по инициативе генерала-адъютанта кн. Н.Орлова Александром II был создан Комитет для всестороннего рассмотрения вопроса об изъятии от телесных наказаний. Результатом деятельности Комитета стал Высочайший указ об отмене телесных наказаний, обнародованный 17 апреля 1863 г. Существенные противоречия обнаружились среди членов Комитета лишь при обсуждении вопроса об упразднении розог и замене их денежным штрафом. После продолжительных разногласий было принято решение: розги отменять нельзя из-за отсутствия достаточного количества тюрем и, вместе с тем, из-за неспособности простого народа заплатить денежный штраф.

В соответствии с «Временными Правилами Волостного Суда» Устава о наказаниях (1861) розга как мера наказания для низших классов населения применялась в следующих случаях:

— за оскорбление полицейских стражей и низших должностных лиц;

— за ссоры, драки, кулачные бои, нарушение тишины, прошение милостыни;

— за нанесение обиды на словах, действием, при увеличивающих вину обстоятельствах;

— за словесную и письменную угрозу, самоуправство, насилие, отказ родителям в пропитании;

— за кражу;

— за мошенничество, обман, присвоение чужого имущества, скупку краденого;

— за нарушение условий найма без договорного листа;

— за мотовство и пьянство, расстраивающее хозяйство.

Земское начальство имело право заменить розгу денежным штрафом в пользу мирских сумм: 20 розог приравнивались к сумме в 30 рублей.

Розги были отменены во всех казенных учебных заведениях, уставы которых не давали начальству прав сечь воспитанников, что, впрочем, отнюдь не препятствовало злоупотреблениям наказаниями в народных школах и училищах. Например, в архиве Сологуба сохранилась классная ведомость на 1878 г. (возможно, скопированная им позднее, так как в 1878 г. он был еще студентом Учительского Института), в которой учитывалось число ударов розгой за провинности учеников в течение месяца. Никто из воспитанников по списку не избежал позорного наказания. На листе ведомости каллиграфическим почерком учителя Тетерникова сделано признание: «Я никогда не назначал розги за неприготовленные уроки»[17].

Таким образом, в последней четверти прошлого века применение розги было ограничено законодательством, но не упразднено. Между тем, в 1889 г. был издан закон, призванный восполнить отсутствие твердой правительственной власти — закон о земских начальниках, который привел вновь к расширению области применения розги: согласно нововведению телесное наказание допускалось лишь по приговору волостных судов, но утвержденных земскими начальниками. Закон повлек за собой многочисленные случаи злоупотребления властью. Внимание общественности вновь было обращено к старому наболевшему вопросу. Начавшаяся на стыке последних десятилетий века кампания за отмену телесных наказаний стала почти всеобщей.

В 1896 г. в Киеве состоялся VI съезд русских врачей в память Н.И.Пирогова, возбудивший перед правительством ходатайство об отмене телесных наказаний. На первой же странице материалов съезда говорилось:

> ...Стоит только собраться по какому-либо поводу большей или меньшей общественной группе, и тотчас возникает вопрос о необходимости добиваться отмены телесных наказаний. Уездные и губернские собрания, заседания Вольного Экономического Общества, съезды врачей, заседания врачебных обществ и т. п. не могут в огромном числе случаев обходить молчанием этот вопрос, горячо обсуждают его и ищут пути к уничтожению позорящего всех нас пятна[18].

Тема, волновавшая Сологуба в период написания романа, широко освещалась и в печати. В толстых журналах, в столичных и провинциальных газетах с начала 1890-х гг. публиковались материалы (исторические, медицинские, юридические) по вопросу о телесных наказаниях, издавались монографии. Перечислю некоторые из них, которые вполне могли оказаться в сфере чтения писателя: Д.И.Ростиславлев. «О способах сечения розгами» (Русская старина. 1892, 1893); В.Л.Бинншток. «Материалы для отмены телесных наказаний в России» (Юридический вестник. 1892. Т.II. № 7 — 8); И.А.Самчевский. «Воспоминания» (Киевская старина. 1894. № 5); Г.А.Джаншиев. «Из эпохи великих реформ» (М., 1894); А.Г.Тимофеев. «Из истории телесных наказаний в русском праве» (СПб., 1897); В.И.Семевский. «Необходимость отмены телесных наказаний» (Русская мысль. 1896. № 2 — 3); А.М.Чернов. «Набросок соображений» (Гжатск, 1895). Помимо публикаций исследований по злободневному вопросу в периодике 90-х годов постоянно помещались выступления видных врачей, юристов, педагогов, писателей по поводу упразднения телесных наказаний. В частности, статья Л.Толстого «Стыдно» появляется в печати в период кампании (Биржевые ведомости. 1895. 28 декабря)[19]. В 1896 г. вновь были переизданы педагогические статьи Н.А.Добролюбова 1857-1861 гг., в которых немало страниц уделено полемике об упразднении розги в школе: «Всероссийская иллюзия, разрушаемая розгами», «От дождя да в воду», «О значении авторитета в воспитании: (Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова)» и др.

Сологуб живо следил за литературой по интересующему его вопросу (это был именно «его» вопрос), его повышенное внимание к проблеме отмены телесных наказаний выходило далеко за рамки педагогического или досужего интереса. В бумагах писателя, относящихся к 1890-м гг., встречаются заметки, в которых он приводит факты, извлеченные, например, из книги А.М.Чернова и Материалов VI съезда врачей[20]. В папках с черновиками нередко попадаются библиографические выписки «по теме». Среди них отмечена книга французского врача М.Гюйо «Воспитание и наследственность», переведенная на русский язык в 1891 г., фрагмент которой посвящен вопросу о допустимости

телесных наказаний для детей младшего возраста[21]. Привлекает внимание также выписка Сологуба из сугубо медицинской статьи «Об усталости»; в качестве примера оздоровительной меры в данной работе приводится кровопускание, в связи с чем бичевание рассматривается как положительно эффективная процедура с точки зрения исторической медицины. Именно этот фрагмент большой статьи, печатавшейся в двух номерах «Северного вестника», и законспектировал автор «Мелкого беса»[22].

Приведенные факты осведомленности Сологуба в педагогической и медицинской литературе отнюдь не случайны. Об этом свидетельствует запись, сделанная им 27 июля 1891 г.: «Материалы изучения: 1. Анатомия и физиология человека. 2. Логика. 3. Гигиена и диетика. 4. Физика. 5. Психология. 6. Эстетика. 7. Педагогика. 8. Психопатология. 9. Гимнастика»[23].

В свете интересов Сологуба и его сравнительно широкой начитанности в области педагогики трудно допустить, что он проигнорировал публикацию воспоминаний И.А.Самчевского, которая получила громкий резонанс в печати. Отрывок из этих воспоминаний был использован графом Джаншиевым в монографии — в разделе «Об отмене телесных наказаний», и позднее воспроизведен в Материалах VI съезда врачей в качестве иллюстрации садистической патологии. Привожу эпизод полностью с незначительными купюрами (по Джаншиеву, в целях экономии), поскольку в нем идет речь о лице, возможно, послужившем одним из прототипов Передонова, об учителе, достойном садовских изображений, таких, как, например, доктор Роден:

> В числе педагогов, отмеченных Самчевским, есть некто Китченко (по-видимому, тронутый маньяк <...>), бывший в 50-х годах сперва инспектором черниговской, а потом директором житомирской гимназии.
>
> Во время его инспекторства, — сообщает Самчевский, — стоял стон и раздавались вопли во всех трех ученических помещениях: в здании гимназии, пансионе и общей квартире. Ежедневно являлся Китченко в 8 часов утра в пансион при гимназии и здесь выслушивал доклад воспитателей об учениках, которые подлежат, по их мнению, наказанию. Зная любовь Китченко к истязанию детей, воспитатели не скупились и указывали (беру minimum) не менее двух учеников на отделение, которых было 8, так как первые 4 класса имели по два отделения.
>
> Эти несчастные тотчас отзывались вниз «к Мине». Мина был сторож при карцерах, любимец Китченко «по хлесткости ударов», на обязанности его лежало всегда иметь огромный запас розог. Осмотрев пансион, Китченко спускался вниз к Мине и здесь производил жестокие экзекуции. Затем отбирались уже в самой гимназии ученики с плохими отметками и тоже посылались на экзекуцию.
>
> Вопль и плач детей оглашал все здание гимназии. <...> Итого 34 ученика ежедневно наказывались розгами. Насладившись истязанием детей в гимназии, Китченко отправлялся в общую ученическую квартиру, здесь повторялась та же история <...>. Таких учеников общая квартира поставляла Китченко столько же, сколько и пансион, — не менее 8 человек. Каждый день Китченко подвергал истязаниям не менее 50 учеников, многие наказывались в день по два раза: ранее разрисованные узоры на останавливали Китченко, — он на эти узоры наводил новые краски.
>
> Когда Пирогов, будучи попечителем Юго-Западного округа, потребовал в 1858-59 гг. сведений от гимназий и число наказанных розгами учеников, то, как сообщалось в отчете, напечатанном в Журнале Министерства Народного Просвещения, оказалось, что в каждой гимназии наказанные считались десятками, а в житомирской, где директорствовал Китченко, число сеченых превысило многие сотни (более 600). Эта цифра в то время поразила всех, но, зная Китченко, можно с уверенностью сказать, что он умышленно утаил в отчете многие сотни, если не тысячи. Сечение учеников было для Китченко истинным наслаждением, это его единственный труд на поприще педагогическом. Кроме сечения Китченко ровно ничего не делал. Надо было только видеть с каким плотоядным выражением на лице разговаривал Китченко с новичком, только что поступившим в гимназию. Редко эти бедняжки и неделю проживали, не побывши в лапах Китченко и Мины. Однажды поступил в общую квартиру ученик 2-го класса Джогин, отлично выдержанный. Китченко придрался к нему уже на третий день поступления и так высек, что, когда наказанный явился обратно, лица на нем не было, несколько дней мальчик плакал с утра до вечера, ночи не спал от страха. «Если мама узнает, она непременно умрет», — говорил товарищам Джогин. Все успокаивали его, принимая участие в его горе. После этого случая Китченко так привязался к Джогину, так сек его за каждую мелочь, что к концу первого года от Джогина осталась только тень, — полнота и розовый цвет лица были съедены Китченко. Когда в начале июня приехала мать Джогина и увидела своего сына, с нею сделался обморок, она так рыдала, глядя на него, что все ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась в памяти присутствовавших, все дети понимали и разделяли ужас и отчаяние матери.
>
> И никто из родителей не жаловался на этого мучителя![24]

Было бы несомненной натяжкой возводить образ, созданный Сологубом, к фигуре житомирского инспектора. Прототипом Передонова был полубезумный великолукский учитель И.И.Страхов[25]. Документальное свидетельство, выявленное Б.Ю.Улановской, можно подкрепить с помощью факта, до настоящего времени не учтенного: в одном из вариантов первых глав черновой рукописи «Мелкого беса» Передонов выступает под фамилией Пугаев, синонимичной фамилии прототипа. На обложке чернового автографа романа обоз-

начено его первое название — «Женитьба Пугаева. Роман»[26].

В Великих Луках Сологуб учительствовал в 1885-1889 гг., а с воспоминаниями Самчевского мог познакомиться только в период работы над романом. Тем не менее, общепринятое представление о прототипе главного героя вовсе не исключает вмешательство в замысел писателя позднейших источников: Передонов и Китченко сродни друг другу — оба страдают алголагнией, а сладострастное стремление Передонова к Саше Пыльникову вполне соотносимо с садистическими посягательствами Китченко на Джогина. Наконец, Китченко был далеко не единственным в своем роде на ниве российского просвещения.

Думается, что Сологуб не мог пройти мимо фигуры житомирского мучителя, не прочитать о нем, еще и по той причине, что его чрезвычайно увлекала психография садиста и мазохиста, как в годы, предшествовавшие работе над «Мелким бесом», так и в период работы над романом. Симптоматично, что среди немногих набросков, которые по содержанию и времени написания условно могут быть отнесены к предыстории «Мелкого беса», сохранились, главным образом, тексты, посвященные истязаниям или бичеваниям. Самый ранний из законченных набросков датирован 2 февраля 1892 г.:

> Жестокосердие гг. педагогов доходило до степеней изумительных. Не то, чтобы они были отъявленными кровопийцами: само собой разумеется, что они не упражнялись в снимании голов и не сажали на кол (это в наше цивилизованное время почти совершенно невозможно). Но то, что они проделывали легально, способно было охватить ужасом и холодом непривычного впечатлительного человека. По части физической они были еще не слишком изобретательны: неумолимое время обуздывало их в этом направлении. Свирепость их проявлялась лишь в том, что в каждом классе на каждом уроке кто-то непременно коленопреклонялся; иные терли себе колени по 3, по 4 часа сряду. Дранье за уши и звонкие оплеухи также составляли частую усладу расходившихся учительских сердец, — но это не все, к сожалению, чем можно было позабавиться на уроках. Находились любители более пикантных увеселений, но это были редкие, гениальные натуры. Про одного сельского законоучителя рассказывали, что он ставил своих учеников, провинившихся перед ним, кверх ногами: ноги на печурке, руки на полу, и выдерживал в таком положении до часу[27]. Иные заставляли лизать языком чернильные пятна или мел с доски, обтирали русыми волосенками учеников классные доски, приказывали ученикам-босоножкам засучивать штаны как можно выше и ставили их на голые колени, и любовались их голыми, брошенными беспомощно на пол, ногами; или ставили на колени на скамье, на столе, на подоконнике; или заставляли кланяться им в ноги и целовать их руки и сапоги. Но больше удовольствия доставляли прогулки к родителям провинившихся учеников. Сладострастное неистовство удовлетворялось в гораздо большей степени созерцанием обнаженного тела мальчика, краснощекого и багровеющего под жестокими ударами березовых прутьев, между тем, как истязуемый мальчик орал благим матом и отчаянно бился об пол голыми ножонками. Когда родитель утомлялся, учитель брал в руки розги, и удовольствие его доходило до высшей степени, когда мальчишка ерзал и вопил под его розгами, а на теле так и врезывались следы озлобленной порки. Но как ни интенсивны были эти удовольствия, пытки иного рода, истязания душевные, доставляли гораздо более удовольствия озверевшим педагогам. Тем более и эти пытки соединялись в большей или меньшей степени с телесными наказаниями[28].

Данный набросок, казалось бы, дает представление о гуманистических устремлениях Сологуба-педагога. Линия осуждения несправедливости, действительно, изредка проступает в его произведениях, однако, никогда не преобладает в них. Писателя в большей степени привлекала природа греха, а не природа социального зла. Кампания за отмену телесных наказаний 1890-х гг. располагала к гуманистическим порывам, тем не менее, Сологуб отказывался разделить их со своими современниками. Он был совершенно не согласен с мнением большинства. В августе 1892 г., уже в период работы над романом[29], он сделал запись:

> Телесные наказания противны человеческому достоинству. Это говорят в виде аргумента. Но это не аргумент. Чьему достоинству? Наказанного, наказавшего, третьих лиц? Если наказанного, то наказание его — не его действие и ему вменено быть не может. Один смысл этого аргумента в этом случае тот, что тел<есное> нак<азание> повреждает нравст<венную> природу. Значит, надо доказать, что оно вредно. Если <для> наказавшего, то полезное действие не бывает противно человеч<ескому> дост<оинству>, каково бы оно ни было. Иначе и вывозка нечистот была бы позорна. Надо, след<овательно>, доказать, что нак<азание> вредно. Если <для> третьих лиц, то это нелепо. 28 авг<уста> <18>92[30].

Более отчетливо реакция Сологуба на кампанию за отмену телесных наказаний выразилась в статье «О телесных наказаниях» (см. Приложение), в которой он демонстрирует знание истории вопроса и полемики, связанной с его решением. В своих суждениях он встал в оппозицию к общественному мнению и высказался достаточно категорично:

> Нужно, чтобы ребенка везде секли — и в семье, и в школе, и на улице, и в гостях. Дома их должны пороть родители, старшие братья и сестры, старшие родственники, няньки, гувернеры и гувернантки, домашние учителя и даже гости. В школах пусть его дерут учителя, священник, школьное начальство, сторожа, товарищи и старшие и младшие. <...> На улице надо снабдить

розгами городовых: они тогда не будут без дела. <...> И мы убеждены, что теперь своевременнее всего озаботиться пересадкой на нашу почву немецкой розги, да и всего того, чем крепка прусская казарма и русская каторга, чем прежде была крепка и русская семья. <...> В другое время и мы не стали бы защищать розочную расправу, как предмет презираемый обществом. Но теперь нам нет дела до безотчетных антипатий общества. Оно гибнет, и нужно ему помочь, хотя бы розгами. Мы пробовали много паллиативных средств — они не помогали. Следует прибегнуть к средствам сильным и энергичным, а из таких средств что может быть проще порки? Мы не можем требовать от родителей, чтобы они обладали высоким развитием, которое дало бы им возможность без розог поддерживать свой авторитет, у нас нет денег даже на простую грамотность большинства жителей. Мы должны поощрять их пользоваться тем единственным средством нравственного влияния, которое еще у них остается, чтобы пороть детей, кому ума не доставало[31].

Большой соблазн прочесть эти шокирующие сентенции поборника нравственного оздоровления общества в ироническом ключе, которым Сологуб владел в совершенстве. Невольно припоминается «козырь» Передонова, побуждавший его мечтать об инспекторском месте: «Буду по школам ездить, мальчишек и девчонок пороть»[32]. Полный текст педагогической штудии Сологуба, однако, не дает ни малейшего повода заподозрить его в желании иронизировать по поводу телесных наказаний или в цинизме. Об этом свидетельствуют автобиографические реминисценции на полях рукописи трактата: «Скажу из своего опыта: когда мать наказывает меня розгами, она во все время сечения, обыкновенно неторопливого, не только бранит меня, но, главным образом, делает мне соответствующие наставления, — в точном смысле слова учит меня. Так было и тогда, когда я был мальчиком, так и теперь»[33].

В отличие от В.В.Розанова, открыто высказавшегося в пользу сечения в сборнике статей «Сумерки просвещения» (1899)[34], Сологуб не решался напечатать свой труд (он даже не перебелил рукопись), но отнюдь не из опасения выглядеть белой вороной среди гуманистов-общественников, а, скорее, по другой причине. В своем педагогическом трактате он неожиданно «засветился», проговорился о сокровенном приведенными примерами из своего жизненного опыта, но еще энергичнее — собственным стремлением к бичеванию, внешне завуалированным проповедуемой системой воспитания, называемой им «христианской»:

Обращайтесь осторожно с душою ребенка — ибо таковых есть Царствие Божие, — а на тело его смотрите, как на дом только, в котором обитает господин дому, а дом этот можно переделывать, только бы не вредить ему и не разрушать его[35].

Существует и другая причина сокрытия статьи. Она была написана в начале 1890-х гг. (около 1892-1893 гг.), когда тридцатилетний учитель Тетерников хлопотал о повышении по службе — об инспекторском месте; в 1896 г. он был назначен учителем-инспектором Андреевского городского училища в Петербурге, куда переехал из Вытегры в 1892 г. Появление статьи в периодике в разгар кампании за отмену телесных наказаний могло бы повредить карьере педагога и репутации начинающего писателя. Работа не была доведена до конца. Вероятнее всего, Сологуб охладел к ней, осознав, что высказанные им педагогические взгляды не найдут сочувствия или поощрения у современников. Необходимо было изменить форму высказывания, сделать ее менее откровенной. Известно, что сублимация асоциальных инстинктов нередко выражается в создании художественных произведений. Садо-мазохистский комплекс Сологуба требовал разрешения — в 1892 г. он приступил к работе над романом «Мелкий бес».

* * *

Человек для того и приходит у мир, чтобы совершить зло. Какими путями — и какое зло — это неважно. Но это так. Поэтому вся жизнь наша — зло, и каждый человек зло в себе носит. И каждое творчество — зло, и всякое зло — творчество. В этом подлинная красота, в этом прекрасное, в этом — вечное...

Ф. Сологуб[36]

По мнению Ж. Лели, знатока творчества де Сада, алголагния, или садо-мазохизм, является самым распространенным психоневрозом, чрезвычайно редко встречаются люди, у которых этот комплекс отсутствует вовсе. Сологуб не был исключением. Обстановка, в которой он воспитывался, всесторонне благоприятствовала формированию комплекса: ребенок рос в атмосфере непрестанных побоев и унижения человеческого достоинства. В раннем детстве он потерял отца[37]. Мать «была строга и взыскательна до жестокости, наказывала за каждую оплошность, за каждое прегрешение вольное и невольное: ставила в угол на голые колени, била по лицу, прибегала к розгам: за грубость, за шалости, за опоздание в исполнении поручений, за испачканную одежду, за грубые слова, позднее за истраченные без ее санкции деньги, хотя бы в размере

нескольких копеек»[38]. Не имея сил сопротивляться насилию, мальчик пытался найти разумное объяснение, оправдание злу, творившемуся над ним:

> ...когда его наказывали, он стал принимать это как средство к духовному очищению. Стал приходить к мысли, что наказание нужно для него самого, потому что наказывают его за дерзкую заносчивость. А он уже не раз замечал в себе большой грех гордости... И хорошо, что при наказании он испытывал не только боль, но и стыд унижения. Когда стоял на коленях и его бранили, он принимал все укоры, как заслуженные. Ему казалось, что все эти переживания укрепляли его волю и характер. И мальчик с искренней благодарностью кланялся матери в ноги — так было принято в его семье Тетерниковых, когда благодарили или просили чего-нибудь[39].

С годами телесные наказания превратились в неотъемлемую, привычную сферу отношений Сологуба с близкими людьми, он стал испытывать потребность в переживании боли, стыда и унижения, нередко он провоцировал мать на жестокое обращение с ним:

> Истомившись от капризов
> И судьбу свою дразня,
> Сам я бросил дерзкий вызов:
> Лучше высеки меня!
>
> Чем сердиться так сурово
> И по целым дням молчать,
> Лучше розги взять и снова
> Хорошенько отстегать.
>
> Мама долго не томила,
> Не заставила просить,
> Стало то, что прежде было,
> Что случалось выносить.
>
> Мне никак не отвертеться,
> Чтоб удобней было сечь
> Догола пришлось раздеться,
> На колени к маме лечь.
>
> И мучительная кара
> Надо мной свершилась вновь,
> От удара до удара
> Зажигалась болью кровь.
>
> Правда страшная побоев
> Обнаружилася вся:
> Болью душу успокоив,
> Я за дело принялся.
>
> 27 октября 1887[40].

В материалах к биографии Сологуба сохранились его записи о перенесенных им когда-либо наказаниях розгами. Последняя из них: «1894-1907. Сестра. Секла дома, в дворн<ницкой>, в участке, с согласия дир<ектора>. В Андр<еевском> нередко сторожа, чаще всего Василий, иногда с сыном Николаем»[41].

В 1907 г. Ольге Кузьминичне было 42 года, Сологубу, учителю-инспектору Андреевского училища исполнилось 44, шел последний год его 25-летней педагогической деятельности, наконец, он был уже широко известным писателем, автором нескольких прозаических и стихотворных сборников и двух романов. Тот факт, что сестра секла сорокалетнего брата (она взяла на себя миссию «женщины-палача»[42] после смерти матери, скончавшейся в 1894 г.), невозможно объяснить исключительно его стремлением к христианскому смирению и совершенствованию. Несомненно, привыкший к бичеванию с детства, он сам требовал мучений, находя в них удовлетворение. Переход от религиозного экстаза к эротическому — явление широко известное, зафиксированное и в медицине и в литературе (история Абеляра и Элоизы)[43]. Кроме того, из клинического опыта, описанного в медицинских исследованиях, известно, что злоупотребления при наказании мальчиков розгами вызывают приток крови к половым органам и преждевременную эрекцию. В статье «О телесных наказаниях» Сологуб также указывает на эту физиологическую особенность и поясняет, какой силы надо наносить удары, чтобы избежать при наказании вредных для здоровья ребенка последствий. Такие советы мог давать только человек, имеющий опыт сладострастного переживания боли, каким и был автор статьи. Не случайно в одном из стихотворений алголагнического цикла (см. примеч. 40) он демонстрирует живую для него связь боли, стыда, унижения и — страсти:

> В душевной глубине бушует
> Звериная, нагая страсть.
> Она порою торжествует,
> Над телом проявляя власть.
>
> . . . . . .
>
> Настала грозная минута,
> И розги в воздухе взвились,
> И раздражение и смута
> В душе внезапно улеглись.
>
> В тройном союзе все сплелося:
> Ликует боль, и стыд, и страх,
> И все томление сожглося
> В мольбе, и в криках, и в слезах.
>
> Пусть после этих наказаний
> Мне стыдно, а другим смешно,
> Но стихло пламя беснований,
> В крови погашено оно[44].

Вплоть до 1907 г. Сологуб и его сестра жили всегда уединенно, почти не расставаясь. В окололитературных кругах ходили слухи об их кровосмесительной связи[45]. Источником слухов, вероятно, в первую очередь было творчество писателя, в котором присутствует инцестуальная тема.

В 1907 г. Ольга Кузьминична скончалась от туберкулеза; небезынтересно, что заметки о сечении Сологуба обрываются также на этом временном отрезке. Кто стал соучастником поэта-флагеллянта при разрешении его психоневроза — неизвестно. Возможно, роль эта была возложена на прислугу, о чем несколько туманно сообщается в последней фразе автобиографической записи: «Дарья Ив<ановна>. Сначала стеснялась. Потом разошлась вовсю»[46]. Впрочем, в 1908 г. Сологуб соединил свою жизнь с Анастасией Николаевной Чеботаревской и многое могло измениться в образе его жизни.

Доподлинно о характере отношений поэта с женой неизвестно ничего. Многие годы их брак был гражданским, они повенчались только летом 1914 г. Сохранившаяся обширная переписка супругов по содержанию в основном деловая, а не интимная. Мы располагаем только воспоминаниями современников, в которых посвоему отразилось мнение окололитературной среды о чете Сологубов, сплетни и слухи о них, питавшиеся, главным образом, домыслами, но не фактами биографии. Тем не менее, полностью игнорировать слухи, вероятно, не следует: в своей основе они не беспричинны. По рассказам Л.М.Клейнборта, в Петербурге злословили, будто бы Чеботаревская «сама секла своего мужа, не то он ее, после чего они предавались половому безумству»[47]. В pendant слухам Клейнборт пишет о своих встречах с супругами (цитирую в извлечениях):

> Встречаю Чеботаревскую с Федором Кузьмичем после их возвращения из-за границы в 1909 г.
>
> — Как цветете?
>
> — Жена не горшок — не расшибешь, — смеется она.
>
> — Значит, еще целы?
>
> — Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит — еще хочет. <...>
>
> Идет разговор о «Новой жизни», беллетристический отдел которой в руках Миртова. Там печатается роман Сологуба «Слаще яда». <...> Отозвав меня в сторону, Чеботаревская шепчется со мной на эту тему. Не успеваю я удовлетворить ее любопытство, поскольку это в моих средствах, — а стоим мы друг против друга — как чувствую: две руки, и сильные руки, начинают прижимать нас друг к другу. Я с изумлением поднимаю глаза и вижу... Федора Кузьмича. Та же маска на лице, но маска совсем веселая на этот раз.
>
> Я, конечно, не желаю служить объектом его эксперимента.
>
> — Вы с ума спятили? — говорю я ему.
>
> Чеботаревская смеется. Он же показывает зеленые зубы:
>
> Ты возьми меня за правую ручку,
> Поведи меня во светлую светлицу.
> Сними с меня цветное платье,
> Побей меня по белому телу,
> По всему месту по десятку;
> Побивши, душа моя, помилуй,
> Положь на тесовую кроватку,
> Прижми к ретивому сердечку...
>
> — Вы не замечали, — продолжал он, не обижаясь на меня, — вы не замечали, что у женщины жажда стыда и боли из одного источника? Чем больше она сопротивляется, тем больше ей импонирует сила, точнее, насилие. Достаточно самому наглому мужчине «взять» самую целомудренную женщину, чтобы она целовала ему руки...[48].

Приведенный фрагмент из воспоминаний несколько противоречит представлению о мазохической основе сологубовского комплекса. Но, как принято считать, этот невроз часто протекает в сопровождении противоположного — садизма[49]. Размышления по поводу амбивалентности алголагнических процессов попадаются, между прочим, и в бумагах Сологуба. Например, в записи от 7 ноября 1893 г.:

> Сладострастие. Жажда мук как выход ненасыщенного сладострастия. Примеры: покаяние маршала Жиля де Ретца. Раскаяние преступников, особенно под старость. Самобичевание аскетов. Мария Магдалина. Сладострастие унижения: любовники любят целовать ножки[50].

Известны разные способы разрешения садо-мазохического комплекса, наиболее типический из них выражается в страхах и навязчивых идеях (Недотыкомка у Передонова); другой — в актах жестокости, часто бессознательных, стихийных. Подобные проявления были не чужды автору «Мелкого беса». В письме к Ольге Кузьминичне из Вытегры от 20 сентября 1891 г. он рассказывает:

> Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко, босиком, и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька очень рассердилась и пребольно высекла меня розгами, после чего я уже не смел упрямиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности, и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаще[51].

Эпизод из жизни Сологуба, рассказанный им в письме, позволяет предположить, что не только его творчество служило источником слухов о садистических проявлениях его личности. Клейнборт, например, сообщает, что о писателе говорили:

> Он «психопат», «садист», оказывается не только как поэт. Из своего училища Сологуб ушел по выслуге 25-летней пенсии. При его положении в литературном мире, ему не для чего было быть инспектором Андреевского городского училища. А, может быть, и наоборот, близость к литературе и литературному миру бросила на него тень в глазах начальства. Слухи же объясняли уход со службы тем, что он превратил своих учеников в «тихих мальчиков», изображенных в «Навьих чарах», окунул их в тайны мудрого садизма[52].

Мы не располагаем материалами о служебной деятельности Сологуба в петербургский период. Известно, однако, что он ушел со службы не по собственному желанию. Его уволили в июле 1907 г. и попросили оставить занимаемую им квартиру в трагические для него дни кончины Ольги Кузьминичны, смерть которой он воспринял как «победу смерти». Скорее всего, как и объясняет современник, причиной увольнения Сологуба послужил «ореол» вокруг его литературного имени, который по-своему был оправдан.

Помимо страхов, навязчивых идей, актов жестокости, способом разрешения психоневроза является также сублимация асоциальных инстинктов (мнимое вытеснение комплекса), что в отдельных случаях проявляется в создании художественных произведений. Обозревая с этой позиции творчество де Сада, Симона де Бовуар отмечала: «Отделенный от людей непреодолимой преградой — особенностями психики — он, тем не менее, жаждал единения с ними. И это могла дать ему литература»[53]. Это наблюдение вполне приложимо и к Сологубу, по многочисленным воспоминаниям — замкнутому, нелюдимому, вызывающе холодному в общении.

С точки зрения попытки вытеснения комплекса значительный интерес представляют его прозаические и стихотворные опыты долитературного периода и начала 1890-х гг. В 1880 г. семнадцатилетний Сологуб задумал написать большой автобиографический роман под названием «Ночные росы». Сохранились планы и детальные конспекты замысла, а также черновики двух фрагментов; в одном из них присутствует инцестуальная тема (отец насилует дочь), во втором — с натуралистическими подробностями воспроизводится сцена сечения крепостной девушки (см. Приложение). Сологуб отличался редкой аккуратностью и педантичностью по отношению к собственному архиву. Он хранил все, что касалось его творчества, за исключением небольшой группы сугубо интимных материалов, уничтоженных им в 1921 г., о чем он оставил запись с перечнем изъятых бумаг[54]. Наброски к роману «Ночные росы» — первому крупному замыслу — в этом списке не значатся и, по всей вероятности, сохранились полностью. Можно предположить, что, детально проработав . план романа и написав два фрагмента в черновике, облегчивших его угнетенную психику, автор охладел к работе.

Попыткой разрешения комплекса в творчестве, по-видимому, были и стихотворения, объединенные под условным названием «Из дневника». В подборке, сохранившейся в составе архива Р.В.Иванова-Разумника, их 64. Однако текстов, тематически связанных с этой группой, в «Материалах к полному собранию стихотворений»[55] значительно больше. На протяжении двух десятков лет с 1881 г. поэт-флагеллянт «отчитывался», точнее, отписывался перед собой о перенесенных им порках с помощью стихотворных размеров. Эти опыты по стилистике слишком далеки от изящных описаний Руссо[56] или шедевров самого Сологуба на алголагническую тему. Бытовая, однотонная лексика, натуралистическое фетишистское описание все той же обнаженной страдающей части тела, крови и воплей, выдают функциональное значение текстов «Из дневника»: они предназначались для внутреннего пользования, а не для печати. При написании стихотворений создавалась иллюзия двухстороннего разрешения комплекса; автор, переживавший воспроизведенную ситуацию, одновременно мог прочувствовать себя объектом и субъектом бичевания, в то время как в жизни он предпочитал позицию объекта, т. е. пассивную алголагнию.

Садо-мазохический комплекс Сологуба можно рассматривать в качестве своеобразного психологического ключа ко многим из его художественных произведений. В его лирике, несомненно, преобладает мазохическая тональность, которая проявляется в уходе от реального мира и перенесении его в грезу, в фантазм; лирический герой Сологуба, как мазохист — человек мающийся, ожидающий, его идеал — бесстрастие и холодность, из чего следует и приверженность поэта к застывшим картинам, к культуре отраженного, неподвижного. Наконец, лирическому герою

Сологуба свойственна мазохическая агрессия — «вызов», требование запретного удовольствия ценою собственного лишения или страдания, и «демонстративность», посредством которой он выставляет напоказ собственные муки и унижения.

В прозе Сологуба, как правило, сочетаются черты поэтики садических и мазохических текстов. Не трудно проследить эти черты и в «Мелком бесе». Очевидно, эпизоды садистической окрашенности связаны с линией поведения Передонова; для них характерны — антиэстетизация, непристойные описания (в первой версии текста)[57], механизм «конвейера». Черты, присущие мазохическому повествованию, проявляются в сюжетной линии любовных отношений Людмилочки Рутиловой и Саши Пыльникова: эстетизм, отсутствие непристойных описаний и, вместе с тем, особая удушливая эротическая атмосфера намека, ожидания, как бы сказал Делез, — «все кульминирует в подвешенности». Наиболее показателен в этой связи сон героини о бичевании отроков и Саши: в повествовании он играет ту же роль, что и сон Северина в «Венере в мехах» — и у Сологуба н у фон Захер-Мазоха реальный мир отклоняется в фантазм, в грезу, которая затем проецируется на дальнейшие события. Отношения Людмилочки и Саши более всего напоминают связь «женщины-палача» и жертвы. Хотя в «Мелком бесе» отсутствует факт заключения добровольного сознательного договора между любовниками, он как бы и не отменяется, то есть предполагается возрастом героя: еще не муж, но мальчик — необходимое условие в любовной игре для героини.

* * *

Своеобразное решение темы истязания в «Мелком бесе» и наличие черт поэтики садических и мазохических текстов позволяет назвать роман Сологуба алголагническим и одновременно выявить направление, по которому началось отпадение творчества писателя от реалистической традиции. В традиции русской классической прозы от Радищева до Толстого и Чехова изображение физических страданий служило средством обличения несправедливости или же осмыслялось как возмездие за содеянное преступление, но никогда не было целью. В изображении Сологуба физическое страдание подчас синонимично удовольствию, а потому и сама тема утрачивает традиционный гуманистический пафос: в «Мелком бесе» насилие не осуждается, а, скорее, констатируется как естественная потребность человеческой натуры проявлять жестокость. Телесные наказания в романе Сологуба теряют нравственное оправдание. Ни один из персонажей «Мелкого беса», подвергшийся сечению, не совершил сколько-нибудь серьезного проступка или преступления; однако, ни один из них и не осознает себя униженным или оскорбленным. Для героев Сологуба порка — действие, чаще всего связанное с ощущением боли и удовольствия, но отнюдь не с нанесением нравственного ущерба, привычная мелочь бытовых отношений (как писал Сологуб, «Повертись немного, // А потом поплачь!»). Выпоротый отцом по навету Передонова Владя Нартанович впоследствии без колебаний и угрызений совести сечет старшую сестру, девушку на выданьи, и та безропотно позволяет Вершиной обнажить себя в присутствии подростка и даже по-своему желает истязания («Ей словно нравилось покоряться и знать, что ее отношениям к этому тягостному делу наступает конец. Накажут, подержат на коленях, может быть, даже высекут, и больно, а потом все же простят, и все это будет скоро, сегодня же»)[58]. Из контекста "Мелкого беса" и других сочинений Сологуба явствует, что писателю интересны те, кого "томят порочные желанья", кто, подобно Передонову, истязает с наслаждением, или стремится испытывать боль.

Однажды автор романа заметил: «Говорят, у каждого декадента есть психическая искривленность, что-то вроде горба, который кривит его ощущения. Ежели это так, при горбе и надо оставаться»[59]. Многие годы «горб» Сологуба мешал ему жить, был неиссякаемым источником страданий, но одновременно побуждал его к творчеству, в процессе которого от «горба» можно было избавляться. Со временем он осознал свою «психическую искривленность» как *дар*, начал выпячивать ее, щеголять ею, эстетизировать ее. Этот процесс совпал с завершением работы над «Тяжелыми снами» и началом работы над «Мелким бесом». Тексты двух первых романов Сологуба, с учетом их рукописных версий, несут на себе печать внутренней ломки, происходившей с писателем в 1890-е гг. Первоначальное бессознательное стремление к воссозданию брутальных сцен и к описаниям садо-мазохической окрашенности в период работы над «Мелким бесом» мутировало в сторону осознанного и даже декларативного[60]. В статье «Не постыдно ли быть декадентом?» Сологуб утверждал:

> Возникая из великой тоски, начинаясь на краю трагических бездн, символизм, на первых своих ступенях, не может не сопровождаться великим страданием, великою болезнью духа. И так как всякое страдание, непонятное толпе, презирается и осмеивается ею, то и это страдание получило презрительную кличку декадентства. Но иначе, как страданием и болезнью, нельзя сделать никаких завоеваний в области наших восприятий. Когда слепой прозреет, то больно и страшно ему видеть, и только потом становится радостно смотреть, и уже потом наконец овладевает он тою способностью, которая возникала у него так мучительно. Если бы наше зрение стало чувствительно к большему или меньшему числу колебаний эфира, то и нам было бы страшно и больно, и люди здоровые, с нормальным зрением, издевались бы над безумцами, вдруг увидевшими какие-то ультрафиолетовые тона[61]

«Увидеть какие-то ультрафиолетовые тона», очевидно, означало для Сологуба — расширить поле художественного зрения за счет осмысления бессознательных процессов психики и ее болезненных проявлений (отсюда следовала и актуализация в повествовании болезненных сновидений — сны Клавдии и Логина в «Тяжелых снах», сны Передонова и Рутиловой в «Мелком бесе» и др.). Свойственное русской литературе обостренное внимание к нравственным проблемам, к душе человека и ее безднам (романы Достоевского и Толстого) вытесняется у Сологуба интересом к психическим аномалиям и последующей их эстетизацией, что, в конечном результате, превращает многие из его художественных текстов в некий инструмент насилия и выводит за рамки реализма XIX века. Внутренняя творческая история романа «Мелкий бес» — его психологическая предыстория, фиксирует этот процесс достаточно отчетливо.

Примечания

1. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №539, л.58.

2. Кранихфельд Вл. Ф.Сологуб // Вершины. СПб., 1909. С.172.

3. Новополин Г.С. Порнографический элемент в русской литературе. СПб., 1909. С.180.

4. Абрамович Н.Я. Образы сатанизма. М., 1913. С.126.

5. Горнфельд А.Г. Федор Сологуб // Русская литература XX века / Под ред. С.А.Венгерова. М., 1915. Т.II. Ч.I. С.15.

6. Стеклов Ю.М. О творчестве Федора Сологуба // Литературный распад. СПб., 1909. Кн.2. С.192.

7. Черновой автограф рукописи «Мелкого беса» хранится в Пушкинском Доме (ИРЛИ, ф.289, оп.1, №96); беловой автограф находится в РНБ (ф.724, №2-3). Наличие в данной рукописи стилистических разночтений с печатным текстом позволяет называть ее «беловой» с известной долей условности.

8. Самые значительные по объему фрагменты с описанием сечения розгами см. в опубликованных А.Л.Дымшицем вариантах: Сологуб Ф. Мелкий бес. М.;Л., 1933. С.419-441.

9. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №96, л.218.

10. См.: Сергей Тургенев и Шарик: Ненапечатанные главы из романа "Мелкие бес" // Речь. 1912. 5 и 29 апреля. Опубликованные главы не являются полной копией рукописных, в тексте имеются разночтения с автографом и выпущенный эпизод.

11. Примером подобного описания может служить сцена из первой рукописной версии романа: Нартанович сечет сына по наущению Передонова, а затем дочь Марту, вступившуюся за брата, наказанного по наговору, см. указ. в примеч. 8 публикацию А.Дымшица (с. 423-427).

12. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №96, л.475 об.

13. Клейнборт Л.М. Встречи: Федор Сологуб // ИРЛИ, ф.586, №442, л.20. Первая публикация «Мелкого беса» (главы 1-24) не была завершена в связи с прекращением журнала, см. Вопросы жизни. 1905. №6-11.

14. См. указ. публикацию А.Дымшица: с.437-441.

15. Там же. С.429-432.

16. Неклюдов Н.А. Общая часть Уголовного Права: (Конспект). СПб., 1875. С.122.

17. ИРЛИ. Пост. за 1991 г., №24.

18. Телесные наказания в России в настоящее время / Сост. члены комиссии, избранной VI съездом врачей в память Н.И.Пирогова, Д.Н.Жбанков и Вл.Яковенко. М., 1899.

19. С требованием отмены телесных наказаний Л.Толстой выступил также в «Заключении о помощи голодающим» («О голоде», 1893) и в более ранней статье «Николай Палкин» (1886), опубликованной в Швейцарии (1891) и затем в Англии (1895), в России впервые в 1917.

20. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №539, л. 98-99.

21. Экземпляр книги имелся в личной библиотеке Сологуба.

22. Северный вестник. 1892. №2; №3. Сологуб не мог оставить без внимания эту публикацию, поскольку с 1892 г. стал постоянным автором журнала.

23. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №539, л.74 об.

24. Джаншиев, гр<аф>. Из эпохи великих реформ. М. 1894. С.174.

25. Улановская Б.Ю. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. №3. С.181-184.

26. Помимо указанного названия, на обложку рукописи было вынесено дополнительно название «Облава» (ИРЛИ, ф.289, оп.1, №96, л.1).

27. Аналогичный пример Сологуб использовал в первом романе «Тяжелые сны»: о. Андрей на уроках закона Божьего ставит провинившихся учеников вверх ногами.

28. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №539, л.63.

29. На страницах черновой рукописи в разных местах дважды встречается дата, проставленная карандашом: 6 августа.

30. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №539, л.137.

31. Там же, ф.289, оп.1, №570, л.32, 35.

32. РНБ, ф.724, №3, л.62.

33. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №570, л.8 об.

34. В те же годы (1882-1892), что и Сологуб, Розанов учительствовал в провинции. Статьи, составившие книгу «Сумерки просвещения», были написаны им, главным образом, в период его службы в городе Белом (Смоленской губ.) в 1891 г. В примеч. к XV гл. сборника Розанов, апеллируя к своему детству, пишет: «Розга — это, наконец, факт, это — насилие надо мною, которое вызывает все мои силы к борьбе с собою; это — предмет моей ненависти, негодования, отчасти, однако же, и страха; в отношении к ней я, наконец, свободен, т. е. свободен в душе своей, в мысли, не покорен ничему, кроме боли и негодования. Я серьезно спрашиваю: чем, какими коллекциями, какими иллюстрациями и глобусами можно вызвать всю эту сложную и яркую работу души, эту ее самодеятельность, силу, напряжение? Что касается "угнетения человеческой природы", будто бы наносимого розгой, то ведь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизила современных мальчишек?» (Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С.142). В связи с позицией Розанова по вопросу о телесных наказаниях немалый интерес представляют воспоминания его бывшего ученика — В.В.Оболянинова, в которых рассказывается о садистических наклонностях Розанова и актах жестокости по отношению к ученикам, см.: Обольянинов В.В. В.В.Розанов в Бельской прогимназии // Новый журнал. 1963. №71. С.267-268.

35. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №570, л.18.

36. Смиренский В.В. Воспоминания о Федоре Сологубе и записи его высказываний // ИРЛИ, ф.79, оп.4, №146, л.4.

37. Согласно Фрейду и Делезу принцип мазохистского договора исключает отца, забота об отправлении отцовского закона всецело передается матери.

38. Черносвитова О.Н. Сологуб, Федор Кузьмич: Биографический очерк // ИРЛИ, ф.289, оп.6, №89, л.51.

39. Там же, л. 71.

40. ИРЛИ, ф.79, оп.4, №153, л.44. Данное стихотворение — одно из 64-х произведений Сологуба на алголагническую тему. В настоящее время мною подготовлена публикация цикла в возобновляемом Ежегоднике Рукописного Отдела Пушкинского Дома.

41. Печатное приложение к биографическому очерку, составленному О.Н. Черносвитовой (ф.289, оп.6, №89, л.102).

42. Согласно наблюдениям Делеза, неотъемлемой частью мазохистских отношений является процесс воспитания «женщины-палача» и последующий договор с ней, см.: Делез Ж. Представление Захер-Мазоха // Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах; Делез Ж. Представление Захер-Мазоха; Фрейд З. Работы о мазохизме. М., 1992.

43. Тема отношений Абеляра и Элоизы присутствует в лирике Сологуба, см.: «За плохое знание урока // Элоизу Абеляр жестоко...» (ф.289, оп.1, №2, л.504).

44. ИРЛИ, ф.79, оп.4, №153, л.12-13.

45. Клейнборт Л.М. Встречи. Л.29.

46. Печатное приложение к биографическому очерку, составленному О.Н.Черносвитовой (л.103).

47. Клейнборт Л.М. Встречи. Л.29.

48. Там же. Л.32-33.

49. Согласно версии Делеза, садист рождается из мазохиста в завершающей стадии развития комплекса. Свое наблюдение философ подтверждает текстом «Венеры в мехах»; в романе происходит перерождение главного героя.

50. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №539а, л.137.

51. ИРЛИ, ф.289, оп.2, №36, л.8.

52. Клейнборт Л.М. Встречи. Л.24.

53. Бовуар С. де. Нужно ли аутодафе? // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С.149.

54. ИРЛИ, ф.289, оп.6, №85.

55. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №1-6.

56. Ж.-Ж. Руссо был автором, к которому Сологуб неоднократно возвращался на протяжении жизни; перечитывал его и в последний год перед кончиной, см.: Данько Е.Я. Воспоминания о Федоре Сологубе // Лица: Биографический альманах. М.;СПб., 1992. [Вып.]1. С.226.

57. См. варианты к «Мелкому бесу» в указанной в примеч. 8 публикации А.Дымшица.

58. Там же. С.438.

59. Клейнборт Л.М. Встречи. Л.34.

60. Процесс становления эстетических взглядов отчасти стимулировался внешними обстоятельствами — возвращением в Петербург и вступлением в родственную по духу литературную среду, сближением с редакцией «Северного вестника».

61. ИРЛИ, ф.289, оп.1, №376, л.3.

Приложения

Замысел романа «Ночные росы» возник у Сологуба в период его обучения в Санкт-Петербургском Учительском институте (1878-1882 гг.); в автографе имеется дата: 5 мая 1880 г. В многочисленных черновых набросках и характеристиках действующих лиц встречаются записи, позволяющие предположить, что в романе должны были содержаться автобиографические мотивы. Например, во фрагментах плана №7-8 отмечено: «Любовница Касаткина. Домна. Когда она забеременела от барина, ее выдали за крестьянина Семена. От Домны родился сын Алексей Семенович Костров, который был впоследствии портным»; «Разрыв Николая с Антониною. Ее венчают с портным Костровым. Смирный, чахоточный, крепостной Касаткиных. Он приезжает в Петербург и умирает в 1867 году. У Антонины в этом браке, но от Николая, сын и дочь». В характеристиках Сологуба легко угадываются факты биографии его отца, Кузьмы Афанасьевича Тетерникова (Тютюнникова), внебрачного сына помещика Полтавской губернии Иваницкого. По приезде в Петербург Кузьма Афанасьевич работал портным и умер от туберкулеза в 1867 г.

Согласно замыслу события в романе должны были развиваться в помещицкой усадьбе на Украине, затем в Петербурге и охватить период с 1800-х по 1880-е гг., отразить наиболее существенные черты общественной жизни России за тридцать лет с 1850 г. Набросок, в котором начинающий писатель перечисляет основные позиции, привлекавшие его внимание в период работы над планом «Ночных рос», дает представление о масштабах его замысла:

1. 50-57 <гг.>. Апология креп<остного> права.
2. 57-80. Прав<ительственная> реф<орма>.
3. 20-80. Деятельность противуправ<ительственных> обществ.
4. 63-80. Реакция прав<ительства>.
5. Недовольство и смущ<ение> помещ<иков>.
6. Ликование в 61 г.
7. Начинаются безобразные спекуляции.
8. Железные дороги.
9. Общ<ественные> банки.
10. Пробуждение литературы.
11. Донких<отст>вующие деятели.
12. Падение <1 нрзб.>
13. Самоуправление.
14. Польский мятеж.
15. Универс<итет>. Журн<ал> Мин<истерства> нар<одного> пр<освещения>. 63 г. 18 июля.
16. Учащаяся молодежь.
17. Педагогия.
18. Отмена тел<есных> нак<азаний>.
19. Покушение на жизнь Гос<ударя>.
20. Воин<ские> повинности».

Несмотря на значительность замысла, роман, как уже отмечалось в статье, осуществлен не был; возможно, начинающий автор не рассчитал собственных сил.

Полный текст фрагмента из «Ночных рос» приводится по черновому автографу (ИРЛИ, ф.289, оп.1, №559, л.54-70 об.)

Текст незавершенной статьи «О телесных наказаниях» воспроизводится в сокращении по черновому автографу (ИРЛИ, ф.289, оп.1, №570).

Фрагмент из набросков к роману «Ночные росы»

Дверь замкнулась. Наташа осталась одна. Сначала она остановилась у двери, потом машинально сделала несколько шагов, села у окна. Было темно: свечи не принесли; не горела и лампада у образа Божьей Матери. И вдруг на полу протянулась резко очерченная желтая полоса, тучи рассеялись; вышла луна и заглянула к ней в комнату, и пролила на лицо тоскующей девушки свой болезненно-тихий свет. Снежный двор пожелтел в лучах луны, и мрачно проступили резко очерченные тени, падавшие от темного дома. Н<аташа> сидела безмолвно. Холодным ужасом веяло на нее из этих темных углов. Она хотела идти к иконе молиться — и не могла: ей было страшно. Она сидела с широко раскрытыми глазами, и грозные ночные тени подступили к ней, и повели с нею свои безмолвные речи.

Ее расстроенному больному воображению одна за другою представлялись ужасные картины кровавого мщения, картины кровавых пыток и наказаний, подобных тем, которые и в действительности так часто тревожили ее робкое сердце. Она была полна роковых предчувствий, и казалось ей, что эта ночь была последняя в ее жизни. — Убьет она меня, убьет, — беззвучно шептали ее бледные губы. И чем дольше сидела она, тем горьче и тяжелее становилось на ее душе. Голова ее кружилася от слез, сердце испуганно, сильно и нервно билось, кровь, как молотками, ударяла по ее вискам и кроваво-красные пятна носились пред ее глазами. Наконец она разделась и легла, когда уже близко было утро, легла с тяжелою отуманенною головою, и заснула глубоким сном, без грез и сновидений. Но недолго ей пришлось спать в эту ночь.

Скоро наступило утро, ясное и морозное. В восемь часов солнце только что встало и обливало своими лучами сумрачный барский дом. Ленивое зимнее солнце встало не рано: в боковых флигелях, в людских, девичьих и на кухнях давно уже закипела обычная муравьиная деятельность. Давно уже была на ногах многочисленная дворня; и суетились они в темноте, ругая ленивца: по утрам в людской свечей не полагалось. В главном флигеле было тихо: там проснулись попозже. Но все же лучи восходящего солнца, искоса заглядывая в длинный ряд пустых комнат, уже застали Кас<аткину> в маленькой угловой гостиной. Это была та самая комната, в которой в тот памятный вечер Ю<лия> К<онстантиновна>* застала Наташу с Сосвиным. Теперь она

* Далее сокращенные имена собственные раскрыты без скобок.

сидела в кресле, разговаривая о чем-то с Клемансом, который почтительно стоял перед нею. Здесь же суетились трое слуг, что-то приготовляя. Вскоре двое из них, по приказанию княгини отправились наверх, за Наташей. Это были Осип и Николай.

* * *

Наташа еще спала и не слышала, как отомкнули ее комнату и вошли в нее посыльные за нею.

— Спит еще, — молвил Осип. — Буди, что ли, Николай, — и он присел на стул у двери, мрачно рассматривая носки своих сапог.

Николай, подмигнув для чего-то товарищу и нахально ухмыляясь, отправился к постели. Он отдернул занавес и глядел на спящую красавицу, облизываясь и прищуривая маленькие глазки.

— Красавица, — сладострастно прошептал он. В нем заговорила животная страсть, и он придвигался все ближе, бормоча про себя: Теперь попалась, голубушка; не уйдешь от нас теперь, краля писаная.

— Буди, буди скорее, — торопил Осип.

— Чаво будить. Успеем. Нонче не пост, Осип Мосеич, согрешить можно. Девка важная малина.

И растаявший парень совсем близко нагнулся над Наташей, приподнимая одеяло.

— Ну тебя, будет еще грех из-за свинчи Брось, Николай! — промолвил Осип и пошел к Наташиной кровати, стуча сапогами.

— Вставай, барышня, — крикнул он, дернув Наташу за плечо.

Наташа открыла глаза и приподнялась на локте. Сначала она не могла понять, зачем ее будят, и не сразу вспомнила, что случилось. Быстро окинула она слипающимися, заспанными глазами свою комнату и эти наклонившиеся к ней лица, из которых одно глядело так оскорбительно-нахально, а другое не менее оскорбительно-грубо, и вспомнила все, и поняла, зачем они пришли. Прежние страхи сразу снова проснулись в ее робкой, напуганной душе. Она затрепетала на своей постели, как лань, завидевшая охотника; горячая краска стыда залила ее бледные и нежные, слегка смуглые щеки, когда она отыскивала глазами свое платье, разбросанное в беспорядке на стульях возле кровати. Она села на кровати и, испуганно глядя на этих чужих людей, ворвавшихся в ее девичью комнату и не спускавших с нее глаз, протянула руку за своими юбками. Осип остановил ее.

— Не надо одеваться, — сказал он и помолчал немного, по своей всегдашней привычке, опуская глаза.

Наташа с удивлением взглянула на него.

— Иди так, в одной рубахе, — продолжал он. — Нечего времени терять. Барыня дожидается.

— Сечь тебя будут, Наталья Ивановна, — пояснил Николай.

Наташа еще сильнее покраснела и закрыла лицо. Горькие слезы вырвались из глаз и падали на грудь тонкой рубашки, горячими струйками пробегая сквозь ее пальцы.

— Вставай, красавица, вставай, нечего нежиться, — с масляною улыбкою уговаривал Николай, снимая одеяло и обнимая правою рукою плачущую девушку.

Осип ничего не сказал, положил только на плечо Наталье свою тяжелую, грубую руку и потянул ее с постели. Она покорно опустила ноги на пол и встала, не глядя на эти неприветливые лица. В невыносимой тоске ломая руки, она шептала:

— Господи, за что это?

И более ни одной мольбы, ни одного упрека не сорвалося с ее языка. Ошеломило ли ее унизительное испытание, тяжелым камнем свалившееся на нее, или робкое сердце ее не привыкло протестовать против несправедливостей и насилий, но она молчала. И не поднимался протест даже в сокровеннейших тайнах ее души; даже не шевелилося в ней ненависти к той, которая подвергала ее унижению. Как овца подставляла она голову под удары судьбы. Какой-то туман стоял в ее голове. А солнце заглядывало в комнату, освещая одну из стен, и золотые лучи его говорили о жизни, о любви, о свободе. И в ответ этим лучам трепетала ее душа, истекавшая кровью, измученная и наболевшая, и все молодое существо ее просило и жизни, и любви, и свободы. Словно в тумане рисовался ей милый образ, звучали его дорогие слова; он говорил что-то непонятное, но честное и хорошее, о любви, о свободе. Быстро билося сердце, и с каждым ударом новая волна крови приливала к лицу, заливая его краскою стыда.

Николай тащил ее, ухватив под мышки и смеялся, осыпая ее неприличными и циническими насмешками. Усмехался и сумрачный Осип, глядя на ее слезы, но усмехался он как-то особенно, не так, как его товарищ. Тихо роняя слезы из опущенных глаз и стыдливо придерживая рукою ворот рубашки, от которого вчера отскочила полотняная пуговица, оторванная руками разъяренной помещицы, пошла она, неловко переступая босыми ногами и оступаясь на каждом шагу, за своими стражами. Из дверей ее комнаты, по небольшому пространству досчатого коридора, они вышли на каменную узкую лестницу, которая опускалась во второй этаж в столовую. Плиты лестницы, как огнем, жгли непривычные Наташины ноги. На первом же шагу, вся охваченная холодом, она остановилась.

— Ну, ну, иди, — понукал Осип. — Не дворянка, ног не простудишь. Не ковры для тебя настилать.

Наташа безмолвно повиновалась. Изнеженная девушка страдала от непривычного унижения и от холода. Холод плит, на каждом шагу леденящих ноги, заставлял ее дрожать, как в лихорадке. Наконец лестница кончилась. Прошли в столовую, обойдя мимо стоявшего посередине большого и тяжелого стола. Потянулся ряд комнат. Ноги Наташи, ступая по мягким и теплым коврам, отдыхали от стужи лестницы и понемногу нагревались. Ей было невыносимо стыдно глядеть на себя, неодетую, с обнаженными почти до колен ногами и с голыми плечами, по которым рассыпалися густые черные и длинные волосы, непричесанные и незаплетенные. Она боялась взглянуть по сторонам, на тяжелую, мрачную мебель, на высокие и мрачные окна, завешенные темными занавесами, и на эти зеркала, в которых отражалась и она, и оскорбительно глядевшие на нее лица ее спутников. Она шла, опустив голову, глядя на разнообразные узоры ковров, но едва ли видя эти узоры. На душе ее было тяжело и смутно. Ей было

страшно, и с каждым шагом становилось все страшнее, все тише и медленнее билось ее сердце и все бледнее становилося ее красивое лицо.

Подходя к той комнате, где разыгралась вчера эта тяжелая сцена, она услышала звуки тихого голоса своей госпожи, того голоса, который сулил ей тогда страшное возмездие. Чувство невыразимого страха охватило ее; дрогнуло и замерло сердце, побледнели щеки, и она остановилась на месте, рыдая и закрывая лицо руками. Лакеи подхватили ее под руки и втащили в комнату, предназначенную быть местом наказания. Войдя в эту комнату, лакеи оставили ее. Переставая на минуту плакать, она стояла, окидывая испуганными глазами эту знакомую ей комнату. Но как она изменилась со вчерашнего вечера. Ковер был снят и посередине было ввернуто в пол несколько пар железных винтов, с привязанными к ним веревками и ремнями. На стульях, стоящих вдоль стены, у которой она остановилась, было разложено несколько пучков розог, длинных и толстых. Увидела все это бедная девушка, увидела она спокойное лицо помещицы с тем ледяным выражением, которого так боялись все в дому, и роковое предчувствие снова овладело ею. Робко, болезненно дрогнуло ее сердце, вся кровь отлила от лица, и мертвенно бледная стояла она у двери, опустя руки и дрожа всем телом.

— Подойди поближе, — сказала Касаткина неровным, срывающимся голосом, словно она боролась с каким-то кипевшим в ней чувством. Но она хорошо умела владеть собою, и когда к ней подвели Наташу, которая от страху сама не могла и шагу переступить, Касаткина была совершенно спокойна и кротко и ласково глядела на юную преступницу, жестоко и беспощадно осужденную ею. Рыдая, Наташа опустилась на колени у ног своей госпожи.

— Простите, — шептала она сквозь слезы, и обнимала ее колени, и целовала ее башмаки.

Пренебрежительная усмешка промелькнула по губам Касаткиной. «Крепостная девка!» — злорадно подумалось ей. Не эта ли самая мысль доставила ей сегодня ночью утешение в ее горе? — «И это моя соперница! Бедная!» — почти пожалела она и еще ласковее улыбнулась, приподнимая Наташу за плечо от полу.

— Полно, не плачь, милая моя, — говорила она тихо и кротко, поглаживая девушку по голове своею красивою белою рукою: — Отчего ты так бледна, Наташа? Хорошо ли ты спала сегодня ночью? — заботливо расспрашивала она и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Ты озябла, голубушка; на тебе костюм совсем не по сезону; щечки такие холодные! — И Касаткина ласково потрепала бледные щеки Наташи. — Что ты опускаешь свою красивую голову? Разве ты меня боишься? Ну, мой ангел, я тебя ведь не укушу, погляди же на меня, друг мой.

И, дотронувшись до ее подбородка, Юлия Константиновна подняла заплаканное, бледное личико Наташи и, усмехаясь, спокойно смотрела в ее большие, испуганные глаза. Наташа трепетала под этим упорным взглядом черных, страстных глаз, в которых горел затаенный огонь бешеной, ревнивой ненависти. Касаткина молчала — Наташа хотела что-то сказать, но слова замирали на ее языке, и бесполезные мольбы остались невысказанными.

— Нехорошо, голубушка, что у тебя щечки такие бледные да холодные. Вот я их согрею и нарумяню. — И Касаткина с размаху дала ей две пощечины. — Они вчера краснели от поцелуев твоего дорогого Миши, и ты, бедная моя девочка, думала, что они и в самом деле созданы для поцелуев. Ах, милая, надо тебе и вчера было помнить, что не для поцелуев они созданы. Помнишь, у Шекспира, которого ты так любишь: твои щеки созданы для пощечин.

И княгиня сильно и хлестко била по щекам растерявшуюся девушку.

— Считай, сколько раз я тебя ударила, — говорила она, давая себе маленький отдых и потом снова принимаясь бить.

И когда Наташа сбивалась, удары начиналися снова.

Наконец, глотая душившие ее слезы, ей удалось насчитать до десяти.

— Ну, на сегодня довольно с тебя, моя милая.

Наташа снова заплакала и вновь начинала умолять о прощении, лежа у ног Касаткиной и хватая дрожащими руками ее платье. Касаткина засмеялась.

— Не плачь, Наташа, не плачь, — сказала она, завистливо глядя на черные косы, спадавшие на лицо Наташи, на пол и путавшиеся между ее рук. Новая мысль мелькнула в ее голове, мысль об новом унижении своей соперницы. «Лучше бы вчера, — думалось ей. — Ну, да все равно».

— Принесите ножницы, — сказала она очень тихо, ни к кому не обращаясь и не поднимая головы: она не могла оторвать глаз от этих густых и черных кос.

Наташа не слышала ее приказания, продолжала лежать в ногах Юлии Константиновны и обливая слезами ее бархатные башмаки и тонкие чулки. Слезы, протекая через чулки, неприятно щекотали ноги помещицы; это ей не нравилось, и она заметила Наташе:

— Друг мой, я не мешаю тебе делать все, что ты хочешь, но только не обливай меня, пожалуйста.

Говоря так, Касаткина вытащила свою ногу из-под лица Наташи и слегка оттолкнула голову кончиком этой ноги. Наташа отодвинулась, но продолжала лежать. Осип подал ножницы. Касаткина положила их к себе на платье. Она подняла Наташу за плечо и, придерживая ее за кисть правой руки, а своею правою поглаживая ее волосы, говорила:

— Какие у тебя волосы славные — длинные, густые. А помнишь, как нашей Авдотье обрезали косы, какая она смешная была, стриженая. Ты над нею тогда посмеялась.

Ласково смеяся, Касаткина собрала своими руками Наташины косы, захватила рукою около шеи и потянула кверху. Наташа слегка вскрикнула. — Какие они у тебя перепутанные. Они тебе только мешают. Отрежу-ка я их лучше, да пошлю на память о тебе Михайлу Лаврентьевичу, твоему дорогому Мише.

Княгиня взяла ножницы, но трудно перерезывала эти густые косы. Наташа покорилась безмолвно.

— У, какая ты смешная, стриженая, — засмеялась княгиня, кончив свое дело. — Ужасно похожа на Авдотью.

На это Клеманс почтительно ответил:

— Только Авдотья, как простая девка, в сарафане-с ходила.

Княгиня снисходительно усмехнулась, засмеялись и слуги, только Осип укоризненно взглянул на управляющего.

Девушка снова начала просить о помиловании.

— Что, ты опять просишь, чтобы я простила! — промолвила тихо и ласково Юлия Константиновна. — Нет, Наташа, не проси, не проси пощады. Ведь я тебе сказала, голубушка, что тебе не будет прощения. Ты знаешь, я никогда не обманываю. Ты меня оскорбила, и я накажу тебя, жестоко, больно накажу. Перенеси свое наказание терпеливо и без ропота. Ты будешь жестоко страдать, но что же твои страдания, моя милая девочка, в сравнении с теми адскими муками, которые я терплю, неблагодарная, из-за твоего смазливого личика. Ты еще не знаешь, мой друг, и конечно, никогда не узнаешь, какая это страшная мука — рев<ность>; у тебя никто не отнимает любимого человека. Тебя любят. Ты счастлива. Что ж после этого твои страдания. Полно, не плачь, — закончила она. — Возьмите ее, — обратилась она к слугам. Клеманс и Осип подхватили ее под плечи, Николай с третьим лакеем захватили ее за ноги и понесли. Этот третий — Федор.

— Осторожно, не торопитесь! — донеслись до слуха перепуганной девушки тихие, едва слышные слова. Ее положили на то место, где были ввинчены винты, головою к Касаткиной. Клеманс и Николай отняли ее руки от тела и начали привязывать каждую, в кисти, к особой паре винтов тонкими, режущими тело веревками. В то же время Осип связывал такими же острыми веревками ее ноги. Ноги были плотно привязаны одна к другой; веревки врезывались в нежное тело, которое синело, краснело и багровело. Наташа застонала. Потом прикрепили их к винтам, и Осип и Федор, приподняв до спины рубаху, перешли к другой паре винтов, к которым ноги были привязаны выше колен, опять перевязали этими ужасными веревками. Из мягкого, белого тела брызнула кровь, и капли ее покатились по круглым мускулам ног. Наташа опять застонала от боли. Она была плотно привязана к полу и не могла пошевелиться без того, чтобы веревки еще больше не врезывались в нежное тело. Оставалась еще пара винтов, к одному из которых был прикреплен ремень. Николай перекинул ремень через спину Наташи и плотно притянул ее грудь к полу. Высокие, вполне определившиеся груди, плотно прижатые к полу, невыносимо страдали какою-то тупою, ноющею болью. Наташа лежала, не поднимая головы, и широко раскрытыми глазами смотрела на пол, но, конечно, ничего не видела. Лицо ее лежало на этом полу, опираясь на него подбородком и слегка прижатым кончиком носа. В комнате было тихо. Вдруг она услышала свист в воздухе и в то же время почувствовала жгучую боль, которая заставила ее вскрикнуть. Опять послышался свист, тот же, еще и еще, с обеих сторон на ее тело торопливо падали удары розог, длинных и гибких, и каждый удар заставлял ее вскрикивать все сильнее. Эти свистящие лозы были в руках Осипа и Николая. Осип стоял над Наташей с своею обычною сумрачною физиономией. Николай хлестал ее розгами с каким-то сладострастным наслаждением, с пошлою улыбочкою на своем идиотскитупом низколобом лице. Оба они сначала заторопились и били неровно и скоро. Касаткиной не понравилась эта торопливость и неровность, и она остановила их:

— Бейте реже, — очень тихо, почти шепотом, сказала она: — но как можно сильнее.

И удары, медленные и спокойные, сделались еще нестерпимее и больнее. Девушка кричала громче и громче, пробовала метаться под своими узами, и заплетающимся языком умоляла о прощении. Но эта женщина была неумолима. Розги взвизгивали и падали, и падали на окровавленное тело. И с каждым ударом это изнеженное тело покрывалось новою кровавою язвою, синело и багровело. Кровь текла из длинных, неглубоких но мучительно <раздражавших> нервы ран, текла по нежному телу, лилась на пол и кровянила рубашку. Брызги горячей молодой крови летели во все стороны, попадали на палачей, на стены, на платье и на лицо княгини. А она сидела на своем кресле, наклонившись вперед и ухватив руками за обручки, и жадными торжествующими глазами смотрела на страдающее, окровавленное тело своей соперницы. Когда брызги крови попали на ее лицо, она откинулась на спинку, обтиралась платком, с видимым наслаждением слушая страдальческие крики. А эти стоны становились все тише и тише, и, наконец, начали замирать.

Это медленное и жестокое истязание продолжалось долго, так долго, что у палачей устали руки от этих сильных и равномерных взмахов. И несколько раз приходилось переменять им изломанные розги. Более 200 ударов опустилось на тело Наташи. Она уже не чувствовала прежней боли; какой-то жар разливался по ее жилам, и словно жег ее, и сушил ее с трудом двигающийся язык и бледнеющие губы.

— Довольно, перестаньте, — сказала княгиня. Слуги остановились.

— Принесите воды.

Федор побежал за водою. Он был бледен, руки его тряслись, и он проливал воду на пол из полного стакана, возвратившись в комнату с холодною водою. В комнате было тихо, княгиня молчала. Осип и Николай возились с розгами; Клеманс стоял возле кресла помещицы, равнодушно глядя на истерзанное тело наказанной, которая лежала неподвижно, и по временам, слегка вздрагивая под веревками, слабо стонала.

— Подай ей воду. — Юлия Константиновна головою показала Федору на Наташу. Потом, обращаясь к девушке, она сказала:

— Выпей, мой друг, воды, и отдохни немножко. Соберись с новыми силами.

Федор подошел к Наташе и опустился перед нею на пол. Наташа подняла голову и выпила несколько глотков воды из стакана, который поддерживал перед ее ртом дрожащими руками Федор. Холодная вода освежила ее засохший язык и запекшиеся губы. Голова ее прояснилась немного, и ее большие испуганные глаза поймали остановившийся на ней с неподдельным участием и сожалением взор молодого лакея. Но вместе с тем вернулося к ней и сознание жестокой боли; казалося, с новою силою началися страдания окровавленного тела; от ее судорожных,

бессознательных движений во время сечения веревки еще глубже врезались в нежное тело ног, и кровь медленно сочилась из-под них, стекая к ее коленям. Она снова громко застонала.

Вся эта тяжелая сцена была торжеством для Касаткиной, которая радостно слушала эти стоны. Они были для нее приятнее райской музыки. Чтобы продлить свое наслаждение, она приостановила наказание, она знала, что еще несколько ударов сразу — и молодая девушка была бы мертва. Теперь она опять очнулась и лежала перед нею, полумертвая, страшно страдающая, но еще сознающая. И княгиня обратилась к ней с ласковою дружескою речью:

— Ты видишь, голубушка, твое наказание еще не кончено! Отдохни и соберись с новыми силами. — Княгиня замолчала. — И не проси меня о прощении, — быстро заговорила она, когда девушка хотела что-то сказать. — Не могу я, Наташа, тебя простить. Знаю, что тебе, сердечная, очень больно, — продолжала княгиня рассудительным тоном, как бы уговаривая Наташу. — Понимаю, голубушка, что твоему девичьему телу невыносимо наказание: ведь ты у меня росла, как барышня. Понимаю, что ты, как скромная девушка, стыдишься, может быть, при мужчинах обнажения тела. Знаю, что для тебя все это вдвойне мучительно, но что же делать? Не вини меня, мой друг; ты сама виновата. Я тебя берегла и любила, как родную дочь, а теперь душа моя требует мщения и наслаждения им: я не вольна совладать с собою. Ты оскорбила меня, ты заставила меня страдать — ну, и что же вышло? Твой милый, дорогой твой Миша не заступится за тебя; вот ты лежишь передо мною беззащитная, и твой Сосвин не придет спасать тебя, хотя ты и расточала ему поцелуи, и готова была отдать ему все. А вот мои слуги: я не развратничала с ними, не целовала их, а они наказывают тебя за то, что ты меня оскорбила, и ты беззащитна, потому что ты только моя крепостная девка. Ты это забыла. Я тебе напомню: выше лба глаза не бывают, по вашей русской пословице. Не сетуй же на меня!

Княгиня помолчала немного, опустя голову; потом, обращаясь к Осипу, который сумрачно стоял в стороне и с досадою поглядывал и на княгиню и на Наташу, тихо сказала:

— Сними с нее рубашку. Разорви ее, не отвязываясь, — прибавила она, видя, что Осип, отстегнувши ремень, уже взялся за веревки рук.

Он ухватил руками подол ее рубахи и быстро рванул. Тонкое полотно разорвалось до самого ворота, обнажая словно из слоновой кости выточенную белую спину. Осип завозился с обшитым кружевами рубцом ворота, дрожащими руками, стараясь его перервать. Это ему не удавалось.

— Разрежь, — коротко сказала Касаткина, протянув Осипу ножницы, лежавшие подле нее на столе.

Осип, разрывая ворот, разрезал и оба рукава, и снял с тела две задние части рубахи и вытащил из-под Наташи переднюю половину. Теперь она лежала совершенно обнаженная, страдающая и растерявшаяся от боли и стыда.

— Бейте ее по спинке, — коротко сказала Касаткина слугам. И снова посыпались жестокие удары на девушку, покрывая ее тело кровавыми язвами. Снова раздалися ее стоны, громкие, рыдающие и короткие сначала, потом тихие и продолжительные, похожие на вопли умирающего животного, подстреленного охотником. Николай наслаждался не менее княгини: он замирал от восторга каждый раз, когда новая кровавая полоса протягивалась от его удара по спине Наташи. Он щурил масляные глазки, глупо ухмылялся и поминутно обтирал рукавом пот с раскрасневшегося лица. Осип сыпал удары изо всей силы, как бы стараясь добить поскорее изнемогавшую девушку. Он был бледен и сумрачен, как туча, и как-то слишком часто моргал своими суровыми глазами. Федор стоял совершенно растерявшийся, испуганный, бледный и дрожащий. Ему казалось, что наказание слишком продолжительно. Нервы его были расстроены, голова кружилась, в носу щекотало — и он едва удерживался, чтобы не заплакать. Одна княгиня была совершенно спокойна. В глубине души она наслаждалась, но она скрывала это наслаждение и сидела покойная, с кротким выражением на лице.

— По шейке, — едва слышно приказывала она, — по плечикам, по ножкам, по ручкам.

Наконец, все тело покрылось сплошными кровавыми язвами, с ран ручьями лилася кровь и собиралася на полу в одну большую лужу. Кровь подтекала под ее тело, подтекла к ее подбородку, оросила ее лицо и ее запекшиеся сухие губы. И эта масса окровавленного бичуемого тела лежала на полу, и только изредка раздавались слабые стоны.

— Довольно, — сказала княгиня. — Отвяжите ее и положите на спину.

Приказание было торопливо исполнено и скоро Наташа лежала, привязанная к полу, на своей окровавленной иссеченной спине.

Княгиня с усмешкою рассматривала ее лицо, которое было повернуто к ней узкою полоскою белого красивого лба. И вот, в эти ужасные минуты у княгини хватило духу смеяться, рассматривая эти странные очертания опрокинутого лица и кровавые пятна на кончике ее носа и на подбородке. Еще смешнее казалось ей страдальческое выражение лица юной мученицы. «Какие смешные гримасы она делает», — думала Касаткина, и смеялася от всей души. Да, княгиня была странная женщина, и недаром так назвал ее Николай.

Княгиня молча, движением руки подала знак — и снова началась медленная казнь или, вернее, медленное убийство. Но теперь оно продолжалось уже недолго. Иссеченная, слабая Наташа уже умирала, и едва сознавала свои страдания, судорожно двигалась в предсмертных судорогах. «Умирает», — подумала Юлия Константиновна, снова низко наклоняясь вперед в своем кресле, и задыхаясь от злобы и радости, крикнула прерывающимся, дрожащим голосом:

— Сильнее! Чаще!

Удары посыпались с удвоенною силою на живот и на высокие, определившиеся груди Наташи. Через несколько минут Осип остановился. Остановился и Николай. Княгиня сидела все в том же неловком положении, дрожащая, взволнованная и торжествующая. Голова ее отуманилась. Она с каким-то упоением слушала эти частые взвизгивающие удары и смотрела на окровавленное тело. Кровь опьянила

ее. Она не заметила даже, что перед нею лежит безжизненный труп*.

— Что же вы стали! — с неудовольствием сказала она. — Бейте!

— Чего бить! Разве не видите, что умерла, — грубо сказал Осип, отходя от убитой.

— Как, уже умерла! — промолвила княгиня с сожалением и встала.

— Умерла, — повторила она, подходя к трупу и толкая его под бок ногою. — Как скоро, — и она в раздумье остановилась над трупом.

Она думала: не нужно было бы сразу забивать до смерти; сечь бы ее каждый день, или лучше каждую неделю по воскресеньям. И, сожалея о своей нетерпеливости, княгиня вышла из комнаты, оставив Клеманса распоряжаться уборкою тела.

О телесных наказаниях

<...>Русский язык пользуется необыкновенно выразительным названием: наказание. Смысл этого слова показывает, что в основу наказания народ кладет исправительно-поучительную идею. Наказать — в одно и то же время значит у нас и приказать, дать наказ, инструкцию, руководство в известном деле или целом ряде дел — и подвергнуть взысканию за вину. Следовательно и наказание за вину имеет смысл указания верного пути, приказа, как вести себя на будущее время. Поучить — вместо наказать — также часто употребляет народ, подтверждая этим поучительный смысл наказаний. Скажу из своего опыта: когда мать наказывает меня розгами, она во все время сечения, обыкновенно неторопливого, не только бранит меня, но главным образом делает мне соответствующие наставления, — в точном смысле учит меня. Так было и тогда, когда я был мальчиком, так и теперь. Идеи возмездия и устрашения совершенно чужды чисто народной педагогии, или, вернее, элементы устрашения и возмездия, неразрывно связанные с самим актом наказания, какого бы то ни было, подчиняются во взглядах народа высшей идее — поучения и наставления. Подтверждение этому видно во взгляде на преступников как на несчастных и в частом нежелании мстить убийце: «мертвого не воскресишь, а его погубишь».

<...> Воспитание должно по возможности обходиться без наказаний. Где же они необходимы, там следует применять их так, чтобы они наиболее естественным образом вытекали из самого свойства проступка и в уме наказанного представлялись бы законным и справедливым последствием его деяний. Воспитатель заботится, чтобы самый проступок ребенка был уже ему наказанием или, по крайней мере, чтобы наказание выросло из этого проступка, как росток из семени. Внешне-принудительного характера наказние отнюдь не должно иметь. Оно должно действовать на высшие, духовные стороны человеческой натуры. Унижение и скорбь, которую неизбежно чувствует наказанный, должны быть скорбью и унижением духа, падшего и сознавшего свое падение. И унижение это вызывается не карательными мерами, а тем положением, в которое ставит себя сам преступник: лгуну не верят, обидчика удаляют из общества, лентяю приходится трудиться, когда другие отдыхают. Выраженная словами эта теория бесспорно прекрасна. Примененная последовательно к жизни, она иногда бывает возмутительно жестока, холодна до суровости и вредна по своим последствиям.

Правильно устроенная система воспитания может, если угодно, обойтись и вовсе без наказаний, если условимся не считать за наказание ласковые наставления да те случайные, неловкие положения, в которые ставит себя провинившийся. Можно представить себе совокупность таких условий, при которых развитие гладко покатится по предначертанному пути, как по стальным рельсам, и при которых будет устранена всякая возможность крушения. Но если допустить, что такого идеала возможно достигнуть, то и тогда такая легкость воспитательного процесса вряд ли может быть признана желательною. Ведь необходимою задачею воспитания должно быть поставлено образование сильного и энергичного характера. Без этого втуне пропадают наилучшие качества, наиблагороднейшие порывы, наичестнейшие стремления. Чтобы ребенок готов был к жизни, недостаточно приучить его ходить гладкими, приготовленными путями. Крутые горки, буераки да обрывы жизни требуют особой ловкости, сметливости и силы, чтобы из них взбираться и с них спускаться. Дитя, приученное к паркету добропорядочного поведения, что будет делать, когда судьба забросит его в глухой и темный лес, где бурелом и валежник загораживают дорогу, где колючие ветви перепутанных елей рвут платье и царапают руки? Для жизни нужны <тоже> силы и характер. Эти качества в здоровом ребенке развиваются сами собой, если ему предоставлена некоторая свобода действий.

Где же допущена свобода поступков, там неизбежно будут и непременно должны быть отступления с прямого пути, дикие порывы и необузданные стремления. И так как они имеют вполне законные права быть и проявляться, то воспитатель должен их рассматривать, но не как грех, которого не должно быть в жизни ребенка, но как проступок, который всецело искупается мужественным перенесением его последствий, и который вместе с своими последствиями служит основанием новой силы духа. Эти дикие стремления и порывы не должны быть сгублены и подавлены, но должны быть только употреблены с пользою. Совершенно нелепо ограничивать ту степень свободы, которою может пользоваться ребенок, для того только, чтобы ребенок не совершал проступков и чтобы его не приходилось наказывать. Не признает ли гуманная теория временное лишение свободы одним из видов наказания? Итак, не нелепо ли подвергать ребенка постоянному, хотя и незаметному для него наказанию, чтобы избавить его от наказания

* «Княгинею овладела жажда крови. Она хотела повторять такие сцены. Секла собственноручно. Приказала себя высечь (тайная машина)». — Примечание автора на полях рукописи.

случайного, хотя бы и более сильного? Излишний надзор над ребенком, излишняя упорядоченность его жизни взрослыми и есть то стеснение, которое проповедуется и требуется как наигуманнейшая воспитательная мера. Ребенок, за которым старательно наблюдают и жизнь которого внимательно размерена, конечно, не может делать проступков, но он находится в положении заключенного, за которым наблюдает солдат через окно его тюрьмы. Насколько это очевидно для большинства людей, думавших о предмете воспитания, видно уже из того, что ни одно из учебных заведений не организовало постоянного и неослабного наблюдения за своими воспитанниками. Печальное исключение, и очень знаменательное, составляют школы иезуитов. Но мы полагаем, что цели иезуитов и цели гуманного воспитания имеют мало общего.

<...> Поступок, несогласный с идеальными требованиями внутреннего закона, вызывает мучительный разлад в духе. Томительные мучения совести следуют за преступником, как неотвязные Эвмениды. Но духовные страдания, не имеющие реальной подкладки, протекающие исключительно только в духе и не уравновешенные соответственными телесными страданиями, имеют то неудобство, что человек необыкновенно скоро не только привыкает к ним, но и становится по отношению к ним на один из опасных путей: или он привыкает находить красивую усладу в своих невещественных муках и наслаждается сладострастием своего падения, — или он перестает терзаться и привыкает грешить с легким сердцем. Давно заметив это печальное свойство человеческой природы, люди, наиболее преданные мысли о самоусовершенствовании, с духовными подвигами соединяли тягостные телесные лишения: укажем хотя бы на установление поста бичевания, вериги. Но это уже меры искусственные, аскетические, меры времен, преданных осмеянию и проклятию. Но это меры необходимые. Гуманному ли воспитанию пользоваться ими? Современному ли миру искать свет во мраке монашеских келий? Итак, проступки, неискупленные страданием, влекут за собою, если тому не мешает иное благотворное влечение, или нравственное огрубление или нравственную развращенность и дряблость. Это и есть, конечно, единственно естественное наказание всякого проступка, если не считать еще и того наказания, которое непосредственно заключается в проступке. Так ученик, не исполнивший урока, естественно наказывается и тем, что он лишил себя полезного знания или полезного умения, и тем, что каждый неисполненный урок делает его более ленивым и распущенным. Очевидно, что невозможно оставлять детей пагубному произволу этих слепо бессмысленных наказаний. Даже ближайшие цели воспитания уже требуют зачастую особых, принудительных мер.

Делают одно из двух: или прибегают к мелочным стеснениям или к грубому нравственному насилию. Первое имеет место, если проступок мал. Не исполнил работы — сиди в то время, когда другие отдыхают. Мера очень хорошая, когда применяется очень редко, но вредная, когда применяется часто. Она вносит беспорядок в жизнь ребенка и мешает укоренению привычки делать все вовремя.

<...> Но более важны те случаи, когда воспитанник совершает проступок крупный: солгал, украл, сильно обидел или прибил слабого товарища и т.д. Старая педагогия ограничилась короткою и внушительною расправою, с целью быстро и осязательно *внушить* ребенку незаконность сделанного им. Для новой педагогии это случай, который требует большого искусства воспитателя. Воспитатель должен возбудить в ребенке раскаяние.

Обыкновенно это исполняется грубым вторжением в душу ребенка и бесцеремонным расстраиванием всех слабых струн детской души, чтобы только вызвать детские слезы и жалкие слова. Воспитатель истязает нравственно ребенка и воображает, что поступает очень гуманно. Но ребенок или испытывает только досаду и боль от грубо тревожимых ран его больной совести, или привыкает к ненужной и нецеломудренной возне с своими мельчайшими душевными волнениями, в чем и берет начало болезненная нервность вступивших недавно в жизнь и еще подрастающих поколений. Забывают почему-то, что нарушать чем-нибудь целомудрие детской души гораздо хуже, чем прибить ребенка, и что бессмысленно тревожить душевные раны, уже нанесенные ребенку проступком. — Это поступок более мерзкий, чем дикие забавы педагогов Помяловского, посыпавших крупной солью телесные язвы. Чужая душа должна быть для нас святынею уже потому, что мы часто видим в ней очень мало, что осквернить чужую душу легко, а возвысить ее трудно, и потому, что наше время — время психопатов, беснующихся среди равнодушия толпы, дает нам много грозных уроков по предмету душевной измученности, правдивой и лживой, что иногда и различить трудно.

<...> Наказание может быть очень суровым, но оно не должно быть унизительным. Позволительно нанести ребенку известного рода мучения, но непозволительно оскорблять его чувствования, его духовную сторону. Наказания, обращенные к духу, всегда бывают опасны, настолько опасны, что телесные наказания, при всей кажущейся жестокости, легче переносятся ребенком, которого педагоги еще не успели развратить. Они дают достаточное удовлетворение нравственному чувству ребенка, и этим примиряют его совесть с проступком, который искуплен наказанием. Сильно наказанный ребенок, однако, не приглашается к поруганию самого себя и приходит к необходимости добропорядочного поведения не темным путем нравственной пытки и ломки, борьбы и страданий, а кратким усилением, перекидывающим его на новую дорогу. Ребенок успокаивается нравственно, становится бодрее, в нем замечается подъем духа. Те, которых секли в детстве (не бестолково, как у нас бывает), это скажут: становится внимательнее, работается лучше, занимается легче. Но успокоение это не покупается за счет усыпляемой чуткости совести: строгость понесенного наказания служит для ребенка ощутительным мерилом недоброкачественности его поведения. Угрызений совести, всей этой психологической, а иногда и психопатической возни и ломки ребенок не чувствует, но у него является могущественное средство удержаться от повторения проступка припоминанием перенесенной боли и стыда. Ребенок несет в себе последствия своего

поступка, суровые и неотвратимые, и чувствует их законную справедливость; это развивает в нем строгое и честное отношение к себе самому. Развитие телесной выносливости достигается здесь попутно. Мы не говорим уже о тех частных случаях, когда применение телесных наказаний бывает удобнее всякого иного способа наказания вследствии особых условий. Это не важно и не обще, и этими соображениями не может быть ничего доказано. Телесные наказания, помимо тех частных соображений, которые можно привести в пользу их, имеют смысл и значение необходимых элементов всякого разумного воспитания. Легко видеть, что положительно воспитательная идея воплощается в телесных наказаниях совершеннее, чем в каждом из направлений, которым следуют педагоги в учении и наказании.

Когда мы применяем к ребенку естественное наказание за его проступок, то это, без сомнения, имеет высокое нравственное и развивающее значение. В уме ребенка укрепляется сознание неизбежной связи между поступками и следствиями их, и весь мир мало-помалу развертывается перед ним в виде грозной, неумолимой машины. Законы этого чудного строения нельзя нарушать безнаказанно. Всякое отступление от законного порядка вещей влечет кару, соответственную не мотивам проступка, а его внешнему процессу. Устраняется возможность каких-либо обходов, сделок, полумер. Все неизбежно, все в роковом сцеплении. И гигантские даже усилия не остановят колес безустанной машины. Ничто не спасет от ее слепого мщения, от ее неотразимой кары, кроме твердого, неуклонного следования путем, намеченным тайными или явными причинами. Развивается сильный характер, много энергии, много рассудительности, много аккуратности, — все качества, необходимые для успешного продолжения жизненного пути.

<...> Я полагаю, что воспитание, наиболее соответствующее своей цели гармонического развития всех сторон духа, будет то, которое гармонически сливает в себе все элементы нравственного развития и пользуется всеми полезными средствами. Это воспитание, которое гуманным идеям дает суровую силу, и суровые условия жизни освещает гуманным светом.

Наказания, соответствующие такому воспитанию, это те, которые суровы по внешности и гуманны по идее. Ибо в мире всякая идея, следовательно, и гуманная, должна поддерживаться энергичными борцами, готовыми на борьбу и послушными идее, ибо в мире из идей должны господствовать только гуманные идеи. Дух людей должен быть проникнут всеобъемлющей любовью, всепрощающей кротостью, смиренной покорностью, любовью к добру, истине, красоте, к жизни, ненавистью ко лжи, злу, безобразию, презрением к смерти. Тело же человека ничем иным не должно обладать, как несокрушимою силою, избытком жизни, здоровья, той красоты, которая придается человеку господствующими в нем добрыми идеями, — постоянною энергиею, стремлением к деятельности, презрением к опасности, неудобствам, лишениям и боли. Преступно истязать и мучить душу человека, потому что сокрытая от наших взоров и доступная лишь для духовного воздействия, она должна царствовать над плотью и сохранять всегда сознание своей бессмертной природы. «Вы храм его есть», — а в храме не прикасаются неосторожно к освященным дарам. Тело же и может и должно подвергаться лишениям, неудобствам, боли и мукам, потому что это неизбежно в жизни, и потому что телесные лишения в известной мере полезны для его развития. Не стало ли избитой истиной, что для развития крепкого тела необходим труд, работы — в старину удел раба? Обращайтесь осторожно с душой ребенка — ибо таковых есть Царствие Божие, — а на тело его смотрите, как на дом только, в котором обитает госпожа дому: а дом этот можно переделывать, только бы не вредить ему и не разрушать его. Всякая мера, не вредная для здоровья, для нравственного роста ребенка, позволительна, ибо она приносит пользу и телу, так сказать, закаляя его, и, главное, духу, который приучается сознавать свое господство над телом.

Ибо не в этом ли и состоит часто беда нашей жизни, что либо тело становится господином души и все наши способности обращены на удовлетворение жизненных потребностей, или, наоборот, дух повелительно действует на слабое тело, преждевременно умерщвляет его. И вот мы видим людей, живущих одними материальными интересами, или людей, до того поглощенных идеями, что о теле им уже недостает времени заботиться, и оно увядает, увлекая в своем падении надменную и заносчивую душу. И так — отдайте всякому свое, и ко всему в ребенке отнеситесь так, как полезно для души его и для его тела.

* * *

<...> Везде три рода воспитания являют три рода людей: или евреев, или римлян, ли христиан по духу. Если и бывают исключения, и очень малочисленные, то и они могут быть удовлетворительно объяснены с нашей точки зрения. <...> Присущая языческим религиям безнравственность составляет, по всей вероятности, наиболее распространенное в мире нравственное явление. Если мы отбросим в сторону низшие, грубейшие проявления человеческого духа, подавленного неотразимым величием природы, и обратимся к рассмотрению наивысших черт языческого миросозерцания, насколько оно выразилось в религии и нравах классических народов и в их влиянии на поздние поколения, — мы увидим, что пробужденное самосознание очень высоко ставит и в мире вещей, и в мире духа человеческую личность. Антропоморфизм пластичнейших из мифических религий, бессмертная скульптура, эпопеи о героях и богославных людях, атлетические игры и заботы о физическом развитии, республиканский строй классической жизни — и преобладание личного влияния, — в виде ли нравственного видения оратора, в виде ли высшей власти тирана и императора, — и наконец, в позднейшую эпоху возрождение гуманизма, стремление воскресить навеки умершее, вернуть невозвратное — все это явления одного порядка. В них выразились два, столь повидимому не сродные и столько сродные по существу явления: гуманизм и безнравственность, или, вернее, отсутствие прочно

обоснованных нравственных мотивов. Это тот гуманизм, который внушал людям высокие подвиги самоотвержения и отваги во имя личного достоинства, прививал им столь необходимые в гражданском сожительстве качества, основанные на уважении к себе и к другому человеку; но это вместе с тем и безнравственность, которая не умеет найти для своих действий мотивов настолько высоких, чтобы они не лежали уже в личности, а исходили бы из истин вечных и непоколебимых. Это — эпоха <юношества>, чувств, порыва, первоначальной полудетской заносчивой гордости. На этом гуманизме, столь часто и столь необдуманно прославляемом, основаны все те нравственные и воспитательные системы, которые кажутся так современны, которые одеты в такую блестящую одежду самых либеральных фраз и воззрений и которые своим краеугольным камнем ставят высокое начало уважения к человеческой личности. Но, будучи порождением явлений низшего порядка, гуманные системы, при всем кажущемся блеске, не возвышаются над уровнем тех низменных долин, из которых возникли. Уважение к личности остается внешним, направляется к мелочам и к условному и не приходит в уважение к бессмертному и недостаточно постигаемому гуманизмом духу. Под влиянием этого направления, облагороженного и возвышенного работою столетий, развились многие благородные личности, одушевленные наилучшими стремлениями, но зачастую лишенные энергии для борьбы. Это были те либеральные люди, которым судьба отпустила большой запас благодушия и голубиной кротости, но совершенно лишила змеиной мудрости. В век Несторов и Ахиллов их разглагольствования были бы понятны и поучительны толпе, еще слишком тупой на понимание. Но наш практический век уже давно понял, что ад вымощен добрыми намерениями, и что люди только благодушные могут быть, да и то не всегда, только материалами и орудиями в руках реформы и реакции.

В резкой противоположности в торжествующем мире язычества жило замкнутою жизнью иудейство. Вера в истинного Бога, под влиянием исторических судеб и провиденциальной необходимости, принимала характер религии не только догматической, но и моральной, а нравственность иудея под тем же влиянием становилась суровой до жестокости. Нравственный закон, данный в повелительной форме Божьих заповедей и пророческих велений, принял строгую, неумолимо-логическую определенность. Вместо языческой распущенности — здесь нам встречается крайняя последовательность и строгость. Личность человека, прогневавшего Бога первородным грехом, неизвестным язычнику, принижалась донельзя. Проступки и преступления стали грехами и требовали суровой кары. Кара эта налагалась не во имя человеческой безопасности или политического благоустройства, как у язычника, но во имя непреложного закона, в котором под конкретною формою Божьей заповеди заключалось абсолютное начало справедливости. — Начало, выраженное столь повелительно, столь абстрактное и в то же время столь доступное человеческому разуму, начинающему развиваться хотя бы немного выше языческого самосознания и самоуважения, не могло не разлиться и за тесные рамки иудейской общины. Вряд ли даже мы ошибемся, если скажем, что начало это могло возникнуть к жизни в том и другом месте самостоятельно, из основных свойств человеческого духа: ибо, сознав себя и обособив свою личность, человек неизбежно стремится к обоснованию всего мироустройства, и не может не встретиться на этом пути с идеями справедливости и необходимости. И действительно, холодная рассудочность еврейской морали не остается исключительною принадлежностью одного народа. В этом народе она только ярче выражается, чем в других. Принцип «пусть гибнет мир, лишь бы восторжествовала справедливость», порожден тем же духом неуклонной справедливости, стремящейся к возмездию и воздаянию прежде всего, и старающейся каждому деянию подставить, как неизбежное следствие, награду или кару. Жестокие казни во имя закона, костры инквизиции, суровая последовательность старых педагогов — все это явления, проникнутые духом еврейской нравственности.

Но иудейство, как и гуманизм, безвозвратно отжило свой век. Печальная их дряхлость, какие бы личины на себя не надевала, давно лишена того согревающего огня, которым дышат иные, вечно юные идеи. Христианство, после двухтысячелетней борьбы с мраком людского зверства, со срамом языческих вакханалий, с жестокостью холодного разума, сделавшего святые скрижали орудиями темной силы, — все сильнее разливает в массы свой вечно яркий свет. Оно еще остается религией будущего, и оно юношески сильно. Оно еще не царствует в мире, — потому что и христиане часто евреи или язычники по духу, но оно, силой судеб, будет царствовать, и только его идеям принадлежит право на жизнь. Нравственность, основанная на христианстве, впервые открыла человеку принципы, неизмеримо высшие прежних. Оно указало человеку необходимость совершенствования в духе Добра, Любви, Истины, Красоты, — и эти вечные начала слило в одном существе Бога, к которому стремимся.

История и жизнь указывают очень мало людей, к которым, по строгом разборе их жизни, можно было бы вполне достойно приложить название христиан, и из тех учений, которые именуются христианскими, немного найдется таких, которые были бы проникнуты духом истины христианства. Но педагогика должна основываться на христианстве, и педагог должен понять его очень хорошо. — Унижена ли в христианстве человеческая личность? — Нет, но и не возвышена безмерно. Человек не сделался Богом, но Бог снизошел на землю и стал человеком в целях искупления. Искупленный кровью Христа, человек стал причастником Божества своим безмерным духом. Дух превознесен и прославлен. Но плоть стала не более как оболочкою, а не господином Духа, Храмом Бога, но не Богом. Плоть была унижена, жила в бедности и послушании, подвергалась ударам бичевания, терпела крестные муки, — и в этой обстановке сиял <бессмертно>и спасательный свет Духа. И с тех пор, как Христос терпел бичевания, перенесение ударов перестало быть само по себе позором, и стало орудием мучения и духовного подвига. И с тех пор, как Христос умер,

смерть перестала сама по себе быть страшною и стала венцом подвижнической жизни. И с тех пор, как босые ноги Христа попирали землю, бедность перестала быть постыдною сама по себе. Ибо плоть не может ничтоже, — и вся сила, жизнь и свет в Духе.

* * *

<...> Таким образом, наказание розгой является сильным наказанием, хотя мы далеки от мысли, что оно должно быть назначаемо только в исключительных случаях. Здоровый, сильный и резвый мальчик ничего не потеряет, если его высекут за сравнительно малую вину. <...> В таком виде, как мы его понимаем, наказание розгой полезно ребенку, как средство физического развития. Полезно, если ребенок привыкнет к мужественному перенесению лишений. Полезно, если ребенок, наказанный розгой, не плачет целый день, а сейчас же утешится. Полезно, если ребенок во время наказания не плачет и не кричит, а после наказания не вешает носа, но остается бодрым и бойким. Привычка не смотреть на физическую боль как на несчастье, будет для всякого ребенка, который может ее приобрести, большим благодеянием. Если по духу человек должен быть христианин, то по плоти ему всего полезнее быть спартанцем.

Приведу из своей жизни пример: когда я был 19 — 22 лет, учителем в Кр<естцах>, а следующие 3 года в В<еликих> Л<уках>, я стоял очень близко к ученикам, может быть потому, что и со мною обходились строго и сурово, и мне даже в школу на уроки приходилось ходить босиком. Я частенько играл с ними на улице в бабки, а бывало и хуже: осенью мои друзья-ученики подбивали меня забираться в чужие сады воровать яблоки. Часто это сходило с рук, но если хозяева ловили воришек, их на месте больно секли. Попадался иногда и я, и каждый раз меня тут же без стеснения наказывали розгами. В В<еликих> Л<уках> однажды ночью забрались мы втроем в сад одного зажиточного мещанина Г-ого, но попались.

Двоих мальчишек схватили, схватили и меня, но задержавший меня оказался слабым мальчиком, я оттолкнул его и убежал, а он ударился головой о дерево и закричал от боли. В следующие дни мне было очень не по себе, совесть меня мучила, что я ушиб мальчика. Мать заметила мое подавленное настроение, стала расспрашивать. Я отнекивался, но мать погрозила наказанием, и пришлось признаться. Тогда мать немедленно повела меня к Г-му, как я был дома, босиком, только шапку дала надеть. У Г-ого меня отвели в сад и отсчитали сотню сильных ударов розгами. Как ни больно и ни стыдно было, но на душе у меня стало спокойно: провинился, да зато и поплатился. <...>

Я отвергаю все остальные виды телесных наказаний: стояние в углу, удары, лишение пищи, заключение и т.д. Если все это и может быть применяемо, то с большою осторожностью, так как все это скорее вредно, чем полезно. И в самом деле — перенесение боли есть акт положительный, а голод и лишение движения — это только лишение, сопровождаемое упадком энергии.

* * *

<...> Остается остановиться несколько на тех возражениях, которые делались против телесных наказаний врагами их. В свое время на это было потрачено немало ума и таланта. Обличительное направление русской литературы не могло не коснуться позорных злоупотреблений телесными наказаниями. Мощное движение общественного мнения присоединилось к голосу прессы. Достаточно указать хотя бы на имена Пирогова и Добролюбова, чтобы припомнить, какие авторитетные голоса раздались против этого вида наказаний. Однако, отбросив в сторону обличительное остроумие и либеральный пафос, какие мысли встречаем мы во всех этих возражениях? По мнению некоторых, в основе телесных наказаний лежат два мотива: стыд и страх. <...> Постыдно поступать худо, но не постыдно нести следствие своей вины. И если ребенок больше стыдится наказания, чем вины, то это значит, что в нем силен так называемый ложный стыд, одно из наивреднейших явлений нравственного мира, к искоренению которого педагог должен непременно прилагать свои старания. Наше современное общество отличается, к сожалению, тем, что наряду с полнейшим бесчувствием стыда перед злом и пороком, мы стыдимся мелочных нарушений условного. Бесцельно убиваемые дни тяготят нас менее, чем недостаток свежей и изящной одежды. И если средство, направленное к пристыжению, уничтожает стыд, то и тем лучше, потому что это стыд ложный, а не истинный стыд дурного поступка. Привычка к наказанию делает его не постыдным для них, — они чувствуют боль нравственного чувства, сознание проступка остается в стороне, незаглушенным и неоскверненным, если не коснулись его разлагающие элементы.

Второй мотив — «страх боли и истязаний». Но и самый страх притупляется. «Понадобится его усиливать». Совсем не понадобится, ибо не на страхе основано употребление розги. «Неужели нужно совесть ребенка поставить в зависимость от розги?» Нет, потому что нужно, наоборот, розгу поставить в зависимость от совести ребенка. «Если он хотя на минуту убедится, что его проступки могут остаться незамеченными, — как вы думаете, воспользуется ли он своею мнимою свободою?» Может быть, и воспользуется, если неразумный воспитатель ставил его совесть, по дикому выражению знаменитого хирурга, в зависимость от розги, что, полагаю, едва ли кто где делал*.

Но если совесть в нем пробуждена, то не воспользуется. Докажете ли, что розга препятствует развитию ребенка? И каждый раз, как ребенка прибьют, он становится бессовестнее? Едва ли. Только полнейшая оторванность от жизни может позволить приводить в защиту своей мысли всякие аргументы, почерпнутые из размышлений. Автор «Темного цар-

* Вообще, в литературе 60-х годов нам немало встречается довольно бессодержательного зубоскальства, которое одним из ярких представителей радикальнейших взглядов было заклеймено названием цветов невинного юмора. Насмешка, оружие очень сильное, но становится жаль усилий, истраченных на стрельбу мимо цели.

ства» имел основание смотреть на общество, как на собрание тиранов и жертв. Но мы уже можем довериться здравому смыслу народа, который употреблял розгу не иначе, как с добрыми намерениями и с чистым сердцем. Розга сама по себе вовсе не так могущественна.

Если в нем развиты стыд и страх, то и тогда не прельстит его мнимая свобода. Если он чувствует стыд быть наказанным, то ему тяжело будет делать то, за что он подвергался стыду. Если он боится ударов и боли, то он остережется проступка из страха обнаружения. Важная ошибка заключается в том, что наказание является мотивом последующих действий ребенка, чего, на самом деле, почти никогда не бывает.

Конечно, наказание, как всякий другой случай в жизни ребенка, не остается без влияния на его действия, но поступки ребенка часто вызываются причинами, действующими непосредственно, перед которыми бледнеют воспоминания и угрожающие ожидания. Только дрянная и слабая натура удерживается от проступка страхом наказания. Сильная и энергичная натура предпочтет исполнение своей воли избежанию неприятных последствий своеволия. Лишь твердо укрепившиеся привычки и нравственные мотивы могут сдержать маленького человека. Страх наказаний сдерживает лишь того, кто их не испытывал. Чрезмерно гуманное воспитание потворствует преобладанию чувственных побуждений — потому что слабое и изнеженное тело является господином души почти всегда, тогда как сурово воспитанное, крепкое и закаленное тело более склонно служить и подчиняться духу. Ведь и дух не иначе может проявиться, как через тело, и наивысшие подвиги человеческой любви чаще всего совершались посредством отдания своего тела на муки того или другого рода: истязания, казни, холод, голод, нищета и т.д. Воспитание стремится не к тому только, чтобы развить в человеке духовную жизнь, но и к тому, чтобы сделать его тело послушным слугою духа. <...>

«Тел<есные> наказания унижают и оскорбляют человеческую личность питомца». Не думаем. Унижает лишь проступок, оскорбляет несправедливость. Перенесение наказания возвышает униженный дух. Ни в каком наказании не содержится оскорбления, если наказание справедливо. «Принижают самосознание». Нет, возвышают его. Принижено ли было самосознание Лютера, Байрона, Помяловского и др.? Не скажем, чтобы наказания способствовали развитию их самосознания. Но зачем говорить о том, что противоречит фактам. В грубом просторечьи это называется болтовней. «Поселяют ненависть к наказывающим». Да, если наказывающий зол. Но он тогда заслуживает ненависти, хотя бы и не наказывал. Разве дети не способны любить строгих отцов? Скажут — это редко. Ответим — редки и благоразумные родители. «Развивается ложь, скрытность, лицемерие и обманы». Лгать, чтобы избегнуть наказания, будет лишь тот, кто боится наказания больше лжи. Но ребенок легко усваивает мысль, что розги перенести сравнительно легко, а быть лжецом — непозволительно. Как вздумает ребенок лгать, если он не встречает лжецов и обманщиков иначе, как в людях, достойных презрения? Никогда ребенок не захочет сделаться презренным и подлым, если только в его нравственный лексикон занесен смысл этих презренных наименований.

«Вредны для физического здоровья» — при известных условиях. Но их не следует применять так, чтобы они были вредны. Не говоря о детях болезненных. Для сильных детей они вредны в двух случаях: когда слишком слабы, и когда чрезмерно сильны. В других случаях, т.е. когда наказание причиняет сильное, но не чрезмерное страдание, здоровому ребенку оно приносит лишь пользу, повышая жизненную энергию жизненных отправлений его тела.

«Унизительны для самого воспитателя», — были бы безусловно, если бы были вредны или не нужны. Но все, нужное или полезное для ребенка, не может унижать воспитателя. Разве мать унизит себя, если оденет и разденет и уложит спать маленького или больного ребенка?

Таким образом, мы видим, что возражения против телесных наказаний основываются на ложном взгляде на них, как на акт грубого насилия, стоящий в противоречии с высокою целью воспитания. При внимательном разборе эти возражения оказываются смешанными с цветами невинного юмора и украшенными хлесткими подогретыми фразами, на которые в свое время и спрос и предложение были очень сильны. К тому же возражатели отделывались общими фразами и, самое большее, односторонними наблюдениями и не вглядывались не только в жизнь (что не всякому доступно: надо иметь сильный ум, чтобы разбираться в путанице житейских отношений), но даже и в те готовые выводы, которые в таком изобилии давали наши поэты и романтики.

Понимаемые правильно, поставленные в связь с другими воспитательными мерами и освященные ясным сознанием того, какие цели ими достигаются, телесные наказания являются не только важными, но и необходимыми в ходе воспитания. Мы позволим себе сравнение, немного грубое, на которое решаемся только в ясном сознании правоты своих мыслей, и которое приводим лишь для иллюстрации нашего взгляда на предмет — отнюдь не для каких-либо выводов. Как крест — орудие казни, презренное и ужасное, сделался символом искупления, перестал быть уделом разбойников и убийц и должен быть каждым возложен на свои плечи, — так и розга, орудие утешения и произвола, возбуждавшее стыд и страх в трепетных учениках старых школ, должна сделаться символом свободы духа и воли, символом той высокой мысли, что только в пучине страданий и испытаний очищается тоскующий по своим несовершенствам дух каждого человека. Первобытный человек трепетал и падал ниц перед тем, чего боялся. Разумный человек должен возвыситься над чувственными побуждениями и победить их. Аскетизм видел победу духа в умерщвлении плоти. Современность, требующая силы и энергии, полную победу духа ставит в зависимость с силою и выносливостью тела. Недостаточно быть сильным, чтобы идти вперед: надо быть сильным и для того, чтобы выносить удары судьбы, напор враждебных обстоятельств. Мы сказали бы, что древние спартанцы нравятся нам более, чем изнеженные римляне времен падения империи. Но,

к несчастью, мы должны сказать, что таких, как первые, у нас нет, хотя они нужны, а таких, как последние у нас много.

* * *

В некоторых заграничных школах детей секут, а у нас розга (в принципе, по крайней мере) считается средством предосудительным и унизительным. Если мы вспомним, как много пользы принесло нам подражание заветной загранице, как много мы от нее заимствовали, и учреждений и лиц, перед которыми привыкли преклоняться, если вспомним, какого рода утонченною деликатностью по отношению к этой милой загранице отличается наша вполне светская дипломатия — то нам придется удивляться, почему мы и в этом отношении не вздумаем подражать иным достопочтенным соседям. Старая розга, с позором осмеянная у нас лет 20 тому назад, с тех пор признанная негодною, — ведь она была обломком старины, которую мы тогда безжалостно ломали. Это было русское учреждение — не потому ли оно и провалилось так торжественно? Но что же мы видим? Розга выводится из употребления, — и параллельно с этим слабеют и шатаются семейные и иные основы. Довольствуясь тою великолепною логикой, которая отличает благонамеренные суждения наших благочестивых публицистов, не в праве ли мы утверждать, что семейные основы расшатаны полным легкомысленным отношением к розгам и другим важным вещам, о которых мы уже успели составить превратное понятие? Да, мы видим, что слабеет без розог родительская власть, да и одна ли родительская? И мы убеждены, что теперь своевременнее всего озаботиться пересадкой на нашу почву немецкой розги, да и всего того, чем крепка прусская казарма и русская каторга, чем прежде была крепка и русская семья. Мы надеемся, что люди, которые возвысят теперь голос в защиту розги, будут иметь успех в своей пропаганде. В другое время и мы не стали бы защищать розочную расправу, как предмет, презираемый обществом. Но теперь нам нет дела до безотчетных антипатий общества. Оно гибнет, и нужно ему помочь, хотя бы розгами. Мы пробовали много паллиативных лекарств — они не помогали. Следует прибегнуть к средствам сильным и энергичным, а из таких средств что может быть проще порки? Мы не можем требовать от родителей, чтобы они обладали высоким развитием, которое дало бы им возможность без розог поддерживать свой авторитет, у нас нет денег даже на простую грамотность большинства жителей. Мы должны поощрять их пользоваться тем единственным средством нравственного влияния, которое еще у них остается. Чтобы пороть детей, кому ума недоставало?

В некоторых заграничных школах детей секут. Посекают кое-где и у нас, а уж в домашнем-то воспитании розга попадается и в интеллигентных семьях. Педагоги-практики особенно любят розгу. Но нельзя не заметить, что большинство лучших авторитетов в области современной педагогики решительно отвергают возможность пользоваться розгою как педагогическим средством. На стороне противников розочной расправы есть аргументы столь веские, что с ними не может не согласиться всякий добросовестный человек. Но если мы не выйдем из несколько тесного круга этой разумной аргументации, мы не в силах будем обсуждать вопрос как следует. Конечно, аргументы эти справедливы. Пишущий эти строки вполне уверен в их неотразимой убедительности. Но настоящая статья именно и пишется с тою целью, чтобы доказать то, что так упорно отвергается лучшими педагогами. Да, мы считаем розгу необходимостью воспитателя. Мы думаем, что детей надо часто и больно сечь и подвергать телесным наказаниям. Мы утверждаем, наконец, без сомнения, что розга, несравненно лучше и выше тех практических безобразий, которые творятся в наших школах. Не нужно сечь ученика за леность: у учителя есть много средств, чтобы заставить его учиться и без побоев. И если мы за леность не станем сечь ученика, то у нас устранится один из аргументов, которые направлены против розги: они, мол, населяют в учениках отвращение к науке. Конечно же, такая вещь может быть достигнута и без розог, а с другой стороны — ученые средних веков подвергались же телесным наказаниям. Но мы готовы согласиться, что этот аргумент справедлив и мы устраняем его, воспрещая розги в этом случае. Нужно, чтобы ребенок любил школу. Для <э>того нужно, чтобы в школе, при всей привлекательности толкового преподавания, не было ничего такого, что ребенок встречал лишь в школе и что ему неприятно. Нужно, чтобы ребенка везде секли — и в семье, и в школе, и на улице, и в гостях. Дома их должны пороть родители, старшие братья и сестры, старшие родственники, няньки, гувернеры и гувернантки, домашние учителя и даже гости. В школах его пусть дерут учителя, священник, школьное начальство, сторожа, товарищи и старшие и младшие. <...> На улицах надо снабдить розгами городовых: они тогда не будут без дела.

Книга из библиотеки Н.А.Бердяева

В фондах Отдела рукописей ЦНБ АН Украины хранится рад материалов, поступивших в библиотеку в период ее становления (1918-1920 гг.) Пути поступления некоторой части эти материалов в точности не установлены и являются объектом разного рода гипотез. К таким материалам относится и книга Л.Н.Толстого «В чем моя вера?» (с печатью Киевского губернского жандармского управления)[1]. Это — переписанная от руки в конце XIX века известная работа Л.Н.Толстого, во многих экземплярах ходившая тогда по России. Обычная «нелегальная» литература. Обычная, если бы не надпись на титульном листе:

Николая Бердяева
Прот. 28 марта 98 г.
п.33
По описи №36

Как известно из автобиографии Н.А.Бердяева, он был арестован в ночь на 12 марта 1898 г. «по первому в России большому социал-демократическому делу и исключен из университета. Арестовано было около 150 человек»[2]. При аресте у Бердяева было изъято «большое количество нелегальной литературы»[3]. Точное количество изъятых при обыске книг пока не установлено, но книга Л.Н.Толстого была тридцать шестой. Тогда же она и попала в библиотеку Киевского жандармского управления.

Бердяевский список известной статьи Толстого отличается от аналогичных списков. Как правило, они написаны начисто, полностью одним ровным писарским почерком. Бердяевский же список написан тремя разными почерками, причем один из них явно не писарский. Более того, владелец почерка, которым написана первая часть работы, делал на полях заметки, представляющие собой дополнения к статье Л.Н.Толстого, взятые из какой-то другой ее редакции. Поля изобилуют стертыми местами, исправлениями (конечно же, писарь делать бы этого не стал). Описываемая книга содержит в себе 479 страниц рукописного текста с загнутыми краями, свидетельствующими о тщательном ее прочтении. Нельзя в точности утверждать, что один из почерков, которым переписана эта книга, принадлежал Н.А.Бердяеву, однако, само наличие этой книги в его библиотеке представляет несомненный интерес.

1. ОР ЦНБ АН Украины, ф.1, №843.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С.120.
3. Емельянов Б.В., Новиков А.И. Николай Бердяев о России и русской философии // Н.А.Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч.1. С.4.

С.В.Шурляков

«Лига русской культуры» в Москве (1917)

Массовое полевение русской интеллигенции в феврале-марте 1917 г., породившее особую ее разновидность под именем «мартовские эсеры», вызвало к жизни и попытки консолидации праволиберальной, националистической и экс-монархической ее частей. В условиях, когда именем революции клялись не только журналисты, но и генералы, чисто политическая контрреволюционность принимала формы культурнической, идейно-философской борьбы за государство. И в водоворот свой увлекала традиционно малоангажированных политически общественных деятелей.

Неудачным примером культурнического объединения не-революционной и не-социалистической интеллигенции служила недолговечная история «Лиги русской культуры», инициированной в Петербурге и, в конце концов, организационно добравшейся до Москвы[1].

Первое упоминание о замысле организации Лиги относится к 27 апреля 1917 г., когда в выходившем а приложении к журналу «Русская мысль» еженедельнике «Русская свобода» П.Б.Струве сообщил о намерении сотрудников еженедельника разработать форму «особого беспартийного объединения, преследующего национально-культурные задачи»[2]. Соиздателями Струве по «Русской свободе» были известные политики Н.Н.Львов и В.А.Маклаков, а среди ближайших сотрудников назывались в основном московские философы и публицисты: В.В.Шульгин, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.И.Новгородцев, А.С.Изгоев, Е.Н.Трубецкой и др. Два месяца спустя стало известно об учреждении ЛРК. Обращения, принятые учредителями ЛРК, «К русским гражданам» и «К русской молодежи» по стилю, безусловно, принадлежали к наихудшим образцам струвианской демагогии: «Задача этой лиги — начать в освобожденной России... созидательную работу укрепления русской культуры и государственности в их неподдельной благородно-национальной форме. <...> Патриотически любите и дерзновенно отстаивайте национальный лик родной культуры»[3]. Устав ЛРК явно ориентировался на опыт прежнего Вольного Экономического Общества: избирались ее действительные члены и члены-сотрудники, Совет, Председатель, два его Товарища, секретарь и казначей. Там же в провинции, где обреталось более десяти членов ЛРК, открывались ее местные отделы.

7 июня 1917 г. на учредительном собрании в редакции журнала «Русская мысль» (там же прошло

De Visu. 1993. №9(10).
© С.В.Шурляков; М.А.Колеров; М.В.Безродный.

подготовительное собрание 29 мая) составившими ЛРК были объявлен М.В.Родзянко, еп. Андрей (Уфимский), А.В.Карташев, П.Б.Струве, В.А.Маклаков, Н.В.Савич, С.Ф.Ольденбург, С.Ф.Платонов, С.Л.Франк, С.А.Котляревский, А.С.Изгоев, Н.Н.Львов. Позже к ним причислили и В.В.Шульгина[4]. Во Временный комитет ЛРК вошли Родзянко, Карташев, Шульгин, Савич и Струве. Сугубо политический дух ЛРК подчеркивал и персональный состав учредителей, и их актуальные государственные посты: председатель Государственной думы, два министра Временного правительства. Не случайно, что костяк учредителей во главе с Родзянко принял активнейшее участие в Московском совещании общественных деятелей в августе 1917 г. И впоследствии, когда неудача корниловского выступления открыла тотальную травлю содействовавшей ему кадетской партии, ЛРК все более превращалась в дополнительную, резервную опору кадетов в обществе.

Летом 1917 г. в редакции «Русской мысли» для ЛРК «были назначены приемные часы для желающих вступить в ее члены... В приемной толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу, и получалось много письменных заявлений... П.Б. <Струве> сам шутя говорил, что Лига русской культуры есть в иностранных словах выраженное понятие Союза Русского Народа»[6].

Правый партийный дух ЛРК хорошо проявился в известном эпизоде с приглашением А.А.Блока в ее члены, когда поэт поставил условием своего вступления приглашение в ЛРК М.Горького. 29 июля 1917 г. Струве просил Блока вступить в ЛРК и одновременно «принять участие в первом ее публичном собрании, выступив с Вашим словом о задачах культуры в связи с грозными событиями, переживаемыми Россией»[7]. 2 августа, радуясь согласию Блока на участие в ЛРК, Струве отмечал: «Что касается Горького, то церковь, если бы он ее признавал, должна была бы призвать его к покаянию, как она это делала в былое время с великими мира сего. Наше же скромное сообщество людей, для которых культура и нация неразрывны, может либо про себя либо публично оплакать то ужасное явление духовного разложения, каким представляется Горький-публицист»[8].

Тем не менее, история создания московского отдела ЛРК отчасти демонстрирует противоположные примеры духовной солидарности художественно-общественной элиты с политическими активистами. При учреждении ЛРК 7 июня присутствовали в качестве представителей Москвы Булгаков, Бердяев и гр. В.Н.Бобринская.

Выведенные августовскими событиями 1917 г. за пределы Демократического совещания, в сентябре петербургские активисты во главе с Родзянко, Струве и Карташевым прибыли в Москву и сосредоточились на создании местного отдела ЛРК. 17 сентября возглавленное ими организационное собрание избрало Временный комитет в составе Бердяева, Булгакова, А.А.Евдокимова, Вяч. Иванова и Новгородцева[9]. Видимо, по результатам собрания и был составлен публикуемый ниже список личного состава ЛРК в Москве (сохранился в фонде Вяч. Иванова в РГБ). В значительной своей части он повторял перечисленные в газетном сообщении фамилии участников собрания 17 сентября. Но оригинальная его часть содержала заметное число новых имен, придающее ему дополнительную ценность и позволяющее предположить, что круг учредителей московского отдела расширился после 17 сентября. В противоположность сложившемуся образу ЛРК — расширение это произошло за счет довольно нейтральной, «художественной» среды.

Если дополнительное внесение в число участников еп. Андрея, Котляревского, Львова, Е.Н.Трубецкого лишь подтверждало их былое участие в ЛРК, то появление среди них известного своими левыми политическими пристрастиями Г.И.Чулкова может быть объяснено только влиянием Бердяева, близко стоявшего к еженедельнику «Народоправство». Что же касается К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко, то их вступление в ЛРК заставляет задуматься гораздо более над спецификой московской партийности, нежели над их личной позицией. К счастью, обещанные в Уставе ЛРК национально-культурные лекции, экскурсии и институции остались на бумаге и не обязали ни одного из поспешных участников к практическому подтверждению своего статуса. Лишь сплоченное ядро ЛРК в полном почти составе весной-летом 1918 г. вошло в авторский коллектив сборника «Из глубины».

Список печатается по второму экземпляру машинописи (РГБ, ф.109, к.8, ед.хр.34, лл.10-11).

1. Политический контекст создания «Лиги русской культуры» подробно, хотя не без неизбежной тенденциозности, исследован в книге: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.), Л., 1988.

2. Струве П. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. №3. С.5.

3. Лига русской культуры // Там же. №9. С.20-21.

4. Там же. №10/11. С.30.

5. Там же. №9. С.22-23.

6. Франк С.Л. Биография П.Б.Струве. Нью-Йорк, 1956. С.116.

7. РГАЛИ, ф.55, оп.2, ед.хр.68, л.2-3.

8. Опубликовано: Дневник А.А.Блока 1917-1921 гг. Л., 1928. С.257-258. Цитирую по: РГАЛИ, ф.55, оп.2, ед.хр.68, лл.5-6.

9. Русские ведомости. 1917. 19 сентября (2 октября). №213.

Личный состав «Лиги русской культуры».
Члены-учредители:

1. Проф. Алексеев Николай Николаевич. Б.Полянка, д.44, кв.7. Тел. 4-30-85.

2. Андрей, епископ Уфимский.

3. Ануфриев Николай Петрович. Божедомка, 21.

4. Арсеньев Николай Сергеевич. Б.Садовая, д.3.

5. Бердяев Николай Александрович. Б.Власьевский, д.14.

6. Гр. Бобринская Варвара Николаевна. Трубниковский, 23. Тел. 35-64.

7. Проф. Булгаков Сергей Николаевич. Зубовский бульвар, д.15. Тел.2-04-49.

8. Белевский (Белоруссов) Алексей Станиславович. Шереметевский пер., д.3, кв.35.

9. Вавилова Екатерина Николаевна. Средняя Пресня, д.15. Тел. 63-44.

10. Вулих Елена Захаровна. Плющиха, 7-ой Ростовский пер., д.12, кв.44. Тел. 17-76.

11. Проф. Вышеславцев Борис Петрович. Обыденский пер., д.4, кв.3, Тел. 3-13-72.

12. Гречанинов Александр Тихонович. Пречистенка, 40. Тел. 4-49-29.

13. Губонин Ефим Семенович. Покровский бульвар, 16, кв.8. Тел. 63-68.

14. Протоиерей Добронравов Николай Павлович. Александровское Военное Училище, Знаменка.

15. Дороватовская Вера Сергеевна. Нижняя Пресня, д.9. Тел. 3-24-89.

16. Евдокимов Андрей Андреевич. Б.Якиманка, д.32. Тел. 1-06-87.

17. Желудков Иван Захарович. Б.Якиманка, д.32. Тел. 1-06-87.

18. Иванов Вячеслав Иванович. Зубовский бульвар, 25. Тел. 4-07-77.

19. Кириллов Иван Акимович. Землянка, Тетериный пер., д.12.

20. Котляревский Сергей Андреевич. Арбат, Никольский пер., д.13. Тел. 2-33-10.

21. Львов Николай Николаевич. Трубниковский, 4. Тел. 1-66-58.

22. Проф. Любавский Матвей Козьмич. Моховая, 9.

23. Морозова Маргарита Кирилловна. Мертвый пер., 9. Тел. 20-84.

24. Немирович-Данченко Владимир Иванович. Б.Никитская, уг.Скарятинского пер., 50. Тел. 89-43.

25. Проф. Новгородцев Павел Иванович. Зубовский бульвар, 15. Тел. 1-37-43.

26. Рачинский Григорий Алексеевич. Кудринская-Садовая, д.Найденовой. Тел. 2-86-56.

27. Станиславский Константин Сергеевич. Каретный ряд, д.Маркова.

28. Кн. Трубецкой Николай Сергеевич. Поварская, 18. Тел. 5-05-92.

29. Кн. Трубецкой Евгений Николаевич. Новинский бульвар, 111. Тел. 1-34-99.

30. Турбин Владимир Михайлович. 2-ой Неопалимовский пер., д.4, кв.2. Тел. 2-79-49.

31. Проф. Челпанов Георгий Иванович. б.Чернышовский пер., д.9, кв.3. Тел. 2-12-26.

32. Чулков Георгий Иванович. Смоленский бульвар, д.8. Тел. 4-27-29.

33. Проф. Яковлев Алексей Иванович. Волхонка, 11/15. Тел. 4-15-77.

Личный состав Временного комитета «Лиги русской культуры»:

Председатель: Бердяев Николай Александрович.

Тов.Председателя: Булгаков Сергей Николаевич.

Члены Комитета: проф. Павел Иванович Новгородцев, Вячеслав Иванович Иванов, Андрей Андреевич Евдокимов.

Казначей: Маргарита Кирилловна Морозова.

Секретарь: Вера Сергеевна Дороватовская.

М.А.Колеров

К истории издания «Алфавита декабристов»

В 1988 г. в московском отделении издательства «Наука» увидел свет биографический справочник «Декабристы», в основу которого был положен знаменитый «Алфавит декабристов», подготовленный Б.Л.Модзалевским и А.А.Сиверсом и выпущенный в 1925 г. Госиздатом. Издание «Науки» сопровождается обстоятельной статьей С.В.Мироненко, в которой, в частности, предпринимается попытка восстановить «догосиздатскую» историю «Алфавита...» С этой целью исследователь обратился к материалам архивов Модзалевского (ИРЛИ, ф.184) и Сиверса (ЦГИА, ф.720)[1], однако, имеющейся в них информации оказалось недостаточно для воссоздания целостной картины; «пустоты» же пришлось заполнять предположениями, не всегда, к сожалению, верными. Более детальное, хотя тоже далеко не полное представление об издательской истории «Алфавита...» дают материалы архива петербургско-петроградского книгоиздательства «Огни» (1909-1923) в ИРЛИ (ф.212).

Решение о подготовке к печати хранившейся в Государственном архиве рукописи «Алфавит членам историко-бывших злоумышленных тайных обществ...» было принято 15 апреля 1917 г. на заседании историко-литературной комиссии издательства «Огни» (ИРЛИ, ф.212, ед.хр. 177)[2], в то время паевого товарищества[3]. Подготовка издания была поручена Б.Л.Модзалевскому и А.А.Сиверсу, пайщикам товарищества и сотрудникам издательства (под редакцией и с примечаниями Модзалевского в 1914 г. вышли «Воспоминания о былом» Е.А.Сабанеевой, он явился также соредактором изданного в 1916 г. первого выпуска альманаха «Огни: История. Литература» и выпущенной в 1918 г. первой части первого тома «Архива декабриста» кн. С.Г.Волконского; Сиверс был соредактором упомянутого альманаха и возглавлял историческую и историко-литературную комиссию «Огней»).

Уже в мае 1917 г. «Алфавит...» числится среди рукописей, сданных в печать, в сентябре идет в гранках (ед.хр.175, л.12 об., 33), а к 8 ноября шесть его листов (примерно пятая часть общего объема) были подписаны к печати (ед.хр.179, л.5). Однако в следующем — 1918-м г. издательство сталкивается со все возрастающими затруднениями, которые приводят сначала к заметному сокращению, а в 1919 г. к резкому падению объема выпускаемой продукции. В справке, поданной «Огнями» в отдел печати, агитации и пропаганды Петросовета в мае 1919 г., «Алфавит...» упоминался в числе изданий, находящихся в производстве, причем сообщалось, что печатается последний его лист (ед.хр.167, л.95). Он, однако, не был допечатан еще и в апреле 1920 г. (ед.хр.179, л.83).

На протяжении 1920-1922 гг. «Огни» предпринимают отчаянные усилия по изысканию бумаги и завершению печатания «Алфавита...»[4], преодолевая немыслимые в прежние времена препятствия — вроде необходимости восстанавливать утраченные в типографии уже готовые части издания. С начала 1922 г. А.С.Каган, член правления и фактический руко-

водитель издательскими делами «Огней» в последние годы, постоянно докладывает правлению и совету о плачевном положении издательства (ед.хр. 179, л.111, 117 об.; ед.хр. 181, л.124; и др.)

Осенью 1922 г. Каган был арестован, а по освобождении в ноябре эмигрировал. На его должность заступил И.А.Кубасов, который в начале декабря составил записку о состоянии дел «Огней» и возможных перспективах возрождения издательства. По данным Кубасова, «Огни» в это время располагали ранее выпущенными изданиями на сумму около 20 миллиардов руб. (по курсу дня), однако от их реализации до 1 января 1923 г. ожидалось получить не более 400 тысяч руб., чего едва ли хватило бы на расчет с типографией за издания, находившиеся в печати (в том числе за «Алфавит...»). «В кассе изд-ства в настоящую минуту никаких денег нет», — констатировал Кубасов и отмечал, что от продажи старых и готовящихся к выходу в свет книг «Огни» не получат той суммы, которая необходима «не только для восстановления своей деятельности в прежнем масштабе, но и для продолжения ее в самых скромных размерах, тем более что изд-ству предстоят крупные расходы по приобретению бумаги для находящегося в печати "Алфавита декабристов"». Выход виделся Кубасову в заключении договора между «Огнями» и Академическим издательством, в соответствии с которым последнее возьмет на себя расходы по печатанию и распространению подготовленных «Огнями» книг за половинную прибыль с издания; «Огни» же изыщут бумагу. Благодаря этому альянсу, «Огни», надеялся Кубасов, «могут вновь возгореться более или менее широким и ярким пламенем» (ед.хр.179, л.124-124 об.)[5].

Иллюзорность этих надежд выявилась очень скоро. «Огням» пришлось не «возгораться», а «гасить» — долги за печатание ряда своих книг, для чего были проданы некоторые старые издания и принадлежащая издательству мебель. Выяснилось также, что находящиеся в 15-й государственной типографии (бывшей Голике и Вильборга) отпечатанные листы «Алфавита...» оказались «замакулатуренными»; наконец, когда в начале 1923 г. Кубасов приступил к перерегистрации издательства, обнаружилось, что в последние годы оно не было зарегистрировано, т.е. существовало фиктивно. Кубасов предложил Сиверсу, председателю совета, немедленно ликвидировать «Огни», однако выяснилось, что с незарегистрированным предприятием это сделать невозможно (ед.хр. 179, л.1-2 об.).

Таким образом, прежде чем ликвидировать «Огни», пришлось заняться их регистрацией — в отделе печати Петрогосиздата и Петроградском окружном отделе Главного управления по делам литературы и издательств (ед.хр.183; ед.хр.184, л.54, 59, 64), а 24 февраля 1923 г. общее собрание членов «Огней», на котором присутствовало всего семь человек[6] (в том числе Модзалевский и Сиверс), постановило просить Кубасова «ликвидировать дела по изданиям, находящимся в печати, и долги издательства» (ед.хр.182, л.40).

Что же касается «Алфавита...», то 14 февраля заведующий 15-й типографией направил в «Огни» смету на это издание, составленную Государственным трестом предприятий петроградской полиграфической промышленности «Петропечать». На набор, печатание брошюровку 1 тысячи экземпляров «Алфавита...» в 27,5 листов (из которых 10 были уже отпечатаны) требовалось 22330 руб. 3 коп. (ед.хр.184, л.14-15 об.), каковой суммой распавшиеся «Огни», разумеется, не располагали, и 27 февраля Кубасов направил в типографию ответное письмо с просьбой предложить тресту «Петропечать» взять на себя труд и расходы по выпуску «Алфавита...» в свет (ед.хр.184, л.14 об.), а 9 марта он обратился в трест с предложением издать законченный набором и версткой «Алфавит...» без указания фирмы «Огней». Тираж и цена оставлялись при этом на усмотрение треста, в пользу которого поступал бы и весь доход с издания; «в пользу же авторов, редакторов и членов б. т-ва "Огней" и в качестве компенсации за бумагу, израсходованную б. т-вом на отпечатанные листы "Алфавита декабристов", трестом отчисляется по 50 экз.» издания и выплачивается дополнительный (ввиду валютной разницы) гонорар — по 10 руб. золотом за лист (ед. хр. 182, л.37; ед.хр.114, л. 7-7 об.) За вычетом последнего пункта (о гонораре) правление треста письмом от 10 марта приняло все условия; на корректуре обложки была выправлена издательская фирма, однако «Алфавиту...» не суждено было выйти в свет под фирмой «Петропечати»: трест ликвидировали, и Кубасов передал «Алфавит...» в Госиздат[7], где издание, наконец, вышло в 1925 г. в качестве восьмого тома серии «Восстание декабристов».

1. См.: Мироненко С.В. Биографический справочник декабристов: Принципы издания // Декабристы: Биогр. справ. М., 1988. С.378-379.

2. Далее ссылки на материалы архива «Огней» даются в скобках без указания названия архивохранилища и номера фонда.

3. Вскоре товарищество было реорганизовано в акционерное общество, формально открывшее свои действия с 26 октября 1917 г. (ед.хр.189, л.1).

4. Вопрос об «Алфавите...» постоянно поднимается на заседаниях правления и совета «Огней» этих лет (ед.хр.179, л.86-88, 92, 100, 101, 108, 112, 114, 117, 123-125; ед.хр.181, л.124-128).

5. Записка Кубасова была заслушана на заседании совета «Огней» 9 декабря 1922 г.; тогда же Кубасов докладывал о невозможности приобрести бумагу (ед.хр.179, л.123).

6. Вшестеро меньше, чем по состоянию на август 1917 г.

7. Эту историю Кубасов излагал в ответе на письмо заведующего типографией им. Ивана Федорова (бывшей 15-й) от 14 сентября 1923 г., которым Кубасов извещался о намерении руководства типографией рассыпать готовый с апреля 1923 г. набор «Алфавита...» ввиду убытков от задержки большого количества шрифта и бездеятельности заказчиков (ед.хр.114, л.6-6 об., 9-9 об.).

М.В.Безродный

Т.Л.Никольская

С.М.Городецкий в Грузии (1917-1919) Материалы к библиографии

Сергей Митрофанович Городецкий (1883-1967) приехал в столицу Грузии в 1916 г.[1] в качестве корреспондента газеты «Русское слово» и члена «Союза городов», но почти сразу уехал в Турецкую Армению, в город Ван[2]. В 1917 г. он вернулся в Тбилиси и прожил там два года, развив за это время бурную деятельность: «Я работал в тамошней консерватории, где читал курс эстетики <...>. В газете "Кавказское слово" <...> я печатал статьи на темы искусства и литературы, знакомя тифлисцев с классикой русской литературы и искусства и с сокровищами кавказской и восточной поэзии. На средства А.Антоновской[3], в будущем автора романа "Великий Моурави", издавался под моей редакцией журнал "Арс", где я писал об исконных связях Кавказа с Россией»[4].

В газете «Кавказское слово» статьи С.Городецкого, охватывавшие самые различные темы, появлялись почти каждую неделю[5]. Он писал о французском влиянии в современной русской поэзии и солдатском поэте Иване Федорычеве, детском творчестве и роли христианства в крушении России, художественных выставках и текущей политике[6]. С 11 мая 1918 г. в газете была опубликована его статья «Задачи художественного журнала в Закавказье». Говоря о регионе в целом, Городецкий отмечал, что «в каждой из закавказских культур таятся сокровища, еще не исследованные, еще не обнаруженные, и каждая из них имеет право на полное свое выражение»[7]. Цель художественного журнала в Закавказье, по его мнению, состояла в изучении культурных ценностей и их обнародовании. Этот принцип он пытался проводить в журнале «Агв», первый номер которого вышел в Тбилиси в марте 1918 г.

В редакционном предисловии к новому изданию говорилось: «В смысле эстетических верований мы будем держаться основного русла нового русского и европейского искусства. Оно определилось в России журналами "Мир искусства" и "Золотое руно", заменяя лабораторную узость последних более пространным горизонтом <...>. Искусство всех народов Закавказья нам дорого одинаково <...>. Развалины Ани и фрески Зарэмы, скульптура Ахтамарского монастыря или современная школа грузинских символистов — все равным образом входит в круг нашего внимания»[8].

Программа, намеченная в редакционной статье, успешно выполнялась. В первых двух номерах журнала были опубликованы стихи Н.Бараташвили, поэтов из группы «Голубые Роги» — Т.Табидзе, П.Яшвили, В.Гаприндашвили, Г.Робакидзе, статьи Г.Робакидзе об А.Белом и грузинском модернизме. Наряду с творчеством грузинских поэтов и критиков журнал «Агв» печатал на своих страницах стихи О.Туманяна, О.Хайяма, А.Садыкова, не были обойдены вниманием и сам С.Городецкий, и издательница журнала А.Антоновская, дебютировавшая в «Агв» стихами и прозой. Кроме художественных произведений в журнале помещались и чисто научные статьи, из которых в первую очередь необходимо отметить исследование искусствоведа-медиевиста Д.Гордеева «Миниатюры грузинских лицевых рукописей Сионского древнехранилища в Тифлисе» и статью грузинского историка Е.Такайшвили «Диван абхазских царей».

Редакция журнала, располагавшаяся на центральном проспекте грузинской столицы, в помещении гостиницы «Ориант», стала своеобразным культурным очагом. При «Агв» был открыт Артистериум, который подразделялся на несколько секций. 12 апреля 1918 г. состоялось открытие Лекториума, на заседаниях которого были прочитаны доклады Г.Робакидзе «Об Андрее Белом», «О природе вдохновения», «О славянофильстве по Вячеславу Иванову и Николаю Бердяеву», доклад С.Городецкого «О символизме»[9]. Одновременно открылась выставочная секция Артистериума, в которой с 15 по 17 апреля была проведена выставка картин московских футуристов, а с 7 по 21 июля экспонировались работы Вл. Гудиашвили и А.Бажбеук-Меликова. В качестве самостоятельной работала секция «Детское творчество», устроившая, в частности, выставку детских рисунков. Существовала при Артистериуме и секция «Старый Тифлис», составлявшая анкетные листы для обследования достопримечательностей города[10].

11 апреля 1918 г. при журнале «Агв» открылся «Цех поэтов», председателем которого стал С.Городецкий. О работе «Цеха поэтов» сохранилось несколько воспоминаний, выдержанных в различной тональности. Так, армянская поэтесса Р.Погосян с восторгом отзывалась о занятиях у Городецкого: «Затаив дыхание, мы слушали нашего учителя, большого знатока стихосложения. Он обращался с поэтической речью, как укротитель, как хозяин русского языка, которым он владел в совершенстве <...>. Он говорил

De Visu. 1993. №9(10).
© Т.Л.Никольская.

о триолетах и о сонетах так образно и поэтично, что и теперь я могу слово в слово повторить эти уроки <...>. Поэтические "среды" в тифлисском "Цехе поэтов" были очень многолюдными. Кроме членов "Цеха поэтов", которых было около тридцати человек, сюда часто приходили и грузинские поэты, главным образом члены символистического литературного объединения "Голубые Роги" <...>. Бывали на наших "средах" и музыканты, и художники, и артисты...»[11]. Другой ученик Городецкого, Г.Эристов, был настроен более критично по отношению с своему метру: «Городецкий вообще любил позу, был напыщен, поверхностно болтлив и, признаться, мало симпатичен. Но надо отдать ему должное, он сумел организовать настоящую школу поэтов. На еженедельных собраниях «Цеха» все поэты читали свои произведения, каждое из которых разбиралось по косточкам и с точки зрения формальной и по содержанию. Жестокая по беспристрастности и дружеская критика несомненно приносила большую пользу, помогая поэтам расти»[12]. Сам Городецкий посвятил своему «Цеху» большую статью в газете «Кавказское слово». Он рассматривал «Цех» как продолжение петербургского: «Созданный в провинции, в пору тяжелых тревог, наперекор злобе дня, он скромно и настойчиво повел свою работу, увенчавшуюся через год выходом сборника "Акмэ"[13] <...>. Приблизительно на втором году работы определился ряд положений, который спаял наше сообщество уже как школу. Эти положения касались как технической стороны, так и миросозерцания нашего кружка, которое определилось как решительное жизнеутверждение. Были в тифлисском Цехе свои огорчения, свои расколы[14]. Обострившееся отношение к футуризму, торопливость в самоопределении иных поэтов разделили нас с товарищами, начинавшими работу вместе. Но об этом не хочется думать в день праздника»[15].

Помимо студийной работы, Городецкий выводил свой «Цех поэтов» на публику. Так, одно из заседаний «Цеха» прошло в зале тбилисской консерватории, где 14 июня 1918 г. был устроен большой вечер журнала «Ars»[16]. Другое заседание прошло в тбилисском литературно-художественном кабаре «Ладья аргонавтов»[17].

Осенью 1918 г. Городецкий поссорился с издательницей журнала А.Антоновской и вышел из состава редколлегии. Третий по счету номер «Ars» появился в 1919 г. под редакцией театрального критика и художника А.Петроковского и А.Флоренского. Основное место в журнале было отведено современной поэзии. В номер вошла также статья С.Рафаловича «Поэзия Анны Ахматовой» и статья Г.Харазова «Сон Татьяны», представляющая попытку фрейдистского анализа сна пушкинской героини. С.Городецкий встретил последний номер «Ars» резкой критикой, назвав его «сборником случайных вещей, частью даже из залежавшихся в портфеле редакции»[18].

В конце 1919 г. Городецкий уехал из Тбилиси в Баку. По одним сведениям, он был выслан из Грузии за участие в редактировании сатирического журнала «Нарт»[19], по другим — за статьи в газете «Кавказское слово»[20].

Многообразная печатная продукция С.Городецкого тбилисского периода, дающая возможность судить о его литературных и политических взглядах периода 1917-1919 г., известна далеко не полностью. В особенности это относится к его статьям, опубликованным в раритетных периодических и непериодических изданиях. Так, в библиографии Городецкого в составленном ГПБ (ныне РНБ) указателе «Русские советские писатели: Поэты» (М., 1983. Т.6.) учтены лишь его публикации в журналах «Ars», «Орион», «Русская дума», газете «Единение» и неполных комплектах газеты «Кавказское слово», хранящихся в фондах РНБ, РГБ и БАН. Предлагаю вниманию читателей некоторые дополнения к библиографии Городецкого тбилисского периода, в частности, ряд неучтенных статей, опубликованных в «Кавказском слове», на основании комплекта этой газеты, к сожалению, также неполного, хранящегося в библиотеке Тбилисского Государственного университета (к сожалению, я не имела возможности побывать в Грузии для сверки и уточнения данных, поэтому в ряде случаев пропущены номера страниц), и содержание трех номеров раритетного журнала «Ars», представляющего большой историко-культурный интерес.

1. О первом приезде С.Городецкого в Грузию в 1907 г. см.: Элизбарашвили Н. С.М.Городецкий — художественный критик // Литературная Грузия. 1978. №9. С.125.

2. См.: Погосян Р. Старейший мастер «Цеха поэтов» // Литературная Армения. 1961. №3. С.84.

3. Антоновская Анна Арнольдовна (1886-1967) — прозаик, поэт. Подробно о ее жизни в Грузии и сотрудничестве с С.Городецким см.: Черный Б. Связь времен. Тбилиси, 1974.

4. Городецкий С. Мой путь // Советские писатели: Автобиографии. М., 1959. Т.1. С.326-327. Подробнее о деятельности в Тбилиси см: Городецкий С. Литература и искусство в Закавказье // Книга и революция. 1920. №2. С.12-13; Лакоба С. «Я слышу гул твоей земли» // Литературная Грузия. 1983. №8. С.218-222.

5. Городецкий был редактором отдела литературы и искусства в газете.

6. Неполный список его статей см.: Русские советские писатели: Поэты. Биобиблиогр. указатель. М., 1983. Т.6. С.195-196.

7. Кавказское слово. 1918. 11 мая. С.2. Подробнее об этой статье см.: Элизбарашвили Н. Указ. соч. С.128.

8. Ars. 1918. №1. С.1.

9. См.: Гордеев Д. Артистериум // Ars. 1918. №2/3. С.130.

10. Там же.

11. Погосян Р. Указ. соч. С.85.

12. Эристов Г. Тифлисский «Цех поэтов» // Современник. Торонто, 1965. №5.

13. Сборник «Акмэ» вышел в 1919 г., см. о нем: Баммель Г. «Акмэ»: [Рец.] // Новый день. 1919. 29 апр.

14. Летом 1918 г. группа молодых поэтов во главе с Ю.Дегеном вышла из «Цеха». Ю.Деген возглавил

свой «Цех поэтов» при художественном обществе «Кольчуга».

15. Городецкий С. «Цех поэтов»: (К годовщине Тифлисского Цеха поэтов // Кавказское слово. 1919. №76. 26 апр.

16. См.: Тифлисский листок. 1918. 13 июня.

17. См.: Вечорка Т. В «Ладье аргонавтов» // Куранты. 1918. №1. С.22.

18. Городецкий С. Наши журналы // Закавказское слово. 1919. №12.

19. См.: Городецкий С. Мой путь. С.327.

20. См.: Русские советские писатели: Поэты. С.138.

Ars: Ежемесячник искусства и литературы

1918. №1 [март]

Издательница: А.А.Антоновская. Редактор: С.М.Городецкий. Секретариат: О.А.Шарлемань, В.В.Пруссак, Ю.Е.Деген.

[От редакции]. — С.3-4.

Городецкий С. Шофер Владо: Поэма. — С.5-16.

Деген Ю. Розовые верблюжата: Петербургская повесть. — С.17-25. — Посв. Ю.Юркуну.

Стихи

Антоновская А. Вакханка. — С.26.

Бел-Конь-Любомирская Н. В саду Аллаха. — С.27.

Туманян О. Надпись на книге / Пер. с арм. С.Городецкого. — С.28. — Посв. Н.Городецкой.

Туманян О. Четверостишия / Пер. с арм. С.Городецкого. — С.29.

Бараташвили Н. Конь / Пер. с груз. А.Кулебякина. — С.30.

Хейам О. Четверостишия / Пер. с перс. А.Кулебякина. — С.31.

Садыков А. Газэлы / Пер. с тур. С.Городецкого. — С.32. — Посв. Н.А.Г. [Н.А.Городецкой].

* * *

Петроковский А. Дон-Кихот — скептик: (Анатоль Франс): [Ст.]. — С.35-45.

Робакидзе Г. Грузинский модернизм: [Ст.]. — С.46-52.

Рябов Б. Архитектура Тифлиса: [Ст.]. — С.53-58.

Ананов В. Ганако Оота: Страничка об японском театре: [Ст.]. — С.59-63.

Хроника

Львов Я. Тыловая Мельпомена. — С.65-66.

Ананов В. Три смерти: Кюи. Сафонов. Дебюсси. — С.66-70.

[Б.п.]. Выставки. — С.70.

С.Г. [Городецкий С.М.]. А.Кулебякин. «Отзвуки Вана»: [Рец.] — С.70-71.

Пруссак В. С.Городецкий. «Ангел Армении: Стихи». Тифлис, 1918: [Рец.]. — С. 71

К.З. А.Хведченя. «Мысли: Поэма грядущих дней». Тифлис, 1918: [Рец.]. — С.72.

[Б.п.]. Журналы. — С.72-73.

[Б.п.]. Артистериум. — С.73-74.

Д.Г. [Гордеев Д.П.]. Эвакуация Анийского Музея древностей. — С.74.

Пруссак Вл. Письмо из Петербурга. — С.74-76.

Оглавление. — С.80.

Иллюстрации: П[етроковский] А. [Портрет А.Франса]; [Заставки]; [Концовки]. Рябов Б.И. Анчисхатский собор; Памятник на кладбище Вера; Дом Мирзоева; [Заставки]; [Концовки]. Обложка по рис. Б.И.Рябова.

1918. №2/3 (май-июнь)

Издательница: А.А.Антоновская. Редактор: С.М.Городецкий. Секретарь: Сандро Корона.

Стихи

Городецкий С. Цветок Магнолии; Дева. — С.5-6.

Стародумов Л. Мак четырелистый. — С.7-9.

Асланов Г. Лотос Шехерезады. — С.10-12.

Корона С. Синдбад. — С.12.

* * *

Деген Ю. Розовые верблюжата: Петербургская повесть. — С.13-26.

Гаприндашвили В. 1. Морису Роллина; 2. Куаффер: [Стихотв.]. — С.27.

Бараташвили Н. 1. Серьга; 2. «Не цвет земли — юдоли тесной...»: [Стихотв.] / Пер. с груз. В.Гаприндашвили. — С.28.

Яшвили П. Коломбина: Триолет / Пер с груз. С.Городецкого. — С.29.

Тигранян А. Языческое: [Стихотв.] / Пер. с арм. С.Городецкого. — С.29.

Садыков А. Роза: [Стихотв.] / Пер. с турец. С.Городецкого. — С.30. — Посв. Н.А.Г. [Н.А.Городецкой].

Бархударян А. Помешанная: [Рассказ]. — С.31-32.

Антоновская А. Сказка. — С.33-46. — Посв. А.А.Флоренскому.

Робакидзе Г. Поэту Франции: [Стихотв.] / Пер. с груз. В.Гаприндашвили. — С.47.

Табидзе Т. Из книги «Халдейские города»: 1. L'art poetique: [Стихотв.] / Пер. с груз. Н.Бобырева. — С.47.

Яшвили П. Красные быки: [Стихотв.] / Пер. с груз. Т.Вечорки. — С.48.

Робакидзе Г. Андрей Белый: [Ст.]. — С.49-61.

Такайшвили Е. Диван абхазских царей: [Ст.]. — С.62-70.

Хрисогонов М. Сезанн: (Четвертое измерение в живописи): [Ст.]. — С.71-79. — Посв. И.Машкову.

Гордеев Д. Миниатюры грузинских лицевых рукописей Сионского Древлехранилища в Тифлисе: [Ст.]. — С.81-103.

Меликсет-Беков Л.М. Старый Тифлис по описаниям А.Негри (1817 г.) и М.Медичи (1824-30 гг.): [Ст.]. — С.104-114.

Лалаян Е.А. Ахтамарский монастырь св. Креста: [Ст.]. — С.115-125.

Хроника

А.П. [Петроковский А.С.]. Драма в Тифлисе. — С.126-129.

[Б.п.]. Музыка. — С.129.

[Б.п.]. Артистериум. — С.129-130.

Д.Г. [Гордеев Д.П.]; Ч.; Марченко С. Археология. — С.130-135.

Д.Г. [Гордеев Д.П.]. Футуризм. — С.135-137.

Библиография

Баммель Г. В.Кара-Мурза, В.Катанян «Синим вечером: Сборник стихотворений»: [Рец.]. — С.137.

С.Г. [Городецкий С.М.]. К.Коротков. «Семирамида: Поэма». М., 1917: [Рец.]. — С.137-138.

Деген Ю. А.Крученых. «Малахолия в капоте»: [Рец.]. — С.138.

Д.Г. [Гордеев Д.П.]. Л.М.Меликсет-Беков. «Пещерный город Квахрели»: [Рец.]. — С.138-139.

Журналы

С.Г. [Городецкий С.М.]. Русская дума; Кавказская рампа; Мой журнал: [Рец.]. — С.139-140.

Ч. Грузинский журнал «Прометей»: [Рец.]. — С.140.

Содержание. — С.142.

Иллюстрации: Ахтамарская церковь св. Креста, 6 илл., фото. Миниатюры рукописей Сионского Древлехранилища в Тифлисе / Фото Л.П.Таранушенко, 5 илл. Петроковский А. [Концовки]. Рябов Б.И. [Заставки]; [Концовки]. Обложка по рис. Б.И.Рябова.

1919. №1 (январь)

Редакторы: А.С.Петроковский, А.А.Флоренский. Издатели: А.А.Антоновская, И.И.Полинин.

От редакции. — Вкладной лист.

Рафалович С. Анна Ахматова: [Ст.]. — С.1-8.

Харазов Г. Сон Татьяны: (Опыт толкования по Фрейду): [Ст.]. — С.9-20.

Кушиташвили В.П. О старом театре: [Ст.]. — С.21-27.

Ананов В.С. Гофман и Рахманинов: (Из старых заметок). — С.28-38.

Литературный альманах

Стихи

Баммель Г. Триолет; «В ночь беззвездную уходила деревушка...». — С.41.

Гаприндашвили В. Сонет («Ты для меня пленительна, кузина...»). — С.42.

Городецкий С. Рояль. — С.42-43. — Посв. Н.Н.Черепнину.

Данцигер Ю. Джакомо Казанова: Сонет. — С.43.

Деген Ю. Романс. — С.44.

Евангулов Г. «Горели на стене узоры...». — С.44-45.

Корнеев Б. Голубоокая Екатерина. — С.45.

Капранов Н. Аман: Сонет. — С.46.

Кулебякин А. «Памятник древний стоял у прибрежья лазурного моря...». — С.46.

Порошин А. «Сквозь распростертые туманы...». — С.47.

Пояркова Т. На мосту. — С.47-48.

Рафалович С. В Крыму. — С.48-49. — Посв. С.Андронниковой.

Сапожников В. Морской попугай. — С.49-50.

Семейко Н. Мертвый. — С.50.

Табидзе Т. Халдейский балаган / Пер. с груз. Т.Вечорки. — С.51.

Харазов Г.А. Фуга. — С.51-52.

Чачиков А. Моссул: (Из цикла «Иранские песни»). — С.52.

* * *

Городецкий С. Привидение: (Рассказ) — С.53-59.

Деген Ю. На пляже: [Рассказ]. — С.60-64. — Посв. Г.Иванову.

Ведребисели Д. Неделя в грузинской деревне: (Из дневника). — С.65-72.

Художественная летопись

Рафалович С. Ростан: [Некролог]. — С.73-74.

С.Г. [Городецкий С.М.]. Выставки в 1918 г. — С.75-76.

И.К.Р. Занавес Государственного театра. — С.76-78.

И.Г-в. В драме. — С.78-79.

Черепнин А. Музыка. — С.79-81.

С.Г. [Городецкий С.М.]. Цех поэтов. — С.81.

Ю.Д. [Деген Ю.Е.]. Цех поэтов (при об<щест>ве «Кольчуга»). — С.81-82.

Данцигер Ю. Письмо о поэзии. — С.83-85. — Рец. на: Деген Ю. Этих глаз: Стихи. — Пг., 1919; Корнеев Б. Девушки в розовом. — Тифлис, 1918; Чачиков А. Крепкий гром. — М., 1919; Вечорка Т. Магнолии: Стихи. — Тифлис, 1918; Куранты. — 1918. — №1; Феникс. — 1918. — №1.

С.Г. [Городецкий С.М.]. Две книги: [Арсенева К. Стихи о жизни. Пг., 1916; Ефименко Т. Жадное сердце. Пг., 1916]. — С.85-86.

Л.М.Б. [Меликсет-Беков Л.М.]. И.Гришашвили. «Саят-Нова». Тифлис, 1918: [Рец.]. — С.86-87.

Деген Ю. Конкурс обложки журнала «Ars». — С.87-88.

Д.Г. [Гордеев Д.П.]. Футуризм. — С.88-89.

Хроника

Т.Ефименко: [Некролог]. — С.89-90.

[Б.п.]. Обращение к французским поэтам; Турнэ поэтов; «Голубые роги»; Герб Грузии; Студия художественной прозы; Годовщина «Фантастического кабачка»; Альманах стихов; Доклады и диспуты; «Феникс»; Среди художников. — С.90—91.

Оглавление — С.92.

Иллюстрации: Азарапетян Л. [Проект обложки]. Валишевский С. Джордж Бреммель; Чтение Эдгара По; [Заставки]. Грузенберг С. [Концовки]. Гудиашвили Вл. XII-ый век; Солнцеликая. Евсеев К.И. [Заставки]; [Концовки]. Зальцман А.А. [Заставки]; [Концовки]. Петроковский А.С. [Концовки]. Шарлемань О. Герб Грузии. Обложка и фронтиспис М.Калашникова.

Дополнения к библиографии С.М.Городецкого

В редакцию «Тифлисской иглы»: [Письмо в редакцию] // Тифлисская игла. — 1917. — №18. — Дата написания: 13 сентября 1917 г.

Прогулка в Порто-Венере: [Ст.] // Кавказское слово. — 1918. — 1 февр. — №25. — С.2.

Морские свинки: [Ст.] // Там же. — 1918. — 22 марта. — №65. — С.2.

Роль христианства в крушении России: [Ст.] // Там же. — 1918. — 29 марта. — №71. — С.2.

Театральный журнал («Кавказская рампа»): [Ст.] // Там же. — 28 мая. — №106. — С.2.

Привет Грузии: [Ст.] // Там же. — 1918. — 30 мая. — №108. — С.2.

Деген, Терентьев и Крученых: [Ст.] // Там же. — 1918. — 1 июня. — №110. — С.2.

Пути русской музыки: [Ст.] // Там же. — 1918. — 16 июня. — №122. — С.2.

Русская душа: [Ст.] // Там же. — 1918. — 4 июля. — №136. — С.2.

Владимир Гудиашвили и Саша Бажбеук-Меликов: [Ст.] // Там же. — 1918. — 11 июля. — №142. — С.2.

Пьяный пир: [Ст.] // Там же. — 1918. — 18 июля. — №148. — С.2.

Pro Armenia: [Ст.] // Там же. — 1918. — 25 июля. — №154. — С.2.

Искусство и государство: [Ст.] // Там же. — 1918. — 27 июля. — №156. — С.2.

У Ильи Репина: [Ст.] // Там же. — 1918. — 6 авг. — №164. — С.3.

Русская трагедия: [Ст.] // Там же. — 1918. — 8 авг. — №166. — С.2.

Опыт Ленина: [Ст.] // Там же. — 1918. — 15 авг. — №172. — С.2.

Илья Репин: [Ст.] // Там же. — 1918. — 17 авг. — №173. — С.2.

Культура и война: [Ст.] // Там же. — 1918. — 25 авг. — №179. — С.2.

Новая рана: [Ст.] // Там же. — 1918. — 29 авг. — №182. — С.2.

Н.К.Р.: [Ст.] // Там же. — 1918. — 31 авг. — №184. — С.2.

Ладья аргонавтов: [Ст.] // Там же. — 1918. — 12 сент. — №194. — С.2.

«Скифы»: Сборник 2-й: [Рец.] // Там же. — 1918. — №207. — С.2.

Отчетная выставка школы живописи: [Ст.] // Там же. — 1918. — 10 окт. — №217. — С.2.

Г.Евангулов. «Барон в заплатанных штанах»: [Рец.] // Там же. — 1918. — 26 окт. — №230. — С.4.

Канун мира: [Ст.] // Там же. — 1918. — 3 окт. — №234. — С.2.

С.Рафалович. «Стихи России: Стихотворения»: [Рец.] // Там же. — 1918. — 2 ноября. — №236. — С.2.

«Клянусь цветком, ребенком, Богом...»: [Стихотв.] // Игла. — 1918. — №11. — С.9.

Неудачный конкурс: [По поводу конкурса на новую обложку журнала «Ars»] // Тифлисский листок. — 1919. — №5.

Наши журналы: [Ст.] // Закавказское слово. — 1919. — №12.

«Цех поэтов»: (К годовщине Тифлисского Цеха поэтов): [Ст.] // Кавказское слово. — 1919. — 26 апр. — №76. — С.2.

О сказках Гофмана: [Об опере Ж.Оффенбаха]: [Ст.] // Искусство.— 1919. — 25 февр. — №1.

Творчество или бутафория: Жизнь искусства в Советской России: [Ст.] // Там же. — 1919. — №6.

Святой («В сугробах ладанного мрака...»): [Стихотв.] // Радуга. — 1919. — №1. — С.3.

Право художника: [Ст.] // Новый день. — 1919. — 12 мая. — №3.

К солнцу: [Стихотв.] // Там же. — 1919. — 4 авг. — №15. — С.2.

С.Г.Исаков

Игорь Северянин в Эстонии Материалы к библиографии

Исправления и дополнения

В №2 «De Visu» за 1993 г. опубликованы материалы к библиографии «Игорь Северянин в Эстонии» О.С.Фигурновой. Эта работа, конечно, заслуживает внимания уже потому, что в ней впервые были описаны неизвестные северянинские публикации в эстонской печати. К сожалению, в работе молодого ученого очень много неточностей и ошибок, как и неполных данных об отдельных северянинских публикациях и прямых пропусков, поэтому пользоваться этой библиографией без проверки de visu крайне рискованно.

Приводим ниже замеченные нами ошибки, неточности и неполные данные о публикациях, а затем и наши дополнения к библиографии. Они даются в том же порядке, как и в работе О.С.Фигурновой.

Во введении приведены библиографические данные сочинений Игоря Северянина, вышедших отдельными изданиями. При сборнике избранных поэз «Crème des Violettes» (Юрьев, 1919) следовало бы указать издательство — «Одамеэс». При автобиографическом романе в стихах «Колокола собора чувств» (Юрьев-Тарту, 1925) также надо было бы назвать издательство — Вадим Бергман; к тому же здесь неверно указано количество страниц — не 18, а 61. Сборник «Адриатика» (Нарва, 1932) имел и другое заглавие — «Лирика», не отмеченное библиографом. Напрасно О.С.Фигурнова именует во введении «Витязь» журналом, на самом деле это сборник или альманах.

Дата написания «Поэзы о Эстонии» (Свобода России. 1919. 13 нояб. №48), указанная при публикации, не «февр.-нояб. 1919 г.», а 11 ноября 1919 г. Стихотворение «Малиновый berceuse» опубликовано в «Последних известиях» 1920 г. не 4 сент., а 6 сент. и это не №20, а №21. «Письмо из Парижа» напечатано в газете «Последние известия» за 1920 г. не в №65, а в №66; «Кэнзель VI» (Последние известия. 1921. 6 июня. №124) помещена не на стр. 2, а на стр. 3. Риторнель Игоря Северянина называется не с «С утесов Эстонии», а «С утесов Эстии» и опубликован он в газете «Свободное слово» за 1921 г. не 28 июня, а 30 июня. Стихотворение «Алая монахиня» напечатано в той же газете 11, а не 10 июля, точно так же как стихотворение «На смерть Александра Блока» в №105, а не в №103. Целая серия ошибок характеризует библиографическое описание публикаций «Дорожных импровизаций» Игоря Северянина. «Дорожные импровизации (3)» у О.С.Фигурновой помечены: Последние известия. 1924. 30 сент. №252; на самом деле — Последние известия. 10 сент. №235. «Дорожные импровизации (4)» у О.С. Фигурновой: «Последние известия. 1924. 10 окт. №235; на самом деле — 30 сент. №252. «Дорожные импровизации (5)» помещены в №267, а не в №242 за 1924 г., как у О.С.Фигурновой. Стихотворение «Двадцать восемь» было опубликовано в газете «Русский вестник» не за 1932, а за 1931 г.; число и номер совпадают, но не указаны место и время написания: Дубровник (Рагуза). Вилла «Флора мира». 20 янв. 1931 г.; кстати, следовало бы также отметить, что это перепечатка из газеты «Сегодня». Стихотворение «Она разлюбит» помещено в 1934 г. в «Вестях дня» не в №229, а в №239. Не отмечено, что стихотворение «Богобоязнь» (Русский вестник. 1934. 16 окт. №64) — это повторная публикация, первопубликация появилась в «Вестях дня» за 12 дней до этого. Стихотворение «Не по пути» было опубликовано в «Вестях дня» за 1934 г. не 19 октября, а 19 декабря. Заглавие стихотворения «Капе́ль» (Вести дня. 1935. 14 марта. №63) из-за неверно проставленного ударения («Ка́пель») теряет смысл. Стихотворение «Голуби» было помещено в газете «Вести дня» не в 1937, а в 1935 г. Аналогичная ошибка с публикацией стихотворения «Старый город (Из цикла "Сонеты о Ревеле")». К тому же это повторная публикация (первопубликация в «Русском вестнике» не отмечена). Стихотворение «Накануне весны» было напечатано в газете «Вести дня» за 1936 г. не в №59, а в №51. Нечто не совсем понятное с библиографическим описанием публикации стихотворения «Соловьи монастырского сада», как и с повторной публикацией стихотворения «Не устыди, склонив свои колена...». У О.С.Фигурновой указано, что они опубликованы в «Витязе» 1939, №1/2. Но у «сборников литературы, искусства, науки и общественной жизни» «Витязь» не было нумерации. Отдельные сборники различались дополнением к году публикации «1939. Весна», «1939. Лето». Если библиограф счел нужным ввести нумерацию сборников, то сборник «Витязь. 1939. Весна», где помещены эти стихотворения, должен был бы быть №1, а не №1/2 (второй номер в таком случае будет «1939. Лето».)

Мы уже не говорим о прочих «мелочах»: место и время написания, когда они отмечены в публикациях, чаще всего указываются, но в ряде случаев почему-то нет; стихотворение «Мирре Лохвицкой», опубликованное в 1920 г., оказалось в публикациях 1921 г., а «Секстина XIII», напечатанная в 1921 г., — в публикациях 1925 г. Встречаются неточности в

De Visu. 1993. №9(10).
© С.Г.Исаков

описании заглавий стихотворений: не «Реймон», а «Реймонт» (Наша газета. 1927. 18 мая. №48), не «Зачем?», а «Зачем? Зачем?» (Вести дня. 1935. 14 ноябр. №269), не «Пленники города», а «Пленник города» (Вести дня. 1935. 24 окт. №251). Все же для научной библиографии и такие «мелочи» недопустимы.

Теперь обратимся к библиографии переводов. О.С.Фигурнова не всегда точно фиксирует северянинские написания, порою «модернизируя» или даже изменяя их. Так, Игорь Северянин обычно писал имя и фамилию эстонского поэта Генрик Виснапу, что соответствует общепринятому в то время написанию. О.С.Фигурнова везде «исправляет» Игоря Северянина, давая принятую ныне транскрипцию «Х.Виснапуу». Вряд ли это верно. Если библиограф хотел дать современную транскрипцию, то он мог это сделать в квадратных скобках вслед за северянинским написанием. Игорь Северянин то снабжал свои переводы пометкой «Из...» («Из А.Алле», «Из А.Рейнвальда» и т.д.), то просто указывал имя и фамилию переводимого поэта в именительном падеже. О.С.Фигурнова «унифицировала» все описания переводов, применяя лишь формулу «Из...».

Встречаются и прямые ошибки. «Вешненочное: Из Генрика Виснапу» было опубликовано в «Последних известиях» за 1920 г. не 22, а 23 августа, «Когда наступит забвенье» — не 22, а 23 ноября. Публикация другого перевода из Х.Виснапуу в «Свободном слове» (1921. 2 июня. №37) называется «Вешненочь», а не «Вешняя ночь». Перевод из этого же поэта «Когда сердцевинит любви цветок» было напечатано в том же «Свободном слове» за 1921 г. не в №6, а в №65 (впрочем, это вероятнее всего опечатка). Стихотворение А.Алле называется «Сетование», а не «Сетования» (Свободное слово. 1921. 23 июня. №55), перевод из Г.Суйтса «Арфа Ванэмуйнэ» был помещен в той же газете не 25, а 27 июня. Переводы стихотворений Э.Энно «Вечер в избе» и Лидии Койдулы «Вечерняя тишина» (Вести дня. 1926. 1 нояб. №32) находятся не на стр. 4, а на стр. 2, не отмечено и место написания — «Озеро Uljaste». Публикацию «Любите!: Из Ф.Кульбараса» (Вести дня. 1926. 15 нояб. №46) мы вообще не обнаружили ни в этом номере «Вестей дня», ни в других номерах за тот же год. Ошибки в указаниях страниц и отсутствие ссылок на место написания встречаются и в описаниях других публикаций переводов 1926 г., помещенных в «Вестях дня». Перевод из М.Веске «Знаешь ли край?» опубликован в газете «Вести дня» за 1927 г. не 28 августа, как у О.С.Фигурновой, а 28 января. При описании перевода «На пути поэзии» две ошибки: во-первых, стихотворение ошибочно приписано Ю.Лийву, хотя на самом деле оно принадлежит не Юхану Лийву, а Якобу Лийву, и, во-вторых, оно помещено в «Вестях дня» за 1927 г. не 26, а 28 мая. Последняя ошибка касается и других переводов, опубликованных в этом же номере «Вестей дня» — «Тяги домой» Э.Энно и «Сонета» Я.Тамма; кстати, не указано и место их написания — «Озеро Uljaste».

Что касается библиографии прозы Игоря Северянина, то тут, помимо мелкой неточности, касающейся статьи «Эстонская поэзия: Еще пять поэтов» в «Последних известиях» за 1924 г. (не стр. 3, а стр. 2), обращает на себя внимание крайне неполное описание публикации «Блёсток» Игоря Северянина в газете «Старый нарвский листок» за 1925 г. Публикация заняла 7 номеров газеты, из которых О.С. Фигурновой отмечены лишь три (см. полное описание в наших дополнениях к библиографии). При этом самое удивительное, что у Игоря Северянина все «блёстки» пронумерованы, поэтому библиограф не мог не обратить внимания на странные пропуски в своем описании публикации. Остается предположить, что О.С.Фигурнова и не фиксировала северянинскую нумерацию «блёсток», хотя ее, конечно, следовало отметить при описании.

В небольшом разделе «Стихотворения, посвященные Игорю Северянину», состоящем всего из 7 номеров, мы нашли одну ошибку и одну неточность. Стихотворение Б.Свободина «Поэту: Посвящаю Игорю Васильевичу Северянину» было помещено в газете «Свободное слово» не 4, а 5 июля 1921 г. Стихотворение Н.Т. называется не «Двадцать восемь серпантинов», а «Двадцать восемь серпантин».

Ряд ошибок, неточностей и неполных данных мы встречаем в приложении «Краткая хроника выступлений Игоря Северянина в Эстонии (1919-1940 гг.)». Литературный вечер в Ревеле в Русском театре, организованный издательством «Кольцо», с участием А. Ребанэ, Г.Глебова и С.Филаретовой состоялся не 25 декабря, а 25 сентября 1920 г. (см. объявления о вечере: Последние известия. 1920 г. 23 сент. №36. С.4; 24 сент. №37. С.4. См. также отзыв о вечере: Г.Т. [Тарасов Г.]. Поэзо-вечер // Там же. 1920. 28 сент. №40. С.3). У О.С.Фигурновой указано: «1925, 7 августа — В Ревеле "поэзо-концерт"». На самом деле поэзо-концерт состоялся совсем не в Ревеле (Таллинне), а в Усть-Нарве (Нарва-Йыэсуу) в кургаузе при участии б. профессора Петроградской консерватории Всев. Гамалеи (см.: В-ов. Поэзо-концерт Игоря Северянина // Последние известия. 1925. 6 авг. №177. С.3; Ст. Владимиров [Рацевич С.В.]. Гунгербург. Концерт Игоря Северянина // Там же. 1925. 11 авг. №181. С.4). Вопреки указанию О.С.Фигурновой 14 февраля 1932 г. Игорь Северянин в концертном зале «Эстония» не выступал. В этот вечер там состоялся прощальный концерт Д.А.Смирнова и Л.Смирновой-Мальцевой. В отчете о концерте ничего не говорится о выступлении Игоря Северянина (см.: Р.Э. Прощальный концерт Д.А.Смирнова // Вести дня. 1932. 16 февр. №39. С.2). По всей вероятности, речь идет о выступлении Игоря Северянина на концерте 16 февраля 1932 г. Вечер в марте 1936 г. в Таллинне можно точно датировать: он состоялся 23 марта (см. объявления о вечере: Вести дня. 1936. 18 марта. №63. С.2; 21 марта. №66. С.2. См. также отчет о вечере: -ъ. Литературный вечер // Там же. 1936. 24 марта. №68. С.2).

Далее приводим наши дополнения к библиографии О.С.Фигурновой.

Произведения Игоря Северянина

1. Оригинальные стихотворения

Х.В.! («Светло целуйте уста друг другу...») // Ревельское слово. — 1919. — 20 апр. — №117. — С.1. — Место написания: Эст-Тойла.

Вдыхайте солнце // Кримс-Коткас А. Русская хрестоматия для эстских школ. 1. — Tallinn: Varrak, 1920. — С.1.

Утренний эскиз // Там же. — С.57.

Русская // Там же. — С.61.

Койт и Эмарик: Эстляндская легенда о белых ночах // Там же. — С.88.

Поэза нови прозаической // Последние известия. 1921. — 23 июня. — №151. — С.2.

Поэза об Эстонии // Там же. — 1921. — 27 июня. — №152. — С.1. — Место написания: Toila. — Повторная публикация. Ранее: Свобода России. — 1919. — 13 нояб. — №48. — С.3.

Поэза живых монеток // Последние известия. — 1924. — 10 апр. — №96. — С.3. — Место написания: Озеро Uljaste.

125 («Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!..») // Там же. — 1924. — 8 июня. — №147 (спец. выпуск). — С.3. — Место написания: Тойла.

«И будет вскоре...» // Ревельское время. — 1925. — 18 мая. — №5. — С.3. — Перепечатка из «Эхо».

Рождество на Ядране // Старый нарвский листок. — 1932. — 24 дек. — №146. — С.5.

Наступает весна // Там же. 1933. — 20 апр. — №42. — С.3. — Отмечено, что стихотворение печатается «с любезного разрешения автора».

Богобоязнь // Вести дня. — 1934. — 4 окт. — №232. — С.2. — Место и время написания: Тойла, 1934.

Александр I — король Югославии: Сонет // Русский вестник. — 1934. — 13 ноябр. — №72. — С.2. — Повторная публикация. Ранее: Вести дня. — 1934. — 12 ноябр. — №265. — С.2.

На дровнях // Русский вестник. — 1935. — 1 февр. — №10. — С.2. — Место написания: Тойла. — Повторная публикация. Ранее: Вести дня. — 1935. — 30 янв. — №26. — С.2.

Теперь домой! // Русский вестник. — 1935. — 12 февр. — №13. — С.2. — Место написания: Тойла. — Повторная публикация. Ранее: Вести дня. — 1935. — 11 февр. — №36. — С.2.

Старый город: (Из цикла «Сонеты о Ревеле») // Русский вестник. — 1935. — 24 дек. — №103. — С.2. — Место и время написания: Таллинн, дек. 1935.

Как хорошо... // Витязь. — 1939. Лето. — С.11.

2. Переводы

Боги и глупцы: Из Г.Суйтса // Последние известия. — 1921. — 9 мая. — №109. — С.2. — Пер. с эст.

Легенда: Из А.Алле // Вести дня. — 1926. — 9 окт. — №9. — С.3. — Пер. с эст. — Место написания: Тойла.

Девица / А.Гренцштейн // Там же. — 1926. — 22 нояб. — №53. — С.2. — Пер. с эст. — Место написания: Озеро Ульясте.

Закат солнца / М.Ундер // Русский вестник. — 1935. — 31 июля. — №61. — С.2. — Пер. с эст. — Повторная публикация. Ранее: Вести дня. — 1935. — 27 июля. — №175. — С.2.

Сегодня вечером: Из Г.Виснапу // Вести дня. — 1939. — 12 сент. — №207. — С.2. — Пер. с эст.

Раннее горе: Из Г.Виснапу // Там же. — 1939. — 19 сент. — №213. — С.2. — Пер. с эст.

3. Проза.

Блестки. 1-4 // Старый нарвский листок. — 1925. — 17 окт. — №13. — С.3.

То же. 5-12 // Там же. — 1925. — 20 окт. — №14. — С.3.

То же. 13-20 // Там же. — 1925. — 22 окт. — №15. — С.2.

То же. 21-25 // Там же. — 1925. — 31 окт. — №19. — С.3.

То же. 26-28 // Там же. — 1925. — 10 нояб. — №23. — С.3.

То же. 29-32 // Там же. — 1925. — 17 нояб. — №30. — С.3.

То же. 33-35 // Там же. — 1925. — 26 нояб. — №30. — С.3.

Катастрофа в море: Письмо из Тойлы // Последние известия. — 1925. — 23 дек. — №296. — С.4. — Подп.: И.С.

Письмо И.Северянина // Старый нарвский листок. — 1933. — 22 июня. — №80. — С.2.

По лесам и озерам: Письмо из Тойлы // Вести дня. — 1934. — 11 сент. — №212. — С.2.

То же: Русский вестник. — 1934. — 14 сент. — №55. — С.2.

Краткий обзор эстонской поэзии // Вести дня. — 1934. — 2 окт. — №230. — С.2.

Игорь Северянин благодарит за дары и приветствия: [Письмо Игоря Северянина президенту Эстонской Республики К.Пятсу от 19 марта 1940 г.] // Вести дня. — 1940. — 23 марта. — №67. — С.1.

То же: Русский вестник. — 1940. — 29 марта. — №25. — С.2.

Литература об Игоре Северянине

В. К выступлению Игоря Северянина на концерте, бывшем 22 марта // Ревельское слово. — 1919. — 26 марта. — №96. — С.4.

Эд.М-р. Открытое письмо: Игорю Северянину // Свобода России. — 1919. — 15 нояб. — №50. — С.4.

Негорев Н. [Штейн С.В.?]. Ветер с моря // Там же. — 1920. — 11 марта. — №57. — С.2-3.

С.Ш. [Штейн С.В.]. Песни усталости // Там же. — 1920. — 19 мая. — №110. — С.2-3.

Г.Т. [Тарасов Г.]. Поэзо-вечер // Последние известия. — 1920. — 28 сент. — №40. — С.3.

Ч[ернявский], Александр. Игорь Северянин // Там же. — 1924. — 30 янв. — №27. — С.4.

Яровой [Воинов Я.В.]. На новый путь: К 20-летию творчества Игоря Северянина // Там же. — 1925. — 11/12 апр. — №83. — С.6.

Рогачев Н. Заметки читателя // Там же. — 1925. — 7 июля. — №151. — С.3.

[Б.п.]. Игорь Северянин в Нарве // Старый нарвский листок. — 1927. — 18 окт. — №120. — С.2.

[Б.п.]. Игорь Северянин в Юрьеве // Вести дня. — 1927. — 26 окт. — №290. — С.2.

[Б.п.]. Игорь Северянин в Нарве // Старый нарвский листок. — 1928. — 3 янв. — №1. — С.3.

[Б.п.]. Вечер Игоря Северянина // Вести дня. — 1928. — 27 янв. — №26. — С.2.

[Б.п.]. Турнэ Игоря Северянина // Русский вестник. — 1931. — 1 нояб. — №90. — С.3.

Р.Э. Концерт русского мужского хора [и о

выступлении на нем Игоря Северянина] // Вести дня. — 1932. — 18 февр. — №41. — С.2.

[Б.п.]. Успех эстонской поэзии в Югославии: [О выступлениях Игоря Северянина в Югославии] // Там же. — 1933. — 28 нояб. — №279. — С.2.

[Б.п.]. Новые книги Игоря Северянина // Там же. — 1934. — 4 окт. — №232. — С.2.

[Б.п.]. Игорь Северянин // Там же. — 1934. — 2 нояб. — №257. — С.2.

Quidam. О поэте Игоре Северянине и русской душе. // Русский вестник. — 1934. — 2 нояб. — №69. — С.3.

[Б.п.]. Игорь Северянин работает над переводом стихов Марии Ундер // Там же.

Г. Вечер Игоря Северянина // Вести дня. — 1934. — 5 нояб. — №259. — С.2.

[Б.п.]. Юбилей поэта Игоря Северянина // Русский вестник. — 1935. — 25 янв. — №8. — С.2.

[Б.п.]. Сегодня 30-летие литературной деятельности Игоря Северянина // Старый нарвский листок. — 1935. — 1 февр. — №13. — С.2.

-ъ. Как прошел юбилей Игоря Северянина // Вести дня. — 1935. — 6 февр. — №32. — С.1.

[Б.п.]. Концерт с участием Игоря Северянина // Старый нарвский листок. — 1935. — 6 марта. — №27. — С.2.

[Б.п.]. Чествование Игоря Северянина в Нарве // Вести дня. — 1935. — 12 марта. — №61. — С.1.

То же: Русский вестник. — 1935. — 12 марта. — №21. — С.3.

А.М. [Морозов А.]. Петсерская жизнь: [О вечере Игоря Северянина в Печёрах] // Вести дня. — 1935. — 6 мая. — №106. — С.2.

То же под загл.: Жизнь в Петсери // Русский вестник. — 1935. — 7 мая. — №37. — С.2.

[Б.п.]. Интересный концерт в Нарва-Иоезу: [О выступлении Игоря Северянина] // Вести дня. — 1935. — 10 авг. — №187. — С.2.

[Б.п.]. На докладе Игоря Северянина о поэтах начала XX в. // Там же. — 1938. — 21 янв. — №16. — С.2.

[Б.п.]. Лекция Игоря Северянина // Там же. — 1938. — 5 марта. — №52. — С.2.

-ъ. Письмо из Нарвы. // Там же. — 1938. — 10 марта. — №55. — С.2.

Quidam. Маленькие заметки // Там же. — 1938. — 2 нояб. — №250. — С.2.

[Б.п.]. Эстонские стихи в русском переводе // Русский вестник. — 1938. — 5 нояб. — №86. — С.3.

[Б.п.]. Игорь Северянин переехал в Нарва-Иоезу // Вести дня. — 1939. — 20 апр. — №88. — С.2.

То же: Русский вестник. — 1939. — 22 апр. — №31. — С.3.

Горшков И. Игорь Северянин: (К 35-летию литературной работы) // Старый нарвский листок. — 1940. — 31 янв. — №13. — С.3.

[Б.п.]. Как будут чествовать Игоря Северянина // Русский вестник. — 1940. — 9 марта. — №20. — С.1.

[Б.п.]. Торжественное чествование Игоря Северянина // Там же. — 1940. — 16 марта. — №22. — С.1. — Повторная публикация. Ранее: Вести дня. — 1940. — 15 марта. — №61. — С.1.

[Б.п.]. Игорь Северянин серьезно заболел // Вести дня. — 1940. — 22 апр. — №90. — С.1.

То же: Русский вестник. — 1940. — 24 апр. — №32. — С.3.

[Б.п.]. У И.Северянина — воспаление легкого // Вести дня. — 1940. — 8 мая. — №102. — С.1.

То же: Русский вестник. — 1940. — 11 мая. — №37. — С.2.

Т.Б. Письмо из Нарва-Иоезу // Вести дня. — 1940. — 15 мая. — №107. — С.2.

То же под загл.: В Нарва-Иоезу // Русский вестник. — 1940. — 18 мая. — №39. — С.3.

Л.С. Игорь Северянин пьет только фруктовые соки: Письмо из Нарва-Иоезу // Вести дня. — 1940. — 5 июня. — №125. — С.2.

Стихотворения, посвященные Игорю Северянину

Якуб Муа. Самоутверждение. — Интродуктивное рондо. — Сонет Ингори: Поэзо-фельетоны: [Пародии] // Отклики. — Ревель, 1921. — №1. — С.4.

Wene. «Я Северянин...» // Кнут. — Нарва, 1925. — №10. — С.7.

Дополнения к Приложению:

Краткая хроника выступлений Игоря Северянина в Эстонии (1919-1940 гг.)

1919, 25 мая — в Тарту в зале Бюргермуссе «поэзо-концерт» Игоря Северянина, организованный издательством «Одамеэс» при содействии литературного объединения «Сиуру».

3 августа — в Тойла литературный вечер Игоря Северянина и эстонских литераторов из объединения «Сиуру» (А.Гайлит, Х. Виснапуу).

13 октября — в Таллинне в концертном зале «Эстония» поэзо-вечер Игоря Северянина, организованный издательством «Одамеэс».

1920, 6 февраля — в Тарту поэзо-вечер Игоря Северянина, организованный издательством «Одамеэс».

1921, 21 мая — в Тарту в зале Бюргермуссе «4-ый поэзо-концерт Игоря Северянина».

12 сентября — в Таллинне на большом концерте в зале Таллиннского драматического театра выступил и Игорь Северянин.

6 ноября — в Таллинне в зале кружка им. Х.Н.Бялика поэзо-вечер Игоря Северянина, организованный Русским Литературным кружком г. Ревеля при участии певцов З.П.Юрьевской и Ю.К.Эльского.

1923, 7 октября — в Нарве в зале Русского общественного собрания поэзо-вечер Игоря Северянина при участии Ариадны Изумрудной.

1924, 30 января — в Таллинне в концертном зале «Эстония» поэзо-вечер Игоря Северянина при участии квартета «лучших оперных сил» (А.Сяллик, К.Отс, А.Ардер, Б.Ганзен).

10 апреля — в Таллинне в концертном зале «Эстония» прощальный поэзо-концерт Игоря Северянина при участии г-жи Рауловой, Пимсон, Цолтана фон Вазархели и Изеровича.

1 августа — в Нарва-Йыэсуу в кургаузе поэзо-вечер Игоря Северянина.

1925, 12 сентября — в Нарве Игорь Северянин принимает участие в благотворительном вечере в пользу Союза русских увечных воинов в Эстонии.

1927, 17 марта — в Таллинне вечер Игоря Северянина в Литературном кружке Русской гимназии.

30 июля — в Усть-Нарве (Нарва-Йыэсуу) в кургаузе Игорь Северянин выступает с чтением своих стихов на концерте певца И.Ф.Филиппова.

23 октября — в Тарту вечер стихов Игоря Северянина «Классические розы» в зале Русского собрания.

1929, 8 сентября — в Печерах в зале гимназии вечер Игоря Северянина, организованный Печерским русским просветительским обществом, при участии пианиста Всев. Гамалеи.

1930, 20 июля — в Тойла выступление Игоря Северянина и Фелиссы Круут на вечере местного Музыкального общества.

1932, 16 апреля — в Нарве в зале Русского общественного собрания (общество «Святогор») выступление Игоря Северянина на вечере Союза взаимного вспомоществования лиц, принимавших участие в бывшей Северо-западной армии, и Союза русских-эмигрантов в Эстонии.

1935, 10 марта — в Нарве в зале Русского общественного собрания чествование Игоря Северянина в связи с 30-летием его литературной деятельности, на котором с чтением своих стихов выступил юбиляр.

4 мая — в Печерах (Петсери) вечер Игоря Северянина.

8 августа — в Нарва-Йыэсуу в зале виллы «Капричччио» литературно-музыкальный вечер при участии Игоря Северянина, певицы Н.Волконской, скрипача А.Пампеля и пианиста Л.Бика.

1938, 20 января — в Таллинне в обществе «Витязь» Игорь Северянин прочитал лекцию о русской поэзии начала XX в. «Путь к вечным розам».

9 марта — в Нарве лекция Игоря Северянина об эстонской поэзии.

1939, 20 февраля — в Таллинне выступление Игоря Северянина по эстонскому радио с обзором эстонской поэзии.

1940, 17 апреля — в Раквере в гостинице «Дю Нор» литературный вечер при участии Игоря Северянина и В.Адамса (о вечере известно из рекламных объявлений в газете «Вести дня»; состоялся ли он, достоверных сведений нет).

Literature, Culture and Society in the Modern Age. In Honor of Joseph Frank. Stanford, 1991-1992. Vol. 1-2 (Stanford Slavic Studies. Vol. 4: 1-2).

Лазарь Флейшман. Материалы по истории русской и советской культуры. Из Архива Гуверовского Института. Stanford, 1992 (Stanford Slavic Studies. Vol.5).

В серии изданий «Stanford Slavic Studies» за шесть лет ее существования (1987-1992) вышло всего пять книг — правда, в девяти томах, — но каждая из них представляет совершенно особый интерес, приковывая к себе внимание читателей и исследователей всего мира. Отдаленность расстояния и дороговизна делают их особо редкостными гостями в России, хотя, наверное, именно здесь им была бы суждена наибольшая популярность.

Напомню, что деятельность серии была начата выпуском коллективного сборника трудов, так и называвшегося «Stanford Slavic Studies», наполненного разнородным, но одинаково интересным материалом по истории русской культуры XX века.

Второй была издана подготовленная Р.Врооном «Крыса» В.Хлебникова, положившая начало изданиям хлебниковских текстов так, как они были расположены в рукописях самим поэтом. С моей точки зрения, особенности хлебниковской текстологии делают подобные издания обязательным элементом представления его литературного наследства (что, конечно, вовсе не означает, что ими следует и ограничиваться).

Третий выпуск составила подготовленная Ю.И.Абызовым четырехтомная библиография «Русское печатное слово в Латвии», без которой теперь уже невозможно представить себе никакую работу над историей русской культуры вообще и, конечно же, над историей культуры русского зарубежья. По тщательности и объему обработанного материала библиография эта не знает себе равных среди подобных (хотя, конечно, как всякая библиография, она не лишена и отдельных недочетов).

Сегодня мне хотелось бы предложить вниманию читателей обзор двух последних выпусков серии, вышедших в 1991-1992 гг. и еще лишь в очень малой степени известных и доступных русскому читателю, не поддерживающему регулярных связей с заграничными источниками информации. (Пока рецензия готовилась к печати, до меня дошли еще два выпуска, разговор о которых неизбежен в будущем).

Первый из рецензируемых выпусков — двухтомный фестшрифт, посвященный юбилею профессора Джозефа Франка. К сожалению, его имя не пользуется в России особой популярностью, хотя для американских славистов и вообще литературоведов оно относится к числу наиболее славных. Из библиографии, приложенной к первому тому сборника (составлена Андреем Устиновым), можно узнать, что статья «Пространственная форма в современной литературе» перепечатывалась множество раз на разных языках (в том числе и на русском*) и в конце концов стала основой вышедшей в 1991 г. книги «Идея пространственной формы»; его пока что трехтомная биография Достоевского, доведенная до 1865 г., отнесена к числу образцовых в западной славистике, а всего список научных трудов насчитывает более двухсот работ за 1935-1992 г.

Как и в любом сборнике научных статей, посвященных самым различным проблемам, вывести их равнодействующую далеко не просто. Но, думается, вряд ли случайно вторая часть сборника открывается пассажем, принадлежащим перу Джона Малмстада, который вызван собственными его размышлениями над постепенно выстраивающейся документальной биографией Андрея Белого, но имеет, как мне кажется, самое прямое отношение к лучшим статьям всего двухтомника: «Как мы понимаем прошлое? Мы читаем, изучаем, спрашиваем, понимаем — а затем случайная деталь меняет все. Чтобы найти эти детали, биограф должен тщательно исследовать массу материала, все время сознавая возможность причуд истории: она может столь же легко сохранить счет из прачечной, как и ключевой документ, способный все изменить. Прежде чем сам процесс исследования начнется, конечно, должны быть найдены документы и получено разрешение с ними познакомиться. Затем они должны быть расшифрованы и их место в жизнеописании твердо определено. Такая работа в значительной степени проделана для всех крупнейших русских писателей девятнадцатого века. Однако пока наш век приближается к концу, те из нас, кто занят биографиче-

De Visu. 1993. №8(9).
© Н.А.Богомолов.
© Р.Д.Тименчик.

* В сборнике «Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков» (М., 1987).

скими разысканиями о его писателях, по-прежнему стоят лицом к лицу с подобной работой». И далее, делая отсылку к поставленным эпиграфом словам Блока:

А я, печальный, нищий, жесткий
. . . . . .
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю, —

автор продолжает: «Мы должны стоять на "пыльных перекрестках" (неплохая метафора для обозначения архива, советского или любого другого) и наблюдать со смесью восхищения и зависти "царский поезд" биографии, подобной проделанному Джозефом Франком мастерскому объединению описания жизни Достоевского с его социальной и культурной средой, движущийся через ландшафт русской культурной истории, необратимо его меняя».

В два тома вошло около сорока статей, обозреть которые единым взором со-специалиста нет никакой возможности, тем более, что посвящены они чрезвычайно различным темам, далеко не полностью связанным с русской литературой. Поэтому, с облегчением ориентируясь на хронологические ограничения журнала и на собственные интересы, я позволю себе дать перечень содержания всего сборника, но специально остановиться лишь на том, что входит в сферу внимания «DV» и представляется мне особенно принципиальным.

Первый том полностью посвящен проблемам теории литературы, различных национальных литератур и русской литературе XIX века. Открывается он, как я уже сказал, библиографией трудов Джозефа Франка, а за нею следуют статьи (все они, кроме особо отмеченных двух, написаны на английском языке):

Луи Дюмон «Современная идеология и война: Французский случай в сопоставлении с немецким»; Альбан Форничоне «Санчо Панса и сервантесовское воплощение пасторали»; Джон Бендер и Дэвид Уэллбери «Риторичность: О модернистском возврате риторики»; Виктор Бромберт «Георг Бюхнер: Идиома антигероизма»; Пьер Бурдьё «Безбожный демонтаж вымысла: Отрицательная эстетика Стефана Малларме» (статья напечатана на французском языке); Айэн Уотт «Упадок упадка: Заметки о репутации Конрада»; Рене Жирар «Верите ли вы в свою собственную теорию? Французские треугольники в джойсовском Шекспире»; Джон Фелстинер «"Глубоко в добела раскаленном пустом тексте": Переводя позднего Целана»; Петер Альберг Енсен «"Установка на чувственное" в современной литературе»; Р.А.Пис «"Записки из Мертвого дома" Достоевского: "Литературный конструкт"»; Роберт Луис Джексон «Сцена в бане в "Записках из Мертвого дома"»; Жак Катто «Палимпсест глубинных годов в великих романах Достоевского 1866-1879 годов» (статья опубликована на французском); Роберт Л.Белнап «Сюжет "Преступления и наказания"»; Уильям Миллс Тодд III «Критические контексты: Рецензии на "Братьев Карамазовых" в 1879 году»; Кэрил Эмерсон «Достоевский и Мусоргский: На границах полифонии, и как кончаются истории»; Гэри Сол Морсон «Жанр и герой / "Отцы и дети": Межжанровые диалоги, жанровые беженцы и спрятанный прозаик»; Джоан Делоне Гроссман «Трансформации времени в поэтике Тургенева».

Второй том сборника открывается уже процитированными строчками Джона Э.Малмстада, входящими в его большую и важную публикацию «Андрей Белый — материалы для биографии». Немного представляя себе масштабы и объем работы, предстоящей человеку, отважившемуся на жизнеописание Белого, могу сказать, что путь, выбранный его биографом, насколько можно проследить по опубликованным за последнее время Дж.Малмстадом материалам*, сводится в первую очередь к обнародованию и осмыслению документов, позволяющих пересмотреть традиционно сложившиеся воззрения на жизнь и творчество Белого. Важным шагом на этом пути предстает нынешняя публикация, касающаяся того сложнейшего узла, который еще В.Н.Орловым был рассмотрен с заинтересованно блоковедческой точки зрения, следствием чего было стремление безусловно принять сторону одного из участников событий, потрясших как Белого, так и Блока. Публикуемые Малмстадом письма Белого к М.К.Морозовой, матери, А.А.Кублицкой-Пиоттух (несколько ранее эти же письма успел опубликовать А.В.Лавров) и фрагменты «Материалов к биографии», снабженные далеко не исчерпывающим (он потребовал бы места значительно большего, чем весь объем нынешней публикации) комментарием, в котором остро сформулированы положения о смысле и значении личных перипетий в контексте всей биографии Белого, делают гораздо более объемными наши знания обо всей природе символизма как жизненно-творческого метода, где теснейшим образом смыкались личностные переживания, идейные искания, политические воззрения и художественные поиски.

Весьма насыщена концептуальным материалом статья Стефани Сандлер «Каменный призрак: Ахматова, Пушкин и Дон Жуан», где статья Ахматовой о «Каменном госте» рассмотрена на фоне не только ее собственных переживаний второй половины 1940-х гг., что ныне уже новостью не являлось бы, но на фоне всей ее поэзии и особенно того поэтического мифа, который она создавала на основании своих отношений с Гумилевым. Как представляется, параллели выстроены достаточно точно и гипотеза автора выглядит вполне работающей.

Целая группа статей посвящена важнейшей, на мой взгляд, проблеме современного литературоведения, занятого историей русского литературы совет-

* Андрей Белый и антропософия // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1988-1990. [Вып.] 6, 8, 9; К биографии Андрея Белого // Там же. Paris, 1991. [Вып.] 12 (в составе публикации Дж.Малмстада «Из "секретных" фондов в СССР»); Andrej Belyj at Home at Abroad (1917-1923) // Europa Orientalis. 1989. Vol. 8; Andrey Belyj and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 14/15; Silver Threads among the Gold: Andrei Belyj's Pashrin // Cultural Mythologies of Russian Modernism. Berkeley; Los Angeles; Oxford, [1992] и др.

ского периода, которую в самой общей форме можно было бы сформулировать как проблему «писатель и власть», предстающую в самых различных преломлениях. Постсоветское литературоведение, чаще всего занятое стремительной перестройкой и «сменой вех», старается почти всегда осмыслить ее принципиально однозначно: писатель — или борец со сталинщиной и вообще с тем, что называлось советской властью, или же последовательный конформист. На самом же деле автор, погруженный в кипение социальной действительности, часто оказывался в ситуации далеко не однозначной, понять которую можно только при одном условии: при точной трактовке стремительно менявшейся политической коньюнктуры и столь же стремительно возникавших и пропадавших надежд на перемены в жизни страны, а также при внимательном и беспристрастном прочтении текстов, подлежащих вниманию в каждом конкретном случае.

К статьям такого рода в сборнике относится работа Алекса де Йонге «Как закалялось стихотворение: Мандельштам и Островский», где весьма убедительно показывается, как в тексте знаменитого стихотворения «Как по улицам Киева-Вия...» отразилось внимательное чтение Мандельштамом романа Н.А.Островского «Как закалялась сталь», так часто кажущегося нам находящимся за пределами литературы. Видимо, для Мандельштама он(наряду с фильмом «Чапаев») таким не был. И все общее стремление Мандельштама ощутить себя плотью от плоти того народа, который он видел вокруг себя в тридцатые годы, далеко не сводится к осознанному противостоянию власти Сталина и его клики, а включает в себя и совершенно искренние попытки убедить себя в необходимости именно такого способа управления.

Единственное, пожалуй, серьезное возражение автору статьи возникло у меня при одном из его сопутствующих рассуждений, когда строка «Что ни казнь у него, то малина» возводится к пассажу из «Князя Серебряного»: «Казням не было конца. Что день, то кровь текла и на лобном месте, и в тюрьмах, и в монастырях. Что день, то хватали боярских холопей и возили в застенок». Думается, что параллель между «что день» и «что ни казнь» искусственна, а слово «малина», конечно, относится не к цвету крови, а разносится по двум лексическим рядом: с одной стороны — к фразеологизму «не жизнь, а малина», а с другой — к блатной «малине».

К этой же серии статей относится работа Л.Флейшмана «Пастернак и Ленин». В книге — и замечательной книге! — «Борис Пастернак в двадцатые годы» поэма «Высокая болезнь» практически не анализировалась, а следовательно и отношение Пастернака к революции выглядело несколько упрощенным. Даже в изданной в 1990 г. книге «Борис Пастернак: Поэт и его политика» имя Ленина чаще всего упоминается мимоходом. Здесь же, пользуясь методом, уже опробованным в книге «Борис Пастернак в тридцатые годы» и давшим там блистательные результаты, Л.Флейшман восстанавливает контекст двух прямых упоминаний Ленина в стихах и прозе Пастернака и приходит к глубокому выводу: «Революционный вождь стал неотъемлемой частью понятия интеллигенции, с ее "музыкою мысли" и одним из ее непреодолимых мотивов — мотивом "сыпучего самосверганья". <...> Новая характеристика Ленина, далеко уйдя от инвектив, появившихся в ответ на Октябрьский переворот, сохраняла внутренне нестабильную, "движущуюся" природу. Как и в большинстве других случаев у поэта, перед нами не проповедь, отлитая в твердые формы, а "фигура недоумения", непрекращающаяся, неотвязчивая импровизация, сводящая воедино потенциально несовместимые смыслы».

В известном смысле к этой же линии примыкают и две статьи Григория Фрейдина под общим заглавием «Вопрос возвращения», но с разными подзаголовками: «О поколении, сохранившем своих ученых: Виктор Шкловский и Роман Якобсон в 1928—1930 гг.» и «"Великий перелом" и Запад в биографии И.Э.Бабеля начала 1930-х годов». Обе они базируются на тщательно трактованном документальном материале, рассмотренном во всем богатстве связей как с биографиями, так и с творчеством авторов, заинтересовавших исследователя. Материалы, на которых основаны статьи, уже отчасти были известны, однако тот угол зрения, под которым они рассмотрены, принципиально нов и дает очень многое для воссоздания литературно-политической обстановки в СССР конца 1920-х и самого начала 1930-х гг., которую мы все представляем в общих чертах, но очень плохо различаем в исторический конкретности.

Еще одна большая группа материалов, включенных в сборник, представляет собою скорее публикации, то заключенные в статейную форму (и тогда к ним можно причислить и статьи Г.Фрейдина), то публикации в чистом, классическом виде. К этой группе относятся: «Борис Пастернак и группа "Transformation"» (Л.Флейшман), где основой является обнаруженное в частном архиве письмо Пастернака к Г.Риду и С.Шиманскому; «К биографии периода и поэта: Письма Довида Кнута. 1941-1949» (Рут Ришин), где публикуются письма к М.Алданову, А.Даманской и Ирине Яссен (всего 22 письма); «Военные годы Иванова-Разумника: Переписка с Н.Берберовой» (Ж.Шерон), куда вошло 11 писем, по большей части насыщенных чрезвычайно интересными подробностями, относящимися к довольно туманному для исследователей германскому периоду жизни Иванова-Разумника.

Как и положено в сборниках такого рода, материал подан практически образцово. Комментарии к текстам бывают то более, то менее развернутыми, но в любом случае они позволяют читать письма в широком контексте русской культуры.

Наконец, в книге напечатан ряд статей, которые, безусловно, заинтересуют специалистов по творчеству соответствующих авторов, я же позволю себе лишь перечислить их: Джон Э.Боулт «От практики к теории: Владимир Татлин и Николай Пунин»; Хенри Джиффорд «Мандельштамовский "Разговор о Данте"»; М.Л.Гаспаров «Эволюция стиха Б.Пастернака»; Виктор Эрлих «Маски Михаила Зощенко»; Витторио

Страда «"Великолепное презренье"» (статья посвящена роману Булгакова «Мастер и Маргарита»); Эдвард Браун (увы, на контртитуле книги, одним из редакторов которой он был, его фамилия уже заключена в черную рамочку) «Набоков, Чернышевский, Олеша и дар зрения»; Ирина Паперно «Как сделан "Дар" Набокова»; Кларенс Браун «Oratio nabokoviensia»; Эндрю Вахтель «Пространственность в русском эпико-историческом романе: Толстой, Гроссман, Солженицын»; Джон Б. Данлоп «Солженицынский канон возвращается на родину»; Гейр Хьетсо «Советский взгляд на Гоголя сегодня»; Эллен Чансес «Остров и океан: Андрей Битов и его "аллюзии" на Достоевского. Значение Достоевского для произведений Битова». Для полноты обзора отмечу, что статьи Л.Флейшмана, Г.Фрейдина, М.Гаспарова и В.Страды написаны по-русски, остальные — по-английски.

Как легко можно увидеть, недавний фестшрифт Стэнфордского университета предлагает читателю чрезвычайно богатый и разнообразный материал для чтения, обсуждения и помощи в работе, который по-настоящему можно оценить только регулярно им пользуясь.

Столь же высокой оценки заслуживает и последний известный мне выпуск серии «Stanford Slavic Studies», книга довольно неожиданная, поскольку до некоторой степени меняет представление и о самой серии, и о своем авторе.

Книга эта принадлежит перу (компьютеру?) Лазаря Флейшмана и называется: «Материалы по истории русской и советской культуры: Из Архива Гуверовского Института».

Такое заглавие, как кажется, еще не дает ничего неожиданного: к подобным публикациям Л.Флейшмана мы давно привыкли, да и к материалам Гуверовского Института он обращается далеко не впервые: и сборник «Русский Берлин», подготовленный Флейшманом совместно с Р.Хьюзом и О.Раевской-Хьюз, был основан на материалах коллекции Б.Николаевского, хранящейся в Институте, и превосходная публикация писем Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве в первом томе «Stanford Slavic Studies» также представляла документы, хранящиеся в Стэнфорде. Но поражает, что впервые, кажется, авторитетный исследователь обратился к материалам, связанным не с жизнью и творчеством Б.Пастернака, как это бывает чаще всего, не с проблемами литературы русской эмиграции или русского модернизма, даже не с поэтикой русского романтизма XIX века, а с биографией Максима Горького и с деятельностью Дж. Фримена, одного из виднейших деятелей «американской пролетарской литературы». Без малого триста страниц книги занято публикациями писем Горького к В.Л.Бурцеву, Х.Житловскому и Ф.В.Волховскому, а также переписки Дж. Фримена с Б.Пильняком, С.Динамовым и С.Эйзенштейном.

Вместо изысканной корреспонденции — перед нами письма далеко не самых популярных ныне авторов, пронизанные политическими аллюзиями, нередко затемненные советской и квазисоветской риторикой. Письма Горького криптографически сухи, переписка из архива Фримена (на русском и английском языках) связана, казалось бы, с давно ушедшими в историю проблемами. И на первый взгляд, выглядит не очень понятным, с какой стати исследователь, сделавший себе научное имя публикациями, связанными прежде всего с литературой русского модернизма, столь тщательно всматривается в проблемы, никак не входившие прежде в круг его внимания.

Как мне представляется, новая книга Лазаря Флейшмана дает всем ее читателям образец честного отношения к своему научному делу, — это главное достоинство впечатляющего текста.

Литература состоит не только из того, что нам нравится, что мы будем перечитывать в трудную минуту, но и из того, что нам хотелось бы безоговорочно отвергнуть, закрыть глаза, сделав вид, что ничего подобного не существовало: был Пастернак, но не было Авербаха, был Трифонов, но не было Кочетова, модернизм существовал сам по себе, лишь презрительно отбрасывая в сторону Горького или Серафимовича. А уж если у Горького что-нибудь и можно взять, так разве что «Несвоевременные мысли» да несколько рассказов первой половины 1920-х гг.

А между тем такой подход заведомо неправилен, поскольку искажает реальную картину существования литературы, делает ее упрощенной и уплощенной. Скажем, творческая деятельность Ильи Эренбурга в 1940-е гг. может казаться нам примитивной, не заслуживающей никакого внимания, а его сотрудничество в разного рода международных комитетах — чрезвычайно подозрительным по тем задачам, которые писатель явно исполнял там. Но оставить ее без внимания и тщательного изучения — значит не понять очень и очень многого в литературе времени, да и не только в литературе, но и во всей общественной жизни. Не перечитав груды макулатуры 1940-1950-х гг., мы не будем в состоянии понять ни «Жизни и судьбы», ни «Не хлебом единым», ни даже — страшно сказать! — «Доктора Живаго», тоже нуждающегося в серьезном рассмотрении на фоне современной ему литературы.

Истинному исследователю, желающему постигнуть законы целой эпохи, без чего невозможно разобраться в закономерностях существования литературы, неминуемо надо продираться через канцелярит, через мертвые слова, через отвратительные лозунги, через передергивание фактов, через доносы и через многое другое. В его сфере внимания должны оказаться и человеческие амбиции (скажем, в случае с ожидавшейся, но не полученной Твардовским звездой Героя Социалистического Труда или партийным то фавором, то не фавором), и лживость, и предательство, и множество всякой грязи. И все-таки исследовательская честность обязывает через все это пройти, чтобы добиться воссоздания более или менее точной картины культуры той страны, историей которой автор занимается.

С моей точки зрения, Л.Флейшман выполнил эту задачу образцово. Собственно говоря, это определяется уже самим внутренним раскладом книги: на ее

довольно большом пространстве опубликовано всего тридцать шесть не слишком протяженных писем (иногда даже просто записок), все же остальное занято вводными статьями и комментариями, настолько насыщенными, что после чтения книги чувствуешь физическую усталость не столько от процесса ворошения страниц (без чего не обойтись, чтобы не упустить сведения, щедро рассыпанные в примечаниях), сколько от обилия фактов, впервые узнаваемых и приводимых в систему жесткой волей публикатора и комментатора.

Его исследовательская честность заключается не только в том, что он не смог пройти мимо нескольких попавшихся под руку документов, но и в том, что он вскрыл обширнейшие пласты культуры, которые этими документами хотя бы слегка задеваются. Тот метод, который сделал книги Флейшмана о Пастернаке неоценимыми для читателя, желающего понять историю всей русской литературы того времени, когда жил и писал поэт, применен здесь в полной мере к материалу, казалось бы, принципиально иной степени интересности и значимости. Но как в книгах о Пастернаке автор сопоставлял известные нам хотя бы по мимолетным упоминаниям эпизоды жизни поэта с массой документальных свидетельств, позволяющих прояснить смысл тех или иных поступков, стихов, высказываний, так и в публикациях нынешней книги он выстраивает с полным тщанием биографии совершенно забытых людей, отыскивает намеки, не видные обычному глазу, расшифровывает то, что должно было быть понятно лишь двоим, проходит по лабиринтам советской литературной политики как лежащей на поверхности и отраженной в опубликованных документах, так и спрятанной от постороннего глаза.

К примеру, нельзя сказать, чтобы фигура Джозефа Фримена относилась к числу самых приятных в литературном мире. Л.Флейшман справедливо пишет о том, что «...общая картина советской литературной действительности во многом формировалась у него под влиянием партийных функционеров и рапповских критиков, ведавших международными культурными контактами и специализировавшихся на западной "пролетарской" литературе (Сергей Динамов, Иван Анисимов, Осип Бескин)». Не случайно он вспоминает и эпизод, когда «накануне визита Теодора Драйзера в СССР Фримен послал своему московскому другу Сергею Динамову конфиденциальное предупреждение о недостаточной коммунистической ортодоксальности идеологических позиций гостя» (с. 148). Но ведь именно через Фримена шли контакты с Америкой таких не безразличных для русской культуры творцов, как Пильняк, Эйзенштейн, Мейерхольд и др. Именно с ним они поддерживали контакты во всех трудных случаях, на его деловую хватку рассчитывали, его связями в специфическом американском культурном мире пользовались. Поэтому рассказать о его деятельности, точно и в то же время по-научному беспристрастно определив ее суть, — задача, достойная самого серьезного исследователя.

Не буду пересказывать содержания отдельных документов и комментариев к ним: каждая их группа образует собственный сюжет, который развивается последовательно, причем развивается не только как движение самих документов, но и как движение исследовательской мысли. Я с такой настойчивостью говорю именно об исследовательском начале в публикаторской деятельности Л.Флейшмана, потому что он является одним из наиболее ярких представителей той школы комментирования, которая была создана в условиях жесткого идеологического давления на ученых, работавших в СССР. Но даже после того, как это давление было устранено, осталось замечательное умение в рамках комментария писать самое настоящее исследование, нередко стоящее большой монографической работы. Вряд ли стоит лишний раз приводить примеры именно такого подхода к изданию самых различных текстов, — они достаточно известны. И работа Л.Флейшмана, в этом отношении, притворяясь скромной публикаторской и комментаторской, на деле оказывается еще одной полноценной книгой, дающей своему читателю нисколько не меньше, чем давали его прежние книги, занимающие на полках частных и общественных библиотек место в ряду самых часто употребляемых.

Н.А.Богомолов

О Гумилеве и Африке

Аполлон Давидсон. Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1992.

Книга Аполлона Давидсона написана с легкостью, без принуждения, и по сути дела письменный дискурс в ней без боя уступает как бы устному. Автор смотрится не столь хронистом и библиографом, сколь рассказчиком и собеседником, вольно и со вкусом прогуливающимся в живописных окрестностях темы. Все это навевает память о неспешных, слегка вольнолюбивых, с приличествующей сенсационностью и уютной экзотичностью, московских разговорах минувших подсоветских времен. Беседа приятна, собеседник интересен и информационно хлебосолен, посему чувство застольной благодарности обязывает, дождавшись вынужденной паузы, встрять (как рекомендуется в одном романе: именно в главе «Муза дальних странствий») фразой «А вот мне рассказывали!».

Но прежде чем поделиться тем, что, с известной долей необязательности, может быть вставлено в паузы рассказчика, во исполнение долга рецензента отмечу несколько незначительных неточностей, пренебрегаемых в устном дискурсе, но порядка ради подлежащих устранению в письменном сообщении.

Татьяна Яковлева (с.272) не дочь художника Александра Яковлева, имя Н.Минского вследствие описки заменено именем В.Шкловского (с.248), имя дворянина Михаила Лозинского по недоразумению помещено в ряд еврейских имен (с.198), очерк В.Нарбута «Город раса Маконена» (с.222) не публиковался в «Речи», просто эта рукопись сохранилась в архиве газеты, а опубликован он в журнале «Весь мир» (1913. №20), история поездки Нарбута в Абиссинию изложена по Георгию Иванову (с.152), в очередной раз надувшему доверчивых любителей прошлого[1]. Бакст и Дункан не посещали Одессу одновременно с Гумилевым (с.155), имена их в гумилевском письме к Ахматовой из Одессы означают их присутствие в тезисах предстоящего доклада Веры Инбер[2]. Но, повторяю, это огрехи более или менее пустяковые.

В уклонение от рецензентской повинности не стану затевать дискуссию о методике восстановления духовного пути по казенным документам. Мне, например, кажется, что умозаключать от тройки по Закону Божьему к слабости верноподданических чувств (с.219) теоретически неправомерно («...согласитесь, А.Б., что просмотр аттестатов зрелости патриотов, он ведь мог бы...»), но опять-таки не стал бы из-за этого перебивать увлекательного рассказчика.

А вот из того, что «мне рассказывали», я бы хотел добавить несколько второстепенных, но на мой взгляд любопытных деталей.

К теме противоречий в общественных симпатиях Гумилева (с.218-220). Вероятно, подход поэта, подчеркнем, поэта — точно описан в его признании 1917 г. В.Л.Кибальчичу: «Я — традиционалист, монархист, империалист, панславист, я — типичный русский, такой, каким его сделало православие. Вы — тоже типичный русский, но противоположной крайности, со стороны стихийной анархии, слепого разгула страстей, беспорядочных верований... Я люблю в России все, даже то, против чего я хочу бороться, то, что воплощаете вы...»[3].

К «африканской» теме у Гумилева. Уже забытое, хоть и сравнительно недавнее свидетельство Ирины Одоевцевой о якобы напечатанном в 1916 г. (как ей казалось в «Биржевых ведомостях») рассказе Гумилева «Ленивец и Пальма», который она пересказала вкратце:

«Два петероуржца с неправдоподобными фамилиями Ленивец и Пальма начинают без видимых причин чувствовать себя необычайно — Пальма худеет и слабеет, Ленивец испытывает несвойственный ему прилив сил и энергии. Чтобы поправить здоровье и набраться новых впечатлений, Пальма отправляется с ученой экспедицией в Африку. Но и это не помогает. Ему становится хуже. Все же он, из последних сил, решает принять участие в охоте на львов. По дороге он видит прекрасную пальму с траурно повисшими почерневшими листьями. Негр-проводник объясняет ему, что к верхушке пальмы присосался зверь ленивец и пьет ее соки и что пальма обречена на неминуемую гибель, так как негры из суеверия не убивают ленивцев. Пальма — герой рассказа — ловким выстрелом сбивает ленивца с пальмы-дерева. Ленивец падает мертвым к его ногам. После чего Пальма поправляется не по дням, а по часам. Вернувшись в Петербург здоровым и окрепшим, он узнает, что Ленивец недавно скоропостижно скончался»[4].

К эпизоду «африканского доклада» в редакции «Аполлона» 5 апреля 1911 г., к сожалению, слишком уж бегло упомянутого (с.111). Теперь мы больше знаем об этом докладе и, соответственно, о гумилевских приключениях 1910 г. в Абиссинии благодаря публикации К.Ю.Лаппо-Данилевского[5]. Недавно Н.М.Иванникова указала на публикацию в «Синем журнале» (1911. №8. С.12), где воспроизведены пять привезенных Гумилевым абисссинских картинок[6]. Вероятно, эти картинки демонстрировались во время названного доклада. Объяснения, опубликованные в журнале, записаны со слов Гумилева, а может статься, и его рукой. Поэтому эти подписи под картинками есть резон ввести в маргинальные разделы корпуса гумилевских текстов:

«1. Лев с крестом. Лев — символ Абиссинии; увенчание его розами — фантазия художника. Абиссинцы особенно охотно подчеркивают свою принадлежность к христианскому миру.

2. Созерцание кометы в абиссинской деревне. Кстати сказать, познания абиссинцев в области астрономии равны нулю. Абиссинцы — странный народ, религия их не глубока, особых верований и легенд у них не существует вовсе.

3. Раб, копающий ров вокруг лагеря в пустыне.

4. Царица Савская и Соломон (триптих). Картина: прибытие Царицы в сопровождении своей абиссинской свиты ко двору царя Соломона; вторая часть: искушение Соломона царицей Савской; третья часть: царь Соломон благословляет сына своего от царицы Савской — первого абиссинского негуса Менелика I, над которым парит шестикрылый ангел. По заключению большинства современных ученых, царица Савская была родом из Йемена (на юго-западном берегу Аравийского полуострова), но мнение о том, что она была абиссинкой, крайне распространено среди ученых абиссинцев.

5. Пророк Самуил верхом на льве. Известное учение о том, как пророк Самуил оказался нетронутым в пещере со львами, натолкнуло абиссинского художника на мысль изобразить пророка в этом необычном виде.

Нимб (ореол) над головой Самуила, а также царицы Савской — эмблема святости. Царица Савская по абиссинским верованиям — святая, что не должно особенно удивлять русского читателя, т.к. у нас есть святая кн. Ольга Премудрая, не признаваемая однако родственной греческой церковью.

Существуют две школы (теченья) живописи: гондарская с большим влияньем европейцев (изящная и с уклоном к реализму) и анксберская (византийское влияние, живопись чаще всего церковная) — искусство крайне древнее; но памятников старинных почти не сохранилось».

Картина № 4 (триптих), видимо, все же не должна отождествляться с той, что, по свидетельству

Ахматовой, была подарена Б.А.Тураеву[7]. Этот триптих, вместе с картинкой № 1, и есть те «образчики абиссинской живописи», на которые как на источник образов указал Вячеслав Иванов в примечании к своим газеллам «Роза Царицы Савской»:

Лев, ангел Абиссинии,
в тройном венце из роз.
Зардели своды синие
в тройном венце из роз.

Летят шестикрылатые
ко льву из алых врат,
Как радуги павлинии,
в тройном венце из роз.

На дикой гриве, вздыбленной,
почил Господень крест,
Как жезл, процветший в скинии,
в тройном венце из роз.

Царица, гостья Савская,
с кольцом Давидов сын
Лежат в златом триклинии,
в тройном венце из роз.

Ревнуют внуки смуглые
с тройным уступом гор
О древлем благочинии,
в тройном венце из роз.

То негусы, властители
низин, что топчет слон,
И скал, где пард и пинии,
в тройном венце из роз;

Колено Соломоново,
монархи бездн и круч,
Где кедр, да ветр, да инеи,
в тройном венце из роз.

В объяснении картинки № 5, по-видимому, мы встречаем странную ошибку памяти, совместившую Даниила во рву львином с эфиопским святым, абуной Самуилом, который употребил благодать на укрощение диких зверей, и львы следовали за ним яко овцы[8]. Общие сведения об абиссинской живописи Гумилев получил, по-видимому, от Александра Кохановского, который три года спустя в очерке «Искусство Абиссинии»[9] говорил о трех влияниях в тамошней живописи: итальянском («При взгляде на абиссинских Мариам нельзя в них не найти сходства с итальянскими Мадоннами»), византийском («Застывшие формы на некоторых изображениях святых, сияния и фон картин, стремление передать одно духовное, аскетическое начало и страх телесного...») и «негритянского культа» («При взгляде на абиссинского черта нельзя не найти в нем огромного сходства с деревянными идолами Центральной Африки»). К теме об Африке в поэзии русского модернизма я бы обратил внимание на путешествие поэта Алексея Масаинова в Джибути и его очерк о сомалийском поэте Умаре «Черный Бальмонт» (Синий журнал. 1914. №11. С.6-7); обращу попутно внимание и на его, «параллельное» гумилевскому, стихотворение 1914 г. «В Красном море» (Острова очарований. Альманах. Пг., 1917. Кн.2. С.53).

Естественным, я думаю, образом волнует и тема русских в Абиссинии, например, упомянутый в книге (с.97-98) Трофимов. Названный там же (с.298—299) П.П.Булыгин[10] (автор стихотворения «Я Гумилева не встречал...»[11], отвечающем на вопрос «не под влиянием ли Гумилева Булыгин переселился в Эфиопию?»), рассказывал в одном из десятка своих абиссинских очерков: «...сидел я <...> и читал Мольера, несколько переплетенных книжек которого достались мне в наследство от бывшего десять лет тому назад моего предшественника — донского сотника Трофимова. "Мишель" оставил абиссинцам исключительно хорошую память о себе, а мне — ящик с книгами...»[12]. Русская колония в Абиссинии бегло описана в романе А.Ренникова «За тридевять земель» (Белград, 1926). Верно предположение А.Давидсона о приездах в Адис-Абебу великого князя Александра Михайловича — один из них описан в очерке, автором которого, я полагаю, был А.В.Руманов[13]. Для нашей темы интересна и фигура Ольги Гогиной, художницы, сотрудницы Абиссинского отделения Института восточных языков в Париже, в начале 1930-х гг. переводившей Пушкина на один из эфиопских языков.

Что же касается еще одной перспективной темы, боком затронутой в книге, — образ Гумилева в эмигрантской поэзии, — охватывающей, действительно, множество текстов от стихов настоящих до забубенного графоманства брюссельского корнета Дмитрия Любищева —

Я безусловно эксцентричен,
Как бездна адская глубок,
Мечтой узорной экзотичен,
На Гумилева есть намек, —

то здесь немало можно было бы сообщить, чтоб разговор поддержать, но эту беседу, видимо, следует отложить до выхода анонсированного попутно (с.285) сборника «Образ Гумилева».

Книга Аполлона Давидсона с ее открытиями, догадками, предположениями и подсказками, пожалуй закрывает первый, собирательский этап изучения этой темы. В продолжение исследования хотелось бы видеть когда-нибудь собрание соответствующих этой теме сочинений Гумилева, прокомментированных специалистами-африканистами. Я имею в виду казусы вроде того, на который указал мне Томас Венцлова, — сикомора, упомянутая во «Вступлении» к сборнику «Шатер», является и до сих пор одним из туристических объектов в Египте, в деревне Эль-Матария. И только после того, как будет добыто предметное понимание гумилевских текстов, можно будет попытаться реконструировать содержание гумилевской «теософии»[14].

1. См. комментарии Н.А.Богомолова в кн.: Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С.559.

2. См.: Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. М., 1991. Т.3: Письма о русской поэзии. С.339.

3. Serge V. Memoires d'un revolutionnaire. Paris, 1951. P.68. Цит. русский перевод по: Сречинский

Ю. Новое о Гумилеве // Новое русское слово. 1972. 28 мая.

4. Одоевцева И. О Гумилеве // Новое русское слово. 1968. 27 октября.

5. Лаппо-Данилевский К.Ю. Новонайденный конспект выступления Н.С.Гумилева в редакции журнала «Аполлон» 5 апреля 1911 г. // Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С.101-103.

6. De Visu. 1993. №6(7). С.13. В московском трехтомнике Гумилева (с.369) ссылка на «Синий журнал» содержит опечатку.

7. Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С.419. Здесь, кстати, при воспроизведении заметки Ахматовой «Гумилев и Африка» почему-то опущена фраза, относящаяся, видимо, к предметам, привезенным Гумилевым из Африки — «Забавны плакаты — запрещенье охот» (см.: РГАЛИ, ф.13, оп.1, ед.хр. 107, л.15 об.) В «Африканском дневнике» Гумилева речь идет о двухчастном складне — Дева Мария и святой Таклихайманот.

8. См. например: Fisseha G., Raunig W., Stein W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Frankfurt/Main, 1985. S.179.

9. Весна. 1914. №1. Стлб.73-98. В этом очерке содержится и оценка «Абиссинских песен» Гумилева, написанных в 1910 г., между первой и второй поездками в Абиссинию, но опечатка в имени поэта грозит вывести этот очерк из поля зрения библиографов: «...чтобы иметь представление о характере абиссинской песни, следует прочесть 4 песни абиссинских Н.Гуляева (именно так! — *Р.Т.*). Хотя они — оригинальные произведения нашего поэта, но в них превосходно переданы неожиданные переходы, сдерживаемая сила и страстность и глубокая горечь, выступающие выпукло на игривой форме; средством выражения нашему поэту, как и абиссинцу, служат самые простые слова и образы» (стлб. 82).

10. См. перечень его очерков об Абиссинии: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 г. Stanford, 1990. Ч.I. С.214-216.

11. Булыгин П. Янтари. Рига, 1937. С.99. Стихотворение входит в цикл «Чужие звезды. Абиссиния. 1924-1934. Памяти Н.Гумилева». Ср. в другом стихотворении этого цикла (с.128): «Я люблю вечерами сидеть у огня. // Здесь недавно еще Гумилева встречали, // А теперь эти звезды ласкают меня».

12. Булыгин П. Леваша. Письмо из Абиссинии // Слово. Рига, 1928. №754. 26 января. Пространный именних см. в его же статьях «Русские в Абиссинии» (Сегодня. Рига, 1928. №165. 21 июня) и «Чем занимаются русские в Абиссинии» (Там же. №172. 29 июня).

13. А.Р. В гостях у раса Тафари. Русские в Абиссинии // Иллюстрированная Россия. 1928. №45. Ср. также стихотворение П.Булыгина, адресованное Е.И.В. великому князю Александру Михайловичу в июне 1932 г. в Адис-Абебе (Булыгин П. Янтари. С.40). На самом деле в эмигрантской прессе появлялось много материалов об Эфиопии и в том числе о тамошней русской колонии. Укажу наудачу: Гелич И. Москва в Абиссинии // Возрождение. Париж, 1930. 7 мая; Ткачев В. Столица царя князей: Поездка в Эфиопию // Там же. 1932. 18 апреля.

14. Так Гумилев называл область знания, связанную с его африканскими поездками и обсуждавшуюся в разговорах с В.К.Шварсалон в 1909 г. К сожалению, в моей публикации писем Гумилева к Вяч.Иванову (Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т.LXIV. №1. С.63) это слово прочитано неправильно и заменено более привычным «теософия».

Р.Д.Тименчик

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Волошин М. Дом поэта / Сост., вступит. ст. и примеч. Н.А.Гончар-Ханджян. — Ереван: Наири, 1993. — 320 с. — Тираж 10000 экз.

В книгу включены две автобиографии поэта, стихотворения и поэмы разных лет (печатаются большей частью по московским и ленинградским изданиям 1988-1989 гг.) В качестве приложения дается очерк М.Цветаевой «Живое о живом». Специальный раздел книги — «М.Волошин и М.Сарьян»; в него вошли статьи Волошина «Художественные итоги зимы 1910-1911 гг.» и «М.С.Сарьян», отрывок из воспоминаний М.Сарьяна, а также статья В.Купченко «М.Волошин и М.Сарьян», построенная на архивном материале (перепечатывается из сборника: Литературные связи. Ереван, 1977. Т.2: Русско-армянские литературные связи).

Книга сдана в набор в ноябре 1991 г., подписана в печать — в июне 1992-го.

Прочное звено: Страницы русской поэзии / Сост. А.Н.Семенов. — Рига: Звайгзне, 1992. — 288 с. — Тираж 10000 экз.

В антологию, утвержденную Министерством образования Латвийской республики в качестве «учебного пособия», вошли стихи В.Соловьева, И.Анненского, Ф.Сологуба, Д.Мережковского, Вяч. Иванова, К.Бальмонта, З.Гиппиус, Ю.Балтрушайтиса, М.Кузмина, М.Волошина, А.Белого, Саши Черного, Н.Клюева, В.Хлебникова, Н.Гумилева, В.Ходасевича, Игоря Северянина, А.Ахматовой, Б.Пастернака, О.Мандельштама, М.Цветаевой, В.Набокова, М.Петровых и др.

Русский уголовный роман: Антология / Сост. Б.Герцензон; Вступит. ст. О.Кустовой. — СПб.: Лира, 1992-1993. — Т.1-3.

Т.1. Гейнце Н. Цветы и слезы: (Под чужой волей): Роман; Шкляревский А. Секретное следствие: Повесть. — 400 с. — Тираж 40000 экз.

Т.2. Животов Н. Тайны Малковских трущоб: Игнатка-горюн; Душегуб: Романы. — 544 с. — Тираж 85000 экз.

Т.3. Лавров А. Царица хунхузов: Роман-дайджест; Кормчий Л. Дочь весталки: Роман. — 496 с. — Тираж 85000 экз.

В трехтомнике представлены авторы, пользовавшиеся некогда широкой известностью: А.А.Шкляревский (1837-1883), Н.Э.Гейнце (1852-1913), А.Лавров (псевд. А.И.Красницкого; ? — 1917) и др., о которых составителю и автору предисловия почти ничего выяснить не удалось. В предисловии со ссылками на Ю.Лотмана и Н.Зоркую аргументировано говорится о необходимости изучения (= издания?) «массовой культуры», «расширяющей контекст литературного процесса эпохи» и т.п.

Старый русский детектив: Сб. — Житомир: ТПЦ «Олеся», 1992-1993. — Вып. 1-5.

Вып. 1 / Сост., предисл. О.Краснолистова; Примеч. Е.Машкирова. — 272 с. — Доп. тираж 30000 экз.

Вып. 2 / Сост., предисл. О.Краснолистова, Е.Машкирова; Примеч. Е.Машкирова. — 204 с. — Доп. тираж 30000 экз.

Вып. 3 / Сост., предисл. О.Краснолистова, Е.Машкирова; Примеч. Е.Машкирова. — 282 с. — Доп. тираж 30000 экз.

Вып. 4 / Сост., предисл., примеч. О.Краснолистова, Е.Машкирова. — 288 с. — Тираж 50000 экз.

Вып. 5 / Сост., предисл., примеч. О.Краснолистова, Е.Машкирова. — 288 с. — Тираж 50000 экз.

В пятитомник вошли произведения А.Е.Зарина (1862-1929), П.Никитина, А.С.Панова, А.Н.Цеханович (1862-1897), П.Орловца (псевдоним П.П.Дудорова; 1872-?), Н.Д.Ахшарумова (1820-1893), Романа Доброго (псевдоним Р.Л.Антропова; 1876? — 1913), В.Александрова, А.И.Буткова, М.Д.Ордынцева-Кострицкого (псевдоним М.Д.Ордынцева; 1887 — после 1938), А.А.Шкляревского, А.Ф.Кошко (1867-1928). Издание подготовлено с той же основательностью, как и проаннотированный выше трехтомник. Однако, как сообщили нам с сожалением составители, текст включенных в издание произведений пришлось подвергнуть некоторой стилистической правке.

Запад на Востоке: Русские писатели XX века о западноевропейской литературе: Хрестоматия. — М.: Изд-во МПИ «Мир книги», 1992. — 172 с. — Тираж 1500 экз.

Хрестоматию, «рассчитанную на преподавателей и студентов высших учебных заведений», открывает вступительная статья, в которой, в частности, так обосновываются задачи и состав издания: «Парадок-

De Visu. 1993. №9(10).
© Агентство «Алфавит», «De Visu».

сально <..> то, что на протяжении долгого времени отношения западноевропейской и русской литературы находились на периферии нашего литературоведения и почти не находили отражения в историко-литературных курсах, читаемых в высших учебных заведениях. Впрочем, этому легко найти объяснение, если вспомнить "борьбу против низкопоклонства перед Западом", <...> целью которой было создание духовного "железного занавеса" между нашей страной и Западной Европой. Цель нашего сборника — содействовать окончательному падению этой духовной преграды и созданию "общеевропейского дома" <...>».

В полном соответствии с сформулированными задачами в сборнике представлены, как извещают составители, «статьи русских писателей XX века или вовсе не издававшиеся на протяжении многих десятилетий, или же не всегда доступные широкому кругу читателей»: Л.Толстого «О Шекспире и о драме» (предисловие и примечания А.Парфенова), И.Анненского «Гейне Прикованный» и «Генрих Гейне и мы» (предисловие и примечания В.Пронина), А.Блока «Генрих Ибсен», «От Ибсена к Стриндбергу» и «Памяти Августа Стриндберга» (предисловие и примечания Т.Вознесенской), Д.Мережковского «Монтень» (предисловие и примечания И.Созоновой), О.Мандельштама «Франсуа Виллон», «Заметки о Шенье» и «Девятнадцатый век» (предисловие и примечания И.Сушилиной), Е.Замятина «Герберт Уэллс», «О.Генри» и предисловие к книге Д.Лондона «Сын волка» (предисловие и примечания Т.Давыдовой).

Фоменко И.В. Лирический цикл: Становление жанра, поэтика / Тверской гос. ун-т. — Тверь, 1992. — 124 с. — Тираж 300 экз.

Работа представляет собой опыт толкования авторского лирического цикла как особого литературного явления. Подробно рассматриваются генезис этого явления, его жанровое содержание, поэтика («Содержание понятия "лирический цикл"», «Трансформация жанрового мышления и формирование авторских контекстов», «Становление поэтики лирического цикла», «Лирический цикл как художественная система»). Исследование основывается большей частью на поэтических текстах XIX века, а также книгах (циклах) В.Брюсова, А.Блока, К.Бальмонта, В.Луговского.

Литературный процесс: Традиции и новаторство: Межвуз. сб. науч. трудов. — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1992. — 256 с. — Тираж 500 экз.

Статьи сборника посвящены преимущественно русской и зарубежной литературе XIX в. К тематике «DV» относятся работы: Казакова Н.А. «Пьеса С.А.Найденова "Дети Ванюшина" и традиции "новой драмы"» (с.94-104); Григорьева Л.П. «Традиции фантастического в новеллистике А.Грина» (с.149-159); Макарова И.Н. «Художественное своеобразие повести А.Платонова "Ювенильное море" в аспекте литературной традиции» (с.159-178); Чебрикова Е.В. «Традиции И.Бунина в творчестве Ю.Казакова» (с.210-224); Галимова Е.Ш. «Даль общения или груз наследия? (О роли традиции в развитии советской литературы)» (с.235-254).

Медведева И. [Д*]. Стремя «Тихого Дона». 2-е изд. — М.: Горизонт, 1993. — 128 с. — Тираж 2000 экз.

Переиздание известной работы И.Н.Медведевой-Томашевской, впервые вышедшей в Париже в 1974 г. Биография автора и обстоятельства создания «Стремени "Тихого Дона"» излагаются в послесловии ко второму изданию, написанном дочерью И.П.Медведевой-Томашевской З.Томашевской. Здесь же находим и другие любопытные сведения: в частности, по утверждению З.Томашевской, мнения о том, что «авторов "Тихого Дона" было два», придерживался не только Б.В.Томашевский, но и Ю.Тынянов, А.Ахматова, Г.Винокур, М.Лозинский, Г.Гуковский, Л.Гинзбург (с.122). В послесловии обильно цитируются письма А.Солженицына к И.Медведевой-Томашевской.

Дворяшин Ю.А. М.А.Шолохов и русская проза 20-30-х годов о судьбе крестьянства / Новосибирский пед. ин-т. — Новосибирск, 1992 (На обл.: 1991). — 92 с. — Тираж 1000 экз.

Автор поставил перед собой задачу рассмотреть творчество автора «Тихого Дона» во взаимосвязях с «той ветвью отечественной прозы 20-30-х годов, которая связана с художественным отражением судьбы русского крестьянства». «Данный аспект исследования возник отнюдь не случайно. — поясняет автор. — Его границы и направленность определялись не только как отражение глубины и масштабности достижений советской литературы о деревне, но и как результат постижения особой исторической роли русского крестьянства в трагических потрясениях XX века».

В работе привлечен надежно забытый (если не сказать уже экзотический) материал, интересный сам по себе, иногда даже вне зависимости от выводов и интерпретаций исследователя: произведения В.Опалова («Пойма», 1928), К.Горбунова («Ледолом», 1930), И.Макарова («Стальные ребра», 1929; «Голубые поля», 1936-1937), И.Шухова («Ненависть», 1930-1931), С.Сергеева-Ценского («Искать, всегда искать», 1931-1931), С.Буданцева («Рассказ о труде», 1933), И.Трусова («Зависть», 1935), а также Е.Пермитина, П.Замойского и А.Тарасова. Обильно цитируются критические отзывы, демонстрирующие спектр оценок современниками творчества «деревенщиков» 1920-1930-х гг. и творчества М.Шолохова.

«Тихий Дон» М.А.Шолохова в современном восприятии: Шолоховские чтения / Отв. ред. Н.И.Глушков. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. — 176 с. — Тираж 500 экз.

«Сборник, — как извещает издательская аннотация, — включает лучшие работы на Шолоховских чтениях в Ростове-на-Дону и Вешенской весной 1990 г. <...> Сборник интересен для большого круга читателей: историков, литературоведов, исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, школьников старших классов, книголюбов, особенно энтузиастов возрождения России и казачества». Среди авторов сборника мы встретили видных советских

шолоховедов, работы которых сегодня украсили ссылки не только на труды А.Овчаренко, В.Петелина, Л.Якименко, А.Метченко, но и Н.Бердяева, Л.Гумилева, И.Шафаревича.

В сборник вошли статьи: Хватов А.И. «По страницам "Тихого Дона"» (с.5-13); Глушков Н.И. «Роман-эпопея "Тихий Дон" — летопись, социология и философия» (с.13-25); Трофимов В.М. «Свобода и необходимость в сюжете "Тихого Дона"» (с.25-36); Цыценко И.И. «Семья Мелеховых в художественной философии "Тихого Дона"» (с.36-38); Захарченко И.С. «"Неправильный у жизни ход": (О главном конфликте эпопеи "Тихий Дон")» (с.38-45); Перетокина В.Г. «Природа в идейно-художественном мире эпопеи» (с.45-51); Осипова Т.О. «Философские традиции "Тихого Дона" в русской прозе о Великой Отечественной войне» (с.51-58); Бирюков Ф.Г. «Трагедийный сюжет романа-эпопеи "Тихий Дон" и документальная правда истории» (с.58-69); Кобзарь Е.Н. «Человек и история в романе» (с.69-74); Рыбинцев И.В. «За строкой "Тихого Дона": (Ф.К.Миронов на страницах эпопеи и трагедия донского казачества после Октября)» (с.74-81); Симонова Т.Г. «Исторические персонажи» (с.81-87); Юдин В.А. «Особенности исторического романа в эпопее "Тихий Дон"» (с.87-94); Чучвага Л.М. «Нравственные принципы изображения человека на войне» (с.97-101); Коновалова В.П. «Устно-поэтические традиции как проявление народности» (с.101-109); Шустов М.П. «А.М.Горький и М.А.Шолохов в фольклорной традиции» (с.109-112); Черниенко Л.В. «Реалистическая символика в художественной системе "Тихого Дона"» (с.112-116); Фурдей О.Н. «Проблема народности советской литературы в эстетических суждениях М.А.Шолохова и Л.М.Леонова» (с.116-124); Стопченко Н.И. «М.А.Шолохов и В.М.Шукшин: Творческие связи» (с.124-132); Сатарова Л.Г. «Мелехов и Миронов: (К проблеме гуманизма в советской литературе)» (с.132-142); Фролов Г.А. «Михаил Шолохов и Анна Зегерс» (с.142-146); Минич В. «"Тихий Дон" на сербохорватском языке» (с.146-151); Жемчужный И.С. «Опера И.И.Дзержинского "Тихий Дон"» (с. 151-157); Разогреева Л.П. «Об авторстве романа "Тихий Дон"» (с.159-167); Рычнев Г.Ф. «Реальные события и люди в романе "Тихий Дон"» (с.167-169); Макарова Т.Г. «В поисках шолоховского архива» (с.169-171); Попова М.Ф. «Музей-заповедник М.А.Шолохова и его посетители» (с.171-173).

Евразийство: Мысли о России. — Тверь: Дайджест, 1992. — [Вып. 1-2]: Карсавин Л. [Статьи]. — 76; 64 с. — Тираж 1500 экз.

«Брошюры данной серии предполагают познакомить читателя с ранее не издававшимися в России работами отдельных представителей русского зарубежья, известных в истории социальной мысли под именем "евразийцев". Обращение к истокам евразийства поможет нам глубже понять как отечественную историю, так и нынешнюю российскую действительность», — определяет задачи новой серии С.Данилов.

Издание открывает вступительная статья И.Савкина «Л.П.Карсавин». В первый выпуск вошли статьи Л.П.Карсавина «Основы политики» (из журнала «Евразийский временник», Париж, 1927, кн. 5; подготовлено С.Даниловым) и «К познанию русской революции» (публикуется по рукописи из архива Л.Гиры в РО БАН Литвы; подготовлено И.Савкиным). Во втором выпуске воспроизводится работа «Феноменология революции» (из «Евразийского временника», 1927, кн. 5; подготовлено С.Даниловым).

Финансовую поддержку в издании оказал коллектив предприятия «Тверьгортеплоэнерго».

В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступит. ст. и коммент. И.А.Исаева. — М.: Русская книга, 1992. — 384 с. — Тираж 15000 экз.

В очередной раз переизданы сборники «Вехи» и «Смена вех». К сожалению, составителем (= комментатором = автором предисловия) не были использованы многочисленные работы его предшественников, уже неоднократно осмыслявших и комментировавших включенные в сборник тексты.

Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступит. ст. и коммент. И.А.Исаева. — М.: Русская книга, 1992. — 432 с. — Тираж 15000 экз.

Данное издание непосредственно продолжает проаннотированную выше книгу «В поисках пути» (что, по-видимому, должно подчеркнуть и его название). Воспроизведен полностью сборник «Из глубины» (ранее неоднократно и на гораздо более высоком уровне переиздававшийся). Под названием «Исход к Востоку» объединены: предисловие Н.Трубецкого к одноименному коллективному сборнику (София, 1921), его статьи «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры» (из этого же сборника). Перепечатывается в полном объеме также брошюра «Евразийство: Опыт систематического изложения» (Париж, 1926).

Алянский Ю. Веселящийся Петербург: (По материалам собрания Г.А.Иванова). — СПб., 1992. — 186 с. — Тираж 3000 экз.

В основу этой своеобразной энциклопедии положено уникальное собрание Г.А.Иванова (1908-1991): более 12 тысяч карточек с выписками из периодических изданий, воспоминаний современников и др. за 1705-1924 гг. о петербургских (петроградских) эстрадных театрах, театрах-буфф, кабаре, луна-парках, садах развлечений, артистических кафе, концертных предприятиях на вокзалах, ресторанных эстрадных подмостках, театральных и музыкальных обществах, антрепризах и др.

В первом выпуске «Веселящегося Петербурга» представлены материалы, в частности, по таким местам развлечения и отдыха петербуржцев, как: Адмиралтейский театр, «Аквариум», Александринский театр, Александровский парк, Александровский сад, «Альказар», «Америка» (позднее — «Альгамбра»), Английское собрание (клуб), сад Аничкова дворца, «Антэй», «Аркадия», «Ассамблея».

Издание подготовлено по инициативе и при участии Санкт-Петербургского Клуба любителей миниатюрной книги.

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (май 1993 г.): Байкал, Библиография, Вестник МУ: Сер.7. Философия, Вестник МУ: Сер.8. История, Вестник МУ: Сер.9. Филология, Вестник МУ: Сер.10. Журналистика, Вильнюс, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы философии, Вопросы языкознания, Даугава, Детская литература, Дружба народов, Журналист, Звезда, Звезда Востока, Знамя, Известия РАН: Сер. литературы и языка. Т.52, Иностранная литература, Искусство кино, Кентавр, Киносценарии, Кодры, Кубань, Лепта, Литература в школе, Литературная учеба, Литературное обозрение, Мир музея, Молодая гвардия, Москва, Московский журнал, Московский наблюдатель, Музыкальная академия, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Нева, Неман, Новое время, Новый мир, Общественные науки и современность, Огонек, Октябрь, Отечественная история, Отечественные архивы, Памир, Подъем, Посев, Простор, Работница, Родина, Россияне, Русская речь, Север, Сельская молодежь, Славяноведение, Слово, Смена, Согласие, Социологические исследования, Столица, Театр, Фотография, Человек, Юность.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Библиография:

В №3 — статья В.Г.Белоуса и Я.В.Леонтьева «Совесть русской литературы» о Р.Иванове-Разумнике; здесь же составленная Я.В.Леонтьевым библиография Р.Иванова-Разумника.

Там же — к 100-летию со дня рождения В.Маяковского статья В.Н.Терехиной и Л.Г.Жуковой «Маяковский: "...Вы на Пе, а я на эМ"» (о работе над второй частью библиографического указателя по В.Маяковскому — «Литература о жизни и творчестве Маяковского»).

Там же — отрывок из мемуаров И.В.Владиславлева «А.В.Мезьер и гибель ее "Словарного указателя по книговедению"» (о работе над указателем и его конфискации в 1935 г.); публикация А.Н.Веревкиной и А.М.Водопьянова, примечания Г.А.Алексеевой.

Там же — публикуются по рукописи статьи В.Брюсова «Торжество социализма» (1903), «Метерлинк-утешитель: (О "желтой опасности")» (1905); вступительная статья «Геополитика Валерия Брюсова: Неизвестные страницы», примечания и составление библиографии политических статей В.Брюсова 1903-1917 гг. В.Э.Молодякова.

Там же — анонимная заметка об открытии в Москве музея-читальни Н.Ф.Федорова (в Центральной библиотеке №219 Юго-Западного округа).

Вестник МУ: Сер. 9. Филология:

В №3 — статья И.В.Вартановой «Судьбы "реальной критики" в 80-90-е годы XIX века» (рассматриваются журналы «Русская мысль», «Северный вестник» и «Русское богатство»).

Там же — под рубрикой «Из истории пушкиноведения в Московском университете» статья В.И.Кулешова «Д.Д.Благой (1893-1984)».

Там же — окончание публикации (начало — в №№1,2) «Н.С.Трубецкой: Опыт праистории славянских языков (Из писем к Р.О.Якобсону и Н.Н.Дурново)»; в этом номере — фрагменты двух писем к Н.Н.Дурново (1925 и 1928 гг.) и 13 писем к Р.О.Якобсону (1928-1937 гг.); составление и комментарии О.С.Широкова.

Вильнюс:

В №5 — шесть стихотворений Е.Шкляра (1894-1941) из его сборников «Кипарисы» (1922), «Караван» (1923) и др.; вступительная статья В.Агафоновой «Приоткрыта одна из страниц...». Здесь же — статья Л.Гиры «Творчество Евгения Шкляра», впервые опубликованная в качестве предисловия к сборнику стихотворений Е.Шкляра «Летува — имя золотое» (вышел в Каунасе в 1931 г. на литовском языке); перевод В.Агафоновой.

Волга:

В №5 — под заглавием «Фрагменты судеб и стихов: (Русские поэтессы Серебряного века)» стихотворения В.В.Ильиной (1894-1966) («Из цикла "Берег"», 1921; «Из цикла "Горе"», 1921), В.А.Мониной (1894-1943) (два стихотворения из рукописного сборника «В центре фуг», 1923-1924), М.Г.Ливен (1885 — после 1929) («У Спасителя», «В промелькнувшей карете тепло и темно...»), Е.Волчанецкой (Е.Д.Ровинской) (1881-?) (отрывок из поэмы «За други своя», 1920-1921), А.И.Ильиной (1890-1964) («Прежде», 1921), В.И.Лурье (род. в 1901) («Эшелон», 1921; «Бескрылый дух томится о свободе...», 1922), М.Закревской-Рейх («Васильки», 1909), В.Г.Малахиевой-Мирович (1869-1954) («Звонко плещется ведро..», «Сказывают в песнях, сестрица Мариша...»), Адалис (А.Е.Ефрон) (поэма «Дни», [1920?]); публикация, подготовка текста, вступление О.Кушлиной.

Там же — статья С.Стратановского «Религиозные мотивы в современной русской поэзии: Статья вторая» (в частности, о цикле «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Пастернака).

Вопросы философии:

В №5 — воспоминания В.И.Кулешова «Неожиданная встреча с Л.П.Карсавиным» (о знакомстве в 1948 г. в Вильнюсе).

Там же — рецензия А.Носова на книгу: W.Solowjew. Schriften zur Philosophie, Theologie und Politik. Munchen, 1991.

Там же — статья М.А.Колерова «Философский журнал "Мысль" (1922)».

Восток:

В №3 — воспоминания востоковеда Р.А.Ульяновского (род. 1904) «Из прожитых лет», в частности, о встречах с В.Маяковским, С.Есениным, А.Жаровым, А.Безыменским.

Встреча:

В №3 — статья В.Семибратова «На влюбленной в сказку Вятке...» о пребывании в 1930 г. Н.Клюева в селе Потрепухино под Вяткой (использованы неопубликованные воспоминания И.И.Кропаневой).

Государственная безопасность и демократия:

В №3 (вышел в мае) — под заглавием «Арестованная литература» печатаются с сокращениями выступления участников семинара «Органы безопасности и литература» (см. отчет в №5 «DV»), в частности: Е.Эткинда (о творчестве О.Бергтольц и М.Волошина), В.Шенталинского (о делах И.Бабеля, Б.Пильняка, О.Мандельштама, найденных в архивах КГБ дневнике М.Булгакова, рукописях П.Флоренского, самиздатовских сборниках стихов М.Волошина 1920-1930-х гг.) и О.Калугина. Последний ознакомил собравшихся со своими выписками из надзорного дела за А.Ахматовой; в числе прикрепленных к Ахматовой агентов он назвал П.Лукницкого, некую переводчицу, польку по происхождению, и научного работника-библиографа.

Даугава:

В №3 — эссе В.Набокова «Брайтенштретер — Паолино» о поединке боксеров Г.Брайтенштретера и У.Паолино 1 декабря 1925 г. в Берлине (Сегодня. Рига, 1925. 28 и 29 декабря), а также его стихотворения «На озере» (Там же. 1923. 22 апреля), «Рождество» (Там же. 1923. 25 декабря), «Гаданье» (Там же. 1924. 26 августа), «Отдалась необычайно...» (Там же. 1924. 24 сентября); публикация и послесловие Б.Равдина.

Детская литература:

В №5 — статья М.Дихтярь «Футуризм от 2 до 5» (о близости детской поэзии и поэзии футуризма).

Там же — статья С.Сивоконя «Спор о Гайдаре».

Там же — под заглавием «Стихи для детей» подборка детских стихотворений В.Брюсова 1899-1919 гг.; предисловие и составление В.Молодякова.

Там же — статья В.Приходько «"Детский остров" Саши Черного».

Диалог:

В №5/6 — эссе А.Дравича «Булгаков, или Школа отказа»; перевод С.Попковой.

Там же — статья С.Рассадина «Путь с Голгофы» (о творческой трагедии М.Булгакова в 1930-е гг. и его пьесе «Батум»).

Дружба народов:

В №5 — книга Н.Берберовой «Чайковский: История одинокой души» (впервые вышла в Берлине в 1936 г.)

Там же — «Повествование в документах» М.Золотоносова и В.Кельнера «Сказание о погроме: (Кишинев, 1903 год)», в частности, об отношении к кишиневскому погрому М.Горького и В.Короленко.

Звезда:

В №5 — впервые публикуется работа С.Н.Булгакова «Размышления о войне» (написана предположительно в 1940 г); предисловие и публикация В.Г.Безносова.

Там же — письма В.Шаламова Я.Д.Гродзенскому 1962-1971 гг. (в частности, о вечере О.Мандельштама 1965 г.); публикация и примечания С.Гродзенского.

Знамя:

В №5 — статья М.Лобыцыной «Кто вы, доктор Живаго?» о московском роде Живаго и о возможном прототипе героя романа Б.Пастернака А.И.Живаго.

Там же — статья К.Степаняна «Разум, любовь и свобода» (в частности, о «Записках об Анне Ахматовой» Л.Чуковской).

Там же — под заглавием «В.Шаламов. Из переписки» письма В.Шаламова Б.Пастернаку, Л.З.Добровольскому и Л.Н.Черткову, посвященные литературе 1920-х гг., Я.Д.Гродзенскому — о вечере О.Мандельштама 1965 г.; публикация и примечания И.Сиротинской.

Известия Академии наук: Сер. литературы и языка. Т.52:

В №3 — статья К.Г.Петросова «Маяковский: Биография поэта и его творчество».

Там же — сообщение Е.С.Кубряковой о Днях памяти Р.О.Якобсона, организованных Научным советом «Теория и методология языкознания» при РАН совместно с Институтом языкознания.

Искусство кино:

В №5 — подборка «Воспоминания о В.Э.Мейерхольде» (в том числе — воспоминания М.Штрауха о работе над спектаклями «Баня» и «Клоп» по В.Маяковскому).

К топору:

В №5 — статья С.Жарикова «Когда падают звезды», в частности, о Вяч. Иванове как «русском националисте», одним из первых вскрывшем в христианстве элементы «семитической мифологии» («революционный принцип» «Кто не за нас, тот против нас» и др.)

Кодры:

В №4 — начало публикации книги Д.Мережковского «Тайна трех» (с незначительными сокращениями).

Кубань:

В №5/6 — статья В.Лихоносова «Памяти белого офицера», в которую включены письма А.Сионского к В.Лихоносову (1967-1973 гг.), посвященные, в частности, Б.Зайцеву.

Там же — статья И.Ильина «Идеи ранга».

Там же — статья Г.Соловьева «Неоэрос, или Литература "по мотивам секса"» (в частности, об И.Бунине и В.Набокове).

Латинская Америка:

В №5 — статья «Русские в Аргентине», посвященная преимущественно эмиграции «первой волны»; автор — Л.С.Шейнбаум. (Как извещает редакционное примечание, это не первое обращение журнала к теме русской эмиграции в Аргентине, см. №6 и 8 за 1991 г. и 7/8 за 1992 г.)

Лепта:

В №3 — под заглавием «"Король смеха" и его окружение: Неизвестные страницы творчества сатириконцев» рассказы А.Аверченко «Свой крест» (из

его книги «Круги на воде», 1912) и «Ценитель искусства» (из книги «Сорные травы», 1914), В.Азова «Жертва фантазии» (из его книги «Цветные стекла», 1911), О.Дымова «Дело Зудотешина» (из его книги «Веселая печаль», 1911), О.Л.Д'Ора «Брюки Гоголя» (из его книги «Смех среди руин», 1912), Тэффи «Что может случиться» (из ее книги «Ничего подобного», 1915); вступление и публикация Р.Соколовского.

Литература в школе:

В №3 — статья Г.Яковлева «"Без имени святого...": О поэме А.Блока "Двенадцать"».

Там же — статья В.Я.Лакшина «О Доме и Бездомье: (Александр Блок и Михаил Булгаков)».

Там же — статья Е.Ивановой «Об эволюции Блока после Октября и поэме "Двенадцать"».

Там же — статья В.А.Чалмаева «Власть судьбы: Творческий путь и "взвихренное слово" Алексея Ремизова».

Там же — статья Д.А.Донской «Уходящая раса, спасибо тебе!» (об А.И.Цветаевой).

Там же — отрывок из «Воспоминаний» А.Цветаевой и ее рассказы «Пес» и «Роза» (1969).

Там же — статья Н.Л.Крупиной «Помнить — значит жить: (Школьники читают А.И.Цветаеву)».

Там же — рецензия П.Гапоненко на книгу: Ходасевич В.Ф. Державин. М., 1988.

Литературная учеба:

В кн. 3 — очерки Б.Зайцева «Алехину» (Возрождение. 1927. 1 декабря) и А.Куприна «Шахматы», также посвященный А.А.Алехину (Там же. 1927. 3 декабря); предисловие и примечания А.Богословского и Е.Лукьянова.

Литературное обозрение:

В №5 — под заглавием «Мы не расходились с русской литературой» беседа М.Васильевой с Н.М.Коржавиным (в частности, о его отношении к А.Ахматовой, Блоку).

Там же — статья В.Г.Белоуса «Испытание духовным максимализмом: О мировоззрении и судьбе Р.В.Иванова-Разумника» (основана на архивных материалах, в частности, стенограммах Вольфилы).

Там же — «Основные даты жизни и творчества Иванова-Разумника» (составил Я.В.Леонтьев).

Там же — статья Ю.Арпишкина «"В тяжелой мантии торжественных обрядов...": Творчество Марины Цветаевой, его исследователи и поклонники» (о выставках и научной конференции в ИМЛИ РАН к 100-летию со дня рождения поэтессы).

Там же — эссе В.Приходько «Что осчастливит паяца: О Саше Черном — известном и не очень».

Там же — статья Н.Мельникова «"Сквозь мировое уродство..."» о «Распаде атома» Г. Иванова.

Там же — рецензия Л.Финка «Гарвардский профессор из вологодских мужиков» на книгу: Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992.

Там же — рецензия Е.Дьяковой «Своими словами» на «нулевой» номер «De Visu».

Там же — рецензия С.А.Коваленко «Слово о литературоведе из Коломны» на книги: Петросов К.Г. Литературные Старки: Поэты «черкизовского круга» и Анна Ахматова. М., 1991; Он же. «Из пламя и света рожденное слово...»: Этюды о русской поэзии XIX — XX веков. М., 1992.

Там же — под заглавием «Советское кино глазами Дмитрия Мирского» публикуются в переводе с английского статьи Д.Мирского «Советский кинематограф» (Virginia Quarterly Review. 1931. Vol.7. №4) и «Происхождение русского кино» (London Mercury. 1931. Vol. 24); вступительная статья, публикация и примечания Р.М.Янгирова; переводы А.Б.Рогачевского, А.В.Подгуренко.

Молодая гвардия:

В №5/6 — под заглавием «За спиной Шолохова гудит Дон...» впервые публикуется с незначительными сокращениями «Стенограмма обмена мнениями на творческом вечере Шолохова по его произведению "Тихий Дон"» (от 27 февраля 1933 г., Москва); подготовка текста, публикация, вступительная заметка и комментарий Ю.А.Дворяшина.

Москва:

В №5 — продолжение романа А.Лосева «Женщина-мыслитель» (начало — в №4).

Московский наблюдатель:

В №5/6 — рецензия «Мистерия языка: "Зангези" Велимира Хлебникова в постановке Александра Пономарева» на спектакль в «Чет-Нечет-Театре»; автор рецензии — А.Карась.

Там же — рецензия М.Тимашевой «Смерть под колпаком: "Лолита" Набокова — Олби — Виктюка» на спекталь по пьесе Э.Олби «Лолита» в Театре Романа Виктюка.

Музыкальная академия

В №2 — под заглавием «Мифология "классового" искусства» глава из воспоминаний Д.В.Житомирского (о культурной жизни СССР в 1920-е гг.)

Наука и религия:

В №5 — фрагменты повести А.Цветаевой «Сказ о звонаре московском» о музыканте К.К.Сараджеве (1900-1942).

Начала:

В №4 за 1992 г. (вышел в мае 1993 г.; номер посвящен философии и историософии «евразийцев») — под заглавием «...Если Россия будет спасена, то только через евразийство» интервью И.Савкина с Л.Гумилевым, в частности, о значении трудов «евразийцев» для формирования собственной исторической концепции, знакомстве с П.Савицким.

Там же — статья А.Немова [Топоркова А.К.] «Идея славянского возрождения» (с сокращениями, по его одноименной книге, М.,1915); публикация и предисловие «Русь — Новая Александрия: Страница из предыстории евразийской идеи» С.С.Хоружего.

Там же — статья А.В.Соболева «"Своя своих не познаша": Евразийство: Л.П.Карсавин и другие».

Там же — статья И.А.Ильина «Самобытность или оригинальничанье?» (впервые — Русская мысль. Париж, 1927. Кн.1); публикация А.А.Королькова.

Там же — работа В.Э.Сеземана «Основы славянофильства» (публикуется впервые); публикация и предисловие И.А.Савкина.

Там же — статья Г.В.Флоровского «"Окаменеенное бесчувствие": (По поводу полемики против евразий-

цев)» (впервые — Путь. Париж, 1926. №2); публикация В.В.Козловского.

Там же — статья О.А.Казниной «Д.П.Святополк-Мирский и евразийское движение».

Там же — глава из исследования немецкого ученого О.Босса «Учение евразийцев» (Boss O. Die Lehre der Eurazier. Wiesbaden, 1961); перевод Н.А.Никоновой и А.А.Троянова.

Там же — обзор А.А.Троянова «Изучение евразийства в современной зарубежной литературе».

Там же — «Библиография евразийства», составленная А.А.Трояновым и Р.Б.Вильдановой (272 позиции, в персоналию включены: Н.Н.Алексеев, П.М.Бицилли, Я.А.Бромберг, Г.В.Вернадский, В.Н.Ильин, Л.П.Карсавин, А.В.Карташев, П.Н.Малевский-Малевич, В.П.Никитин, П.Н.Савицкий, В.Э.Сеземан, Д.П.Святополк-Мирский, П.П.Сувчинский, Н.П.Толль, Н.С.Трубецкой, Г.Ф.Флоровский, С.Л.Франк, Э.Хара-Даван, К.А.Чхеидзе, Р.О.Якобсон).

Наш современник:

В №5 — стихотворение Б.Пастернака «Неоглядность», публикуемое к 300-летию Российского флота.

Нева:

В №5/6 — «Записки об Анне Ахматовой» Л.Чуковской (том 2-й, 1952-1962 гг.)

Там же — статья В.Лаврова «Наука расставанья» о творчестве О.Форш.

Там же — статья И.Инова «Все меня возвращает в Чехию...» (о чешском периоде в жизни Цветаевой).

Новое время:

В №21 — под заглавием «Суета сует и томление духа» фрагменты статей М.Осоргина из московских и киевских газет 1917-1918 гг.

Новый мир:

В №5 — статья А.Г. и С.Э.Макаровых «К истокам "Тихого Дона"» (о проблеме авторства романа).

Там же — рецензия А.Н. на книгу: Literature, culture and society in the modern age. In honor of Joseph Frank. Stanford, 1991-1992 (Stanford Slavic Studies. Vol.4: 1).

Общественные науки и современность:

В №3 — статья Д.Московской «Человек в ловушке воплощенного слова: Антиутопия 30-х годов» (о К.Вагинове, Л.Добычине, А.Платонове, Д.Хармсе).

Огонек:

В №19/20 — рецензия А.Мокроусова на первые пять номеров «De Visu».

Октябрь:

В №5 — продолжение «Иисуса неизвестного» Д.Мережковского (начало в №11-12 за 1992 г. и №1-4 за 1993 г.)

Отечественные архивы:

В №3 — сообщение И.И.Дроздовского «П.Флоренский на службе в ВСНХ» (о материалах Российского государственного архива экономики, посвященных его работе в Центральном электротехническом совете Главэлектро ВСНХ, 1920-е гг.)

Подъем:

В №5/6 — статья Ю.Бугрова «К уединенному долу» о В.Бородаевском (умер в 1923 г.) и стихотворения поэта: «Я не один, когда с крылатым Иоанном...», «Тревожный лепет красных верб...», «Бродячая безумная Царица...», «И вот опять судьба моя упорно...», «Распятие», «Церковный староста», «На лоне родимой земли».

Православная братчина (Челябинск):

В №А (начало 1993 г.?) — стихотворение Анны Русской «Русские витязи» (Рим, 1929-1931 гг.)

Простор:

В №5 — стихотворения В.А.Зоргенфрея из сборника «Страстная Суббота» (Пб., 1922): «Декабрь» (1907), «Александру Блоку» (1913), «Из цикла "Лилит"», «Над Невой» (1920), «Еще скрежещет старый мир...» (1920), а также стихотворение «Сид» (1925); вступительная заметка и публикация В.Молодякова.

Там же — начало романа Р.Гуля «Азеф»; предисловие от редакции.

Работница:

В №5 — рассказ А.Тырковой «Листки» (1910); вступительная статья «Нить Ариадны» Н.Аришиной.

Россия и современный мир:

В №1 — статья А.Николюкина «Литература русского зарубежья в ИНИОН» (обзор книжного собрания и собрания периодических изданий в фондах библиотеки ИНИОН; информация о подготовке биографического словаря «Писатели русского зарубежья. 1918-1940»).

Там же — библиография «"Русская идея" вчера и сегодня» (ч.1, 107 позиций); составитель — И.Л.Беленький.

Русская речь:

В №3 — статья Э.Г.Бабаева «Одна великолепная цитата» (о скрытых цитатах в поэзии А.Ахматовой).

Там же — очерк А.Ремизова «Сны Пушкина» (о роли снов в произведениях Пушкина), впервые опубликованный в «Новой России» (Париж, 1937. №21); предисловие М.Д.Филина.

Там же — статья Н.В.Банникова «Константин Случевский» и подборка из 11 стихотворений поэта.

Русский курьер:

В №2 (помечен мартом) — начало романа И.Сельвинского «Гаральд и Кристина» (публикатор, дата и пр. не указаны).

Там же — «диалог» А и Б по поводу книги: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Париж, 1991; записал Е.Ш.

Север:

В №5 — доклад П.А.Флоренского «Общечеловеческие корни идеализма» (печатается по оттиску из «Богословского вестника», Сергиев Посад, 1909, №1-2); вступительная статья и публикация Ю.В.Линника.

Слово:

В №5/6 — очерк М.Осоргина «Мудрый» (Последние новости. 1930. 30 марта); послесловие Т.Марченко «Между вечностями».

Там же — продолжение работы И.Ильина «О новом человеке» (начало в №1-4).

Там же — под заглавием «Больше сея любве..» главы из романа П.Краснова «Цареубийцы» (1937); предисловие А.Виноградова.

Там же — под заглавием «О русских женщинах» четыре сказки А.Ремизова: «Жалостная», «Робкая», «Ворожея», «Лукавая» (из его книги «Русские женщины», СПб., 1918).

Там же — под заглавием «Этюды в прозе» впервые в России печатаются рассказы К.Коровина «В сочельник», «Татьянин день», «В дороге: 18-й год» (из парижской газеты «Возрождение»); предисловие и публикация И.Хабарова.

Столица:

В №19 — рецензия «Кладите польты здесь» Н.Тихоновой на спектакль Театра им. К.С.Станиславского «Уважаемые граждане» по М.Зощенко (режиссер А.Славутский).

Театр:

В №2 (вышел с запозданием) — рецензия О.Богомоловой «Спектакль в стиле "точность"» на спектакль «Собачий вальс» по Л.Андрееву в Театре им. Моссовета (режиссер А.Житинкин).

Там же — под заглавием «О В.Э.Мейерхольде и З.Н.Райх» мемуарные письма Т.Есениной к К.Л.Рудницкому 1970-1983 гг.

В №3 — продолжение публикации Т.Есениной «О В.Э.Мейерхольде и З.Н.Райх» (письма 1983-1988 гг.)

Там же — два письма Т.Есениной Мирэли Шагинян (об убийстве З.Н.Райх).

Там же — заметки С.Эйзенштейна «Сокровище» о спасении им архива В.Мейерхольда.

Человек:

В №3 — под заглавием «В поисках собственного достоинства» дневники Б.Поплавского (окончание, начало в №2); публикация А.Н.Богословского.

Там же — статья Н.Бердяева «По поводу "Дневников" Б.Поплавского» (Современные записки. 1939. №CXVIII).

Юность:

В №5 — под шапкой «Со старинной полки» рассказы И.Лукаша «Граф Строганов и Теруань-де-Мерикур», «Похождения действ петербургских», «Марат и Робеспьер в России», «Мальтийский орден»; биографическая справка об авторе А.Б.

Там же — продолжение книги Н.Зернова «Русское религиозное возрождение XX века» (начало в №1, 2 и 4).

Там же — статьи В.Розанова «Принцип анархии» и «К положению момента» (из его книги «Черный момент»); послесловие А.Богословского.

* * *

В апреле на книжных прилавках Москвы появился первый номер журнала «Русская словесность». Новое издание имеет подзаголовок «Теоретический и научно-методический журнал», выходит под эгидой Министерства образования Российской федерации; издательство «Школа-Пресс», тираж 11000 экз. Главный редактор — Г.И.Романова; редакционный совет: М.И.Исаев (председатель), Ф.Ф.Кузнецов, О.Н.Трубачев, В.Ю.Троицкий, И.Б.Еськова, Е.Р.Коточигова, В.В.Луховицкий, Л.Н.Лысова.

На титульный лист (очевидно, для того, чтобы у читателя не возникало лишних вопросов) вынесена цитата из словаря В.Даля: «Словесность, словесные науки — все то, что относится к изучению здравого суждения, правильного и изящного выражения; письменность. // Общность словесных произведений народа, письменность, литература».

Номер открывает статья О.Н.Трубачева «Беседы о методологии научного труда», тему которой продолжает отрывок из книги Ф.Ф.Зелинского «Древний мир и мы» (1903; предисловие «Поборник классического образования» М.Л.Гаспарова).

Далее следует вполне «учпедгизовский» раздел «Сокровища древнерусской литературы», в котором печатаются «Слово о погибели рускыя земли и по смерти Великого князя Ярослава» (предисловие и послесловие А.С.Курилова), «Слово о Вавилоне...» (предисловие А.С.Демина), фрагмент работы В.О.Ключевского «Терминология русской истории» (предисловие Р.А.Киреевой), а также статья Г.С.Баранкова «О начале русской книжности».

В рубрике «Забытые страницы» — «забытый» (?) рассказ Леонида Андреева «Предстояла кража» (1902; с.48-51). Вступительная статья В.А.Мескина «Поиск истины: (О творчестве Л.Андреева)» (с.43-47).

К «забытым» (т.е. не переиздававшимся) произведениям авторы «Русской словесности» относят, по-видимому, и публикуемые в журнале мемуары. Г.Г.Елизаветина печатает отрывки из «Моего отрочества» (1894) В.П.Желиховской — детской писательницы, родной сестры Елены Блаватской (с.54-63), В.П.Купченко — главу «Химеры» из книги М.В.Сабашниковой «Зеленая змея» (с.67-74). Эта глава, посвященная работе автора в Пролеткульте, впервые переводится на русский язык; ее предваряет по необходимости краткое предисловие В.П.Купченко «Принцесса "серебряного века"» (с.64-67).

Журнал завершает раздел «К уроку словесности» (авторы — Л.Н.Лысова, В.В.Луховицкий, Н.С.Арапова, Л.В.Чернец, Л.А.Морозова) и подборка фраз из школьных сочинений «Потехе — час».

По страницам журнала разбросаны короткие аннотации на издания, в частности, на книгу: Литературная энциклопедия. Т.10. Романов — Современник. Munchen, 1991 (фототипическое воспроизведение верстки невышедшего тома).

Адрес редакции: Москва, Трубниковский пер., д.30а, к.10.

* * *

В конце апреля дошел до Москвы и первый номер журнала «Collegium». «Международный научно-художественный журнал» выходит под эгидой Украинского института международных отношений при Киевском университете им. Тараса Шевченко. Главный редактор С.Бураго. Тираж 1000 экземпляров. В редакционном совете журнала ученые и деятели культуры из Ташкента, Киева, Вашингтона, Санкт-Петербурга, Москвы, Айовы и Донецка: Ш.Абдуллаев, А.Белецкий, Б.Гаспаров, А.Дольский, Л.Лутковский, Г.Мельниченко, М.Миллз, В.Скуратовский, С.Шата-

лов, Е.Ширяев; в редакционной коллегии — Д.Бураго, И.Винов, А.Гришунин, Г.Дудникова, Ю.Ищенко, С.Крымский, И.Лапинский, Д.Наливайко, М.Петровский, Э.Соловей, М.Федосюк, А.Хорунжий. Содействие в издании журнала оказала Украинская биржа.

Большая часть материалов журнала носит культурологический характер. Это, прежде всего, открывающие номер статьи А.Белецкого «Цивилизация и культура», В.Л.Скуратовского «Всемирная история и язык культуры», С.Б.Крымского «Строй культуры: Хронотопы и символы».

Собственно филологические исследования представлены работами С.С.Хоружего «Несколько общих мест» (об «Улиссе» Джойса), С.Б.Бураго «Понимание литературы и объективность филологического анализа» (в частности, о теоретико-литературных взглядах А.Белого), П.Круткова «Название романа как его идейно-композиционная модель» (публикация М.Петровского). Интересны лингвистические заметки Т.В.Шмелевой, Ю.Л.Мосенкиса, И.Г.Добродомова.

Почти половину журнала занимают художественные произведения (в том числе — и членов редсовета и редколлегии): стихи Л.Давиденко, С.Зубарева, Д.Бураго и других современных молодых поэтов Украины, проза Вас. Кондратьева и С.Шаталова, И.Винова, переводы Е.Ветровой и А.Хорунжего и др.

Особо отметим подготовленную С.Бураго публикацию отрывков из писем и дневников Марии Добролюбовой (1882-1906) — сестры одного из первых русских символистов А.М.Добролюбова; в подборку включены и отрывки из трех писем Л.Д.Семенова Л.Н.Толстому 1907 г., посвященные Добролюбовой (общее заглавие публикации — «М.М.Добролюбова. Отрывки из дневника и писем»; с.118-131). Все материалы печатаются по фондам Государственного музея Л.Н.Толстого в Москве; к сожалению, публикация не сопровождена каким-либо комментарием, а в краткой биобиблиографической справке мы не нашли даже упоминания о работе, специально посвященной М.М.Добролюбовой, см.: Азадовский К.М. А. Блок и М.Добролюбова // Уч. зап. ТГУ. Тарту, 1988. Вып. 813 (Блоковский сборник. [Т.] 8: А.Блок и революция 1905 г.)

В планах журнала — публикация воспоминаний А.Белецкого о М.Волошине и Коктебеле, статья С.Бураго о Л.Д.Семенове-Тян-Шанском, «неизданный» (?) А.Введенский и др.

Адрес редакции: Украина, 252119, Киев, ул.Мельникова, д. 36/1, Украинский институт международных отношений (УИМО) при Киевском университете им. Тараса Шевченко, кафедра украинского и русского языков. Телефоны: (044) 211-42-22; (044) 211-45-23; (044) 211-45-56.

Роспись публикаций последующих номеров журналов «Российская словесность» и «Collegium» будет включаться в журнальные обзоры «DV».

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (май 1993 г.): Аргументы и факты, Арт-фонарь, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерний Петербург, Вечерняя Москва, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, 24, Деловой мир, День, Домашнее чтение, Домострой, Еврейская газета, Известия, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, ЛГ-Досье, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские ведомости, Московские новости, Московский комсомолец, Народная газета, Начало, Невское время, Неделя, Независитая газета, Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Политика, Правда, Рабочая трибуна, Российская газета, Российские вести, Россия, Русская мысль, Русский вестник, Санкт-Петербургские ведомости, Сегодня, Семь с плюсом, Семья, Смена, Советская Россия, Сын Отечества, Труд, Учительская газета, Федерация, Час пик, Экран и сцена, Эмиграция.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Век:

В №20 — рассказ М.Зощенко «Страдания молодого Вертера» (1933).

Вечерний клуб:

В №109/110 — рецензия «Под сиреневым абажуром» Н.Лагиной на спектакль Театра им. А.С.Пушкина «Па-де-труа» по пьесе Н.Берберовой «Маленькая девочка» (режиссер Е.Долгина).

Вечерний Петербург:

В №101 — статья С.Ивановой «Жук-человек приветствует знакомых» в 90-летию Н.Заболоцкого.

В №106 — под заглавием «...В насмешливом порядке» стихотворения С.Е.Нельдихена (1891-1942) «Радость», «На катке», «Сосед», «Из комнаты»; вступительная статья В.Зельченко.

В №118 — под заглавием «Я глаза сияньем полню...» стихотворения В.Мамченко «Птичий базар», «Снится: вишу на ремнях...», «Она» (1946), «Смерть тополей», «Сияет свет утра. Сиянье беспечно...», «Так и будет умирать...»; вступительная статья С.Ивановой.

В №119 — заметка «Ритмы Маяковского» о научной конференции к 100-летию поэта в Пушкинском Доме; автор — П.Говорун.

Там же — заметка Ф.Феликсова «Ноты от писателя» о Шестых Булгаковских чтениях в Петербурге.

Вечерняя Москва:

В №86 — статья Л.Озерова «Театрал с флейтой» к 100-летию со дня рождения А.Дейча.

В №91 — рецензия «Все как в жизни» Т.Минаевой на спектакль Театра им. В.В.Маяковского «Шутка мецената» по роману А.Аверченко (режиссер Т.Ахрамкова).

В №93 — рецензия «Две правды "Белой гвардии"» на спектакль Театра им. Моссовета по пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных» (режиссер П.Хомский).

В №94 — статья Ю.Казарина «В переплетеньи потных тел» о киносценарии А.Лапшина «Под знаком Скорпиона», посвященном последним годам жизни М.Горького.

В №95 — статья С.Земляного «Булгаков и Сталин: Из хроники встреч с дьяволом» (в статье, в частности, утверждается, что Сталин и Булгаков встречались).

Голос Родины:

В №15 — стихотворение И.Бунина «Христос воскрес!» (1896).

24:

В №36 — заметка О.Свистуновой «Век поэта» о международной научной конференции в ИМЛИ РАН «Маяковский на рубеже XXI века».

День:

В №21 — статья П.Муратова «Запретные слова» (Возрождение. 1927. 18 сентября).

Домашнее чтение:

В №14 — статья И.Ильина «Русская революция была катастрофой».

В №15 — под заглавием «Изюм из булки» афоризмы В.Шкловского из №1 «Вопросов литературы»; подготовка и предисловие В.Шкловской-Корди.

Там же — под заглавием «Ходасевич смеется: Подслушанные разговоры» юмористические рассказы поэта «Чистая абстракция», «В метро», «День русской культуры», «О театре» (Сатирикон. Париж, 1931. №16); вступительная заметка и публикация В.Приходько.

Еврейская газета:

В №6 — под заглавием «"Да будет благословен еврей: Голос на русской улице"» отрывок из «Апокалипсиса нашего времени» В.Розанова; вступительная статья М.Г.

Книжное обозрение:

В №19 — А.Шахматова «Возвращение Ивана Ильина» о выходе в свет первого тома Собрания сочинений философа в 10-ти томах. Там же — под заглавием «Какая разница» беседа Е.Аверина с А.Зиновьевым (в частности, об отношении к В.Маяковскому, М.Шолохову, М.Горькому).

Там же — библиография основных книжных изданий произведений А.Дейча (к 100-летию со дня рождения); составлено А.Вознесенским.

В №21 — письмо в редакцию «Чуковский ничего не скрывал» Е.Чуковской (об использовании К.Чуковским в «Айболите» произведения английского писателя Г.Лофтинга «Приключения доктора Дулиттла»).

Коммерсантъ-Daily:

В №93 — рецензия Е.Кретовой «Спектакль поведал о днях нашей жизни» на премьеру «Дней нашей жизни» Л.Андреева в филиале Театра им. Моссовета (режиссер Л.Иоффе).

Там же — рецензия Д.Минченка «"Доктор Живаго" снова вернется в Россию с Запада» на спектакль «Доктор Живаго» по Б.Пастернаку, поставленный Театром на Таганке в венском театре «Одеон» (режиссер Ю.Любимов).

В №95 — статья Е.Даниловой и Е.Безъязычной «"Чайковский" как образец западной прозы» (в частности, о выходе книги Н.Берберовой «Чайковский»).

Крестьянские ведомости:

В №18 — рассказы П.Романова «Заколдованные деревни» и «Неподходящий человек».

В №19 — рассказ М.Булгакова «Тьма египетская» (1926); предисловие В.Донскова.

Культура:

В №20 — статья Ю.Дворяшина «Сталинская премия за "Тихий Дон"» (об обстоятельствах присуждения премии М.Шолохову в 1941 г.)

В №21 — заметка Г.Владимирова «Про это: Выставка к 100-летию Маяковского» (организована Литературно-художественным музеем и Центром «Русский музей», Москва).

Там же — статья А.Мацкина «Мэтр» к 100-летию со дня рождения А.Дейча.

Куранты:

В №90 — статьи В.Розанова «О "русских богоискателях"» (Живая жизнь. 1908. 15 января) и «На лекции кн. Е.Н.Трубецкого» (Новое время. 1914. 14 декабря); предисловие В.Сукача.

В №98 — под заглавием «Кому на Руси жить хорошо» глава из книги А.Амфитеатрова «Горестные заметы: Очерки красного Петрограда» (Берлин, 1922); предисловие Евг. Беня.

ЛГ-Досье:

В №5 — стихотворение А.Ахматовой «Маяковский в 1913 году».

Там же — заметка А.Вулиса «В сто тысяч демонов».

Там же — фрагменты бесед В.Д.Дувакина о В.Маяковском с В.Б.Шкловским (1967), Н.Р.Эрдманом, Н.А.Голубенцевым (1967; о первой постановке «Мистерии-Буфф»), П.Г.Богатыревым (1967; о выступлениях Маяковского в Праге в 1927 г.), Л.Ю.Брик (1973), Р.Я.Райт-Ковалевой (1973), П.А.Марковым (о премьере «Бани» в 1930 г.), П.И.Лавутом (1967), В.А.Кавериным (1971); публикация М.Радзишевской и В.Тейдер.

Там же — статья С.Лесневского «За что мы убили Государя Императора?..» (о стихотворении В.Маяковского «Император»).

Там же — статья Ю.Карабчиевского «Смерть» (о причинах самоубийства В.Маяковского).

Там же — статья В.Турбина «Беатриче и Клеопатра, или Два лика революции» (об отношении В.Маяковского к революции).

Там же — предисловие (в сокращении) Б.Янгфельдта к книге «Любовь — это сердце всего: Переписка В.В.Маяковского и Л.Ю.Брик» (М., 1992) и несколько писем В.Маяковского из этой книги.

Там же — под общим заглавием «Маяковский — Ленин — Сталин» статья Б.Янгфельдта «Поединок, который был» (об отношении властей к В.Маяковскому в 1921 г.) и статья В.Баранова «Поединок, которого не было» (о «мнимом» противостоянии В.Маяковского и власти).

Там же — статья С.Рассадина «Жестокая память сердца» (о возможных причнах самоубийства поэта).

Там же — интервью «ЛГ-Досье» с Н.Ивановой и Л.Аннинским (об их отношении к В.Маяковскому).

Там же — под заглавием «"Трава забвения" и цветы беллетристики» отрывок из воспоминаний В.А.Катаняна (1968), полемизирующий с изображением В.Маяковского в «Траве забвения» В.П.Катаева.

Там же — под заглавием «Ты одна мне ростом вровень» беседа З.Богуславской с Т.Яковлевой (1980-е гг.)

Там же — статья М.Чегодаевой «Книга ненависти и смерти» об иллюстрациях Д.Бисти к поэме В.Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1967).

Там же — заметка М.Ноделя «Судьба: (Высоцкий в роли Маяковского)» о спектакле «Послушайте!» в Театре на Таганке.

Там же — отрывок из статьи В.Скорятина «Между декабрем и мартом» (об Я.С.Агранове).

Там же — статья А.Ваксберга «Милый Яня» (об Я.С.Агранове и его роли в жизни В.Маяковского).

Там же — воспоминания Б.Галанова «Владимир Необходимович» о похоронах В.Маяковского.

Там же — статья Н.Высоцкой «Тайна для голоса» о «Патетической оратории» Г.Свиридова на стихи В.Маяковского.

Там же — под заглавием «Мазль Фейнберг: Америка, год 1925-й...» беседа Г.Медзнариашвили с М.Фейнберг, дочерью И.Хургина, встречавшегося с В.Маяковским в Америке; в частности, о гибели Хургина и Склянского в Америке и об отношении к этому факту В.Маяковского.

Там же — статья Л.Колесниковой «За страницами дела №02-29» (уголовное дело «О самоубийстве Владимира Владимировича Маяковского»).

Литературная газета:

В №19 — статья В.Радзишевского «Маяковский был обречен раньше, чем Сталин услышал его имя» (о самоубийстве поэта).

В №20 — статья В.Катаняна «У Татьяны Яковлевой» (о встрече в 1979 г.)

В №21 — заметка В.Радзишевского «Год Маяковского: В запасе — вечность?» о международной конференции в ИМЛИ РАН «Маяковский на рубеже XXI века».

Там же — заметка Н.Высоцкой «Первые сто лет всегда трудно...» (к 100-летию А.Дейча).

Там же — статья Н.Дикушиной «"Не вижу возможности дальше жить...": Вокруг предсмертного письма Александра Фадеева».

Литературная Россия:

В №20 — воспоминания «Дорогие мои земляки!» А.Тер-Маркарьяна о встречах с М.Шолоховым в начале 1960-х гг.

В №21 — заметка В.Логиновой «И.А.Ильин на родине» о выходе первого тома 10-томного Собрания сочинений философа.

Литературные новости:

В №32 — рассказ В.Короленко «Мнение американца Джаксона о еврейском вопросе» (из сборника «Щит», 1915); публикация и вступительная статья Г. и Л.Мироновых.

Московская правда:

В №83 — рецензия «"Треугольники" будут всегда» Т.Праздниковой на премьеру спектакля Театра им. А.С.Пушкина «Па-де-труа» по пьесе Н.Берберовой «Маленькая девочка» (режиссер Е.Долгина).

Московский комсомолец:

В №92 — рецензия «"Желтый ангел" в "Моссовете"» А.Хренова на спектакль Театра им. Моссовета «Желтый ангел» по произведениям Тэффи, А.Аверченко и А.Вертинского (режиссер А.Житинкин).

В №101 — статья Л.Колодного «Взбаламученный "Тихий Дон"» (на основе найденного автором отрывка из ранней редакции рассматривается вопрос об авторстве романа М.Шолохова).

Народная газета:

В №86 — заметка Г.Блюмина «В этой роще березовой» к 90-летию Н.Заболоцкого.

Невское время:

В №82 — рецензия «Маков цвет» М.Берлиной на спектакль Александринского театра по пьесе З.Гиппиус, Д.Мережковского и Д.Философова (режиссер Ю.Николаев).

В №86 — статья Е.Ефремовой «Серапионов брат» о Л.Лунце.

В №90 — под заглавием «Мастер. Гений. Демон. Другие» отрывок из работы С.Лурье «Механика гибели» (о значении слова «мастер» у М.Булгакова и А.Платонова).

В №100 — статья Ф.Балонова «Человечек и Люцифер» о влиянии австрийского писателя XIX века Р.Хамерлинга на М.Булгакова (в частности, на «Собачье сердце» и «Мастера и Маргариту»).

Независимая газета:

В №92 — рецензия О.Морозовой «О вере, о любви, о свободе» на первый том 10-томного Собрания сочинений И.Ильина.

В №95 — статья К.Мочульского «Н.А.Некрасов» (впервые — «Звено», Париж, 1928); предисловие С.Федякина.

В №96 — рецензия «Мыслим вместе с великими» А.Сребницкого на книгу: Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.

В №97 — рецензия В.Шохиной «Стихи без рифмы к слову "гильотина"» на книгу: Езда в Остров любви: Русская куртуазная муза. М., 1993 (в книгу вошли, в частности, стихотворения А.Ахматовой, К.Бальмонта, В.Брюсова, Ф.Сологуба, В.Набокова и др.)

В №98 — рецензия П.Г. на сборник статей, посвященных Н.Рериху, «Держава Рериха» (М., 1993).

Открытое образование:

В №5/6 (время выхода не указано) — проповедь П.Флоренского «Вопль крови: Слово в Неделю Крестопоклонную» (1906); послесловие «Он просил помолиться о нем» Ю.Швырева.

Подмосковные известия:

В №93 — под заглавием «С живым осколком в груди» беседа А.Плотникова с В.Скарятиным об обстоятельствах самоубийства В.Маяковского.

В №95 — заметка А.Зименкова «Маяковский на рубеже XXI века» о международной конференции в ИМЛИ РАН.

Политика:

В №3 — под заглавием «О народах Кавказа» статья Н.С.Трубецкого «Записка о народах Кавказа» (1925); публикация и примечания А.Шатилова.

Там же — «Записка о взаимоотношениях евразийцев с "Трестом"» П.Н.Савицкого; публикация А.Шатилова.

В №4 — статья Н.Лосского «Украинский и белорусский сепаратизм».

В №5 — статья И.Ильина «Самобытность или оригинальничанье?» (из журнала «Начала», №4 за 1992 г.); публикация А.А.Королькова.

Правда:

В №97 — воспоминания В.Осипова «Шолоховский день» о поездке в Вешенскую в 1983 г.

В №102 — статья Ал. Михайлова «Есть в России утес» к 100-летию со дня рождения В.Маяковского.

Там же — стихотворение В.Маяковского «Хочу воровать».

Российская газета:

В №102 — статья В.Баранова «В роли противника всех и всего» (о М.Горьком в 1922 г.)

Российские вести:

В №102 — рассказ И.Лукаша «Россия»; публикация И.Хабарова.

Там же — статья Л.Зубарева «Будет ли памятник Владимиру Соловьеву?» (о памятнике философу в Москве).

Русская мысль (Париж):

В №3977 — рецензия А.Шишкина на книгу: Florensij P.A. Il sale della terra: Vita dello starec Isidoro / Introd. di N.Kauchtschischwili. [Magnano, 1992] (перевод на итальянский сочинения П.Флоренского «Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора...», впервые — журнал «Христианин», 1908-1909).

Там же — статья В.Гехно «Музей матери Марии в селе Юровка» (к открытию музея в Анапском районе Краснодарского края 26 сентября 1988 г.)

В №3978 — статья И.Будылина «Пушкинский заповедник в художественной литературе» (в частности, об очерке К.Паустовского 1936 г. «Михайловские рощи»).

Там же — рецензия С.Носова «В плену "всеединства"» на книгу: Карсавин Л. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т.1.

В №3979 — заметка «Новые книги Дома-музея Цветаевой» о факсимильном издании двух рукописных книг М.Цветаевой 1921 г.

Там же — рецензия А.Арьева «На чемпионате по ничьим: Первая книга Издательства Гржебина» на посвященную творчеству И.Эренбурга книгу: Парамонов Б. Портрет еврея. СПб.; Париж, 1993.

В №3980 — начало публикации воспоминаний о. Михаила Ардова «Легендарная Ордынка» о встречах с А.Ахматовой в 1940-1950-х гг. в доме своего отца, В.Ардова.

Там же — рецензия М.Князева «Кто обречен?» на книгу: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

В №3981 — продолжение воспоминаний о.Михаила Ардова «Легендарная Ордынка» (начало — в №3980).

Там же — отчет О.Ласунского «Выдающийся ученый-славист» о научной конференции в Воронеже к 100-летию П.Г.Богатырева.

Там же — статья А.Саакянц «Вослед юбилею» о посвященном М.Цветаевой №10 журнала «Звезда».

Там же — статья О.Медведковой «Новое открытие Парижской школы» о выставке И.Пуни в Музее современного искусства в Париже, а также о выставке «Кикоин и его друзья из Парижской школы» (М.Кикоин, П.Кремень, Х.Сутин).

Русский вестник:

В №16 — статья В.Розанова «Загадка русской провокации» об Азефе.

Там же — «Донской гимн» 1918 г. (по книге: Донской атаман П.Н.Краснов. Новочеркасск, 1919).

Русское знамя:

В №7 — под заглавием «Чувства самые черносотенные» отрывки из «Окаянных дней» И.Бунина (с подробностями, по выражению редакции, «иудейских злодеяний» в России).

В №8 — стихотворения Л.Корабельниковой «Черная сотня» и «Кто как называется» (из газеты «Русский народ», органа Ярославского Союза русского народа, 1906-1907 гг.)

Там же — анонимный «Гимн св. Георгию» (из той же газеты от 30 апреля 1906 г.)

Санкт-Петербургские ведомости:

В №103/104 — статья А.Шустова «Философ о философе» о работе Е.Ю.Кузьминой-Караваевой «Миросозерцание Вл. Соловьева» (Париж, 1929).

В №117 — заметка «Готовится к изданию Полное собрание сочинений русского поэта-символиста» (в связи с подготовкой в издательстве «Северо-Запад» ПСС Вяч. Иванова).

В №118 — заметка Д.Паршенкова «Любовь без взаимности» о катастрофическом состоянии зданий в Петербурге, связанных с жизнью и деятельностью З.Гиппиус и Д.Мережковского.

Сегодня:

В №13 — статья А.Парина «Сады на Молдаванке» о спектакле «Закат» по пьесе И.Бабеля в венском Бургтеатре.

Там же — заметка М.З. «Игры женщин» о премьере спектакля «Па-де-труа» по пьесе Н.Бербеpовой «Маленькая девочка» в Театре им. А.С.Пушкина.

В №15 — статья П.Крючкова «Памяти воспоминаний: Гнилье отлива» (по поводу публикации воспоминаний Е.Данько о Ф.Сологубе в книге: Лица. СПб., 1992).

В №17 —заметки М.Зайонц и М.Хемлин «Прогулки вдоль "Подиума"» (в частности, о спектакле «Темные аллеи» по И.Бунину Школы-студии МХАТ, показанном в рамках Международного фестиваля театральных школ).

В №19 — заметка К.Поливанова «Массовый заезд на очках-велосипедах» по поводу международной конференции «Маяковский на рубеже XXI века» в ИМЛИ РАН.

Семья:

В №22 — стихотворение Н.Заболоцкого «Детство».

Советская Россия:

В №60 — статья Ж.Касьяненко «Свет выстраданной истины» (о ростовском шолоховеде М.И.Глушкове и работе в Ростове шолоховедческого центра).

Учительская газета:

В №19/20 — статья Б.Волкова «Очарование Россией» о Н.Лосском.

Эмиграция:

В №19 — под заглавием «Мы очень хорошо знаем Россию и носим ее в душах наших» материалы об И.Бунине, И.Шмелеве и Д.Мережковском (из журнала «Иллюстрированная Россия», 1926).

Третьи Дягилевские чтения

1-3 июня 1993 г., Пермь

В отличие от предыдущих, 1987 и 1989 гг., чтений, посвященных С.П.Дягилеву, нынешние значительно расширили свою проблематику за счет подключения большой «команды» столичных и провинциальных литературоведов. Это позволило с полным теперь основанием назвать конференцию «Сергей Дягилев и художественная культура XIX-XX веков», а первый выпуск сборника материалов конференции (по сути дела, статей), вышедший накануне встречи, — «Время Дягилева: Универсалии "серебряного века"».

К сожалению, как это часто случается в последние годы, приехать на конференцию смогли далеко не все ученые, заявленные в программе. Однако, программа тем не менее оказалась насыщенной настолько, что на чтениях не прозвучали даже некоторые доклады «хозяев», вынужденных уступить свое место гостям. В результате на Дягилевских чтениях прозвучало лишь несколько докладов, действительно посвященных «универсалиям "серебряного века"».

В первую очередь это относится к докладу Г.М.Васильевой (Новосибирск) «Образ Гете в культуре "серебряного века"», автор которого проанализировал особенности восприятия немецкого поэта и его творчества В.Соловьевым, Вяч. Ивановым, М.Волошиным, А.Белым, О.Мандельштамом, М.Цветаевой, а также русскими художниками рубежа веков.

В докладе Н.В.Барковской (Екатеринбург) «Образ Кармен в культурном контексте» были сопоставлены интерпретации этого образа, введенного в мировую литературу П.Мериме, в стихах А.Блока, М.Цветаевой и В.Набокова и в романе последнего «Лолита».

Общекультурный смысл метафоры «мир — театр» и ее значение для русской литературы начала века (в частности, на примере жизни и творчества Блока) проанализировала в своем докладе «Метафора "мир — театр" и игровое поведение в культуре "серебряного века"» И.С.Приходько (Владимир).

Ю.Б.Орлицкий (Самара, «Стих и проза в культуре "серебряного века"») попытался показать динамику стиха и прозы в творчестве А.Белого, М.Цветаевой, А.Ремизова, В.Набокова и др.

Интереснейший неизвестный материал ввели в научный оборот в своих обзорных докладах «Мережковский и "Мир искусства"» А. Пайсан (Великобритания), «Сергей Дягилев и Германия» С.В.Голынец (Екатеринбург) и «Художественная жизнь русского Берлина в начале 1920-х годов» Т.Л.Галеева (Екатеринбург).

Ряд докладов и сообщений был посвящен конкретным именам и произведениям и их месту в контексте культуры «серебряного века». Так, Н.А.Петрова (Пермь) проанализировала функционирование чрезвычайно важного для эпохи образа флейты в поэзии Маяковского и Мандельштама («"Флейта" Маяковского и Мандельштама»). В аналогичном «контекстном» ключе были сделаны также доклады Л.Е.Ляпиной (С.-Петербург) «Лирические циклы К.Бальмонта и циклические формы в искусстве "серебряного века"», О.К.Печугиной (Екатеринбург) «Соловьев и поэтика русского символизма», И.Ю.Искржицкой (Москва) «Символ памяти в творчестве Вяч. Иванова», И.А.Балашовой (Ростов-на-Дону) «Пушкин в эстетическом сознании Сергея Дягилева», В.В.Мароши (Новосибирск) «Андрей Белый — человек танца».

Отметим и доклад М.В.Михайловой (Москва) «Творческий облик и судьба А.Мирэ», открывший слушателям замечательную русскую писательницу начала века.

Ю.Б.Орлицкий

«Евангельский текст в русской литературе XVIII — XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр»

7-12 июня 1993 г., Петрозаводск

Международная конференция была организована кафедрой русской и зарубежной литературы Петрозаводского университета. В ее работе приняли участие 46 исследователей из России, Англии, Франции, Норвегии, США и Канады, доклады которых касались самых разных вопросов изучения евангельской традиции в русской литературе Нового времени. Ряд докладов был посвящен и литературе 1890-1930-х гг.

В докладе «Трилогия Д.С.Мережковского "Христос и Антихрист" и старообрядческая литература» Е.М.Юхименко (Москва) сделала широкий обзор старообрядческих источников романа «Петр и Алексей» и проанализировала различные способы их

De Visu. 1993. №9(10).
© Ю.Б.Орлицкий; А.В.Пигин; Ю.А.Арпишкин.

использования: прямой пересказ, включение цитаты в авторский текст или прямую речь героев, создание на основе отдельных эпизодов и фраз развернутых образов и исторических картин.

И.А.Спиридонова (Петрозаводск) выступила с докладом «Христианские и антихристианские тенденции в творчестве А.Платонова». Первые произведения писателя, по мнению докладчика, были не только антицерковными, но и антихристианскими. Однако атеизм Платонова «вполне религиозен»: первым пролетарием у него является Христос, революционное отрицание старой жизни необходимо для построения земного рая. Во второй половине 1920-х гг. Платонов нашел нового героя — «сокровенного человека», «природного дурака» с «теплокровным божественным сердцем». Эта концепция человека, по мнению докладчика, близка евангельской. В 1930-1950-х гг. творчество писателя развивается уже в русле христианских идей и представляет собой, по ее выражению, Нагорную проповедь.

В докладе Т.В.Ивановой (Петрозаводск) «Христианская идея и проблема нравственности в рассказах Е.Замятина "Пещера" и "Мамай"» сопоставлялись главные героини рассказов — Маша и Дарья, представляющие собой, по утверждению докладчика, различные типы национального характера (Маша — высшее проявление христианского духа, Дарья в своей губительной любви-страсти перешагивает через христианскую заповедь «не убий»). Основную тему рассказа «Русь» докладчик определил так: христианство, уходящее из народной жизни, «победа плоти над духом».

Доклад И.Л.Савкиной (Петрозаводск) «Евангелие и женская литература» был посвящен образу Богородицы в лирике трех поэтесс «серебряного века». В стихах З.Гиппиус, по наблюдениям докладчика, дева Мария является воплощением женского начала, которое интерпретируется поэтом как безличное, пассивное, как «абсолютная пустота, заполняемая творящей волей» («Благая весть», «Вечно женственное»). В творчестве Е.Кузьминой-Караваевой женское начало предстает в образе Богоматери, усыновляющей и защищающей своим Покровом мир, где царят хаос и тьма (цикл «Покров»). У М.Цветаевой образ Богородицы появляется в цикле «Подруга» (1921), примыкающем к «Стихам к Блоку». Восходящие к Евангелию мотивы девственной чистоты и материнства составляют основу образа подруги поэта как существа ему соприродного.

И.П.Карпов (Йошкар-Ола, «Религиозная тема в романе И.Бунина "Жизнь Арсеньева"») рассмотрел вопрос о «трансформации христианского учения» в бунинском произведении. Герой романа не принимает христианское учение о смерти, Страшном суде, загробной жизни; «божественное» для него — это радость жизни, наслаждение ее вещественностью. Христианскую эсхатологию Бунин заменяет восточной идеей совершенствования души и ее перевоплощений, высший мир интерпретируется «с неким азиатско-буддийским оттенком» (Б.Зайцев). Это направление в религиозных исканиях Бунина, как отметил в заключение докладчик, более ярко выражено в работе «Освобождение Толстого».

Е.В.Тырышкина (Новосибирск, «Синайский патерик в "Крыльях" М.Кузмина: Христианский текст в нехристианском контексте») обратилась к одному из фрагментов повести, представляющему собой пересказ «слова» об авве Илии из Синайского патерика. Кузмин придает древнерусскому сюжету совершенно другой смысл: в патерике поведана история о греховности услаждения плоти, страсти мужчины к женщине — Кузмин выступает с апологией однополой любви. Этот фрагмент был рассмотрен на фоне всего творчества и мировоззрения писателя.

Доклад И.П.Сепсяковой (Петрозаводск) «Евангельские реминисценции в поэзии Н.Клюева» был посвящен в основном «поэтической иконописи» (упоминанию и изображению икон) Клюева, которая была сопоставлена с эстетикой различных русских иконописных школ.

О религиозной поэзии Н.Клюева говорила и Е.И.Маркова (Петрозаводск, «"Душа воскресшая" в лирике Н.Клюева»). Ключевым женским образом в ней докладчик считает образ «Матери-Троицы» (Богоматерь, матерь человеческая и Мать сыра-земля), который нашел наиболее полное воплощение в главной героине поэмы «Песнь о Великой Матери» Парасковье. Этот образ рассмотрен докладчиком в контексте народно-православных представлений о Параскеве-Пятнице и Богородице. Е.И.Маркова отметила также, что одним из прототипов образа Парасковьи является мать Клюева.

Н.В.Шенцева (Йошкар-Ола, «"Апокалипсис" гражданской войны в повести В.Ропшина (Б.Савинкова) "Конь вороной"») остановилась на новозаветных — главным образом апокалипсических — реминисценциях в повести.

Конференция завершилась обсуждением ее итогов на «круглом столе», где было, в частности, принято решение проводить конференции на данную тему регулярно.

А.В.Пигин

Первый Всемирный конгресс по русской литературе

12-20 июня 1993 г., Коктебель

Традиционный летний академический форум на сей раз был посвящен 100-летию волошинского Коктебеля. Как и прежде, торжества проводились по инициативе директора Дома-музея М.А.Волошина — Б.А.Гаврилова. Главное содержание коктебельских встреч, к сожалению, невозможно передать в рамках отчета о конференции — оно состоит в неформальном общении ученых, съезжающихся из разных стран. В отличие от всех предыдущих коктебельских конференций, программа последней не была ограничена

ни хронологически, ни персонологически, что создает некоторые трудности для обозревателя «DV», так как многие значительные доклады выходили за пределы «титульной» компетенции журнала.

Работа конференции проходила по трем секциям. Первая была посвящена творчеству Владимира Набокова; некоторая растерянность отечественной науки перед его творчеством отразилась в самом названии секции: «Владимир Набоков — русский писатель: ??? или !!!»

Заседание открылось докладом Л.Ф.Кациса (Москва) «На каком языке написан и на каком языке должен быть прочитан комментарий В.Набокова к "Евгению Онегину"?». На ряде примеров докладчик продемонстрировал заведомую непереводимость отдельных фрагментов набоковского текста и обратил внимание на то, что многочисленные примеры из западноевропейской поэзии, приводимые Набоковым как источники «Евгения Онегина», в основном призваны передать интонацию пушкинского романа для его будущих переводчиков.

В докладе Г.Димент (США) «Драматургия Набокова» прослеживалась творческая история театральных сочинений писателя. Докладчица рассматривала драматургию Набокова как единый текст, выделяя в нем различные культурологические аспекты.

Многочисленные высказывания Набокова о Гоголе проанализировал С.А.Павлинов (Москва, «Набоков о Гоголе»).

Выступление О.Ю.Сконечной (Москва) на тему «Андрей Белый в отражениях Набокова», по всеобщему мнению, явилось одним из самых оригинальных и ярких на первом заседании. На подступах к изучению общей проблемы влияния символистов на Набокова О.Ю.Сконечная продемонстрировала цитации из Белого в некоторых произведениях Набокова (в частности, в романе «Дар») и элементы набоковской литературной игры, основанные на беловских мотивах.

Е.В.Иванова (Москва) в основной части доклада «Тема России и авангард в творчестве Набокова» пыталась выяснить, что предопределило обращение писателя к английскому языку. По мнению Е.В.Ивановой, главным фактором здесь явилась трансформация в сознании писателя «темы России».

С докладом «Набоков и Евреинов: Две концепции театрализации», выступил Ю.А.Арпишкин (Москва).

Набоковская секция завершилась импровизированным поэтическим эссе К.А.Кедрова (Москва), предложившего свое понимание романа «Лолита» (его доклад в программе конференции был озаглавлен «Русская литература в романах Владимира Набокова: Архетип и пародия»).

К тематике первого дня работы конференции относился также доклад И.Л.Багратиони-Мухранели (Москва) «Набоков как мифотворец». Исследовательница предприняла попытку охарактеризовать принципы «театрализации» в прозе Набокова, связав тему театра с постромантическими тенденциями в его творчестве, а их, в свою очередь, со стремлением преодолеть толстовский канон романной формы.

Темы заседаний двух других секций были сформулированы так широко («Поэтика и эстетика русской литературы», «Связи, влияния, традиции русской литературы»), что смогли объединить в одной программе явления, едва ли объединимые каким-нибудь другим способом.

Ф.Стукалов (Москва) в докладе «А.Р.Габричевский — осознание функции текста» рассказал об искусствоведческом наследии Габричевского, недостаточно еще освоенном нашей наукой.

Доклад К.Эберг (Германия) содержал анализ идейных основ таких литературных сообществ, как «Башня» Вяч. Иванова, салон Мережковских и др. Эти объединения рассматривались в широком контексте салонной культуры Западной Европы. Салоны русских символистов анализировались докладчиком как эстетические явления и органическая составная часть культурной утопии символистов («Культурная утопия в кружках русских символистов»). Эта безусловно интересная работа содержала в себе один необъяснимый, с нашей точки зрения, тезис. К.Эберг утверждала, что якобы на «Башне» Вяч. Иванова царил «свободный от всякого сектантства дух, редкий для той эпохи».

Оставшееся неозаглавленным выступление И.В.Кудровой (С.-Петербург) было посвящено творческой эволюции Марины Цветаевой. Докладчик выделил константные и изменявшиеся цветаевской поэтики.

М.В.Михайлова (Москва) в почти поэтической форме повествовала о жизни одной из малоизвестных участниц символистских изданий А.М.Моисеевой, печатавшейся под псевдонимом А.Мирэ. Более чем красноречиво изложив горестные подробности биографии писательницы, М.В.Михайлова поделилась затем в высшей степени интересными наблюдениями над жизнестроительными стереотипами литераторов второго ряда, связанных с кругом символистов («Творческий облик писательницы начала XX века: А.Мирэ»).

Французский ученый М.Грабар не оставил нам ничего другого, кроме как отметить тему его исследования: «Вл. Соловьев и Вяч. Иванов». Докладчик категорически отказался от предложенного ему переводчика и читал свой текст по-французски, помня, очевидно, о том, что в Париже на этом языке «говорят даже простые мужики». Можно было составить о докладе только общее представление: Вяч. Иванов, по мысли М.Грабара, ощущал себя христианином в соловьевском смысле, Соловьев помогал ему преодолевать влияние Ницше.

И.Гобретич (Венгрия) выступил с докладом «Две формы демонизма в творчестве Ф.Сологуба». Отталкиваясь от Вяч. Иванова, он выделил два вида «демонических сил» в произведениях Сологуба: «творческую», нашедшую выражение в «Мелком бесе», и «разрушительную» — в «Творимой легенде».

С докладом «Ф.М.Достоевский и В.В.Розанов: Тайны сближения» выступила Н.Ю.Казакова (Москва).

Несколько докладов были посвящены творчеству Михаила Булгакова.

Ф.Р.Балонов (С.-Петербург) в докладе «"Театр-сновидение" М.Волошина и "пьесы-сны" М.Булгакова» доказывал, что теоретические построения Волошина нашли свое воплощение в драматургии Булгакова.

Л.Халлер (Венгрия) выступил с докладом на тему «Пушкинские мотивы и образ Пушкина в творчестве Булгакова». Докладчик установил прототипическую основу некоторых эпизодов произведений Булгакова, связанных с именем Пушкина, а также пушкинские подтексты фрагментов булгаковской прозы.

Е.А.Яблоков (Москва) в докладе «"В смутах усобиц и войн постигать целокупность...": (Об историко-философской концепции М.Булгакова)» устанавливал связь воззрений М.Булгакова с традициями гуманистической философии. Большое место в докладе было уделено сопоставлению взглядов Булгакова и Волошина, которое, по мнению докладчика, актуализуется якобы общей для двух писателейпозицией «политического нейтрализма». Немало аргументов было приведено для опровержения расхожего, как утверждал Е.А.Яблоков, суждения о том, что события романов Булгакова (особенно — «Мастера и Маргариты») «лежат в стороне от большой дороги истории».

Особое место в коктебельской программе было отведено секции «Век волошинского Коктебеля», большая часть докладов которой была, естественно, посвящена творчеству М.А.Волошина.

Прежде всего хотелось бы отметить замечательную работу Л.Силард (Венгрия) «Волошин и русское розенкрейцерство», в которой были освещены контакты М.Волошина, Вяч. Иванова и А.Белого с французскими масонами и розенкрейцерами. Особо исследовательница отметила связанное с понятием «национальная библиотека» сходство в организационных структурах этих обществ в России и Европе.

Г.М.Кружков (Москва) в докладе «Йетс и Волошин» проводил типологические сопоставления поэтических и этических систем поэтов.

Н.П.Комолова (Москва) рассматривала контекст философских постулатов Волошина, связанных с социально-общественной проблематикой («Россия и Европа в историософской концепции Волошина»).

Воспоминания А.И.Цветаевой о послереволюционном Коктебеле были пересказаны Д.А.Донской (Москва) в сообщении «Максимилиан Волошин и Анастасия Цветаева».

М.В.Бокариус (С.-Петербург) в докладе «Неизвестные автографы Волошина» привела три дарственных надписи поэта на книгах, врученных А.Толстому, Яремичу и В.Дымбовецкому, а также не известные ранее разночтения поэтических строк (по авторской правке на упомянутых экземплярах книг).

В.А.Швейцер (США) сделала сообщение, основанное на архивных находках («Летним вечером в Феодосии»). Исследовательница представила изящную, исключительно удачную реконструкцию контекста театрализованного вечера, состоявшегося в феодосийском летнем театре 18 июля 1916 г. Это событие, в котором принимали участие три поэта — М.Волошин, В.Ходасевич, О.Мандельштам — запечатлено в воспоминаниях и письмах их коктебельской знакомой Ю.Л.Оболенской и в ряде других источников.

С.М.Пинаев (Москва, «Пещера — космос в поэтической системе М.Волошина») сопоставил некоторые образы поэзии Волошина с архаическими мифологемами и современными поэту космологическими теориями.

Е.Б.Рейн (Москва) говорил о бытовании символистских традиций в поэзии Ахматовой, Мандельштама и Волошина. Основную мысль его доклада «Бумеранг символизма» можно было бы сформулировать так: символизм имманентно присущ поэтическому творчеству.

Философскому аспекту творчества Волошина был посвящен доклад Э.Ю.Соловьева (Москва) «Максимилиан Волошин: Русская версия "Homo Ludens"». Докладчик предложил термин, по его мнению, пригодный для определения уникальности Волошина как мыслителя — «космоперсонализм».

Н.Ю.Грякалова (С.-Петербург) в докладе «Коктебельские встречи и невстречи, или Еще раз о Черубине де Габриак» рассказала о неизвестных ранее фактах биографии Е.Васильевой, почерпнутых в материалах домашних архивов.

Лишь отчасти примыкающий к тематике «DV» интереснейший доклад И.Л.Волгина (Москва) «Достоевский и Русский Императорский Дом» был основан на неопубликованных дневниковых записях Великого Князя Константина Романова, известного под криптонимом К.Р.

Ю.А.Арпишкин

«Р.В.Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре»

18 июня 1993 г., Москва

На первом научном заседании цикла «Литературное обозрение», прошедшем в гостиной мемориальной квартиры Андрея Белого, было представлено четыре доклада, авторов которых прежде всего интересовали «белые пятна» биографии Иванова-Разумника и судьба его творческого наследия.

В докладе Я.В.Леонтьева (Москва) «Иванов-Разумник глазами современников» были приведены и систематизированы высказывания друзей и противников идеолога «скифства» (В.Розанов, О.Мандельштам, З.Гиппиус, О.Форш, А.Штейнберг, С.Постников, С.Мстиславский, Э.Голлербах и др.); некоторые из использованных текстов не опубликованы.

Доклад С.В.Шумихина (Москва) «Переписка Р.В.Иванова-Разумника как факт отечественной и мировой культуры» был посвящен письмам Андрея

Белого к Иванову-Разумнику и их архивной истории. Докладчик напомнил, что по договоренности с В.Д.Бонч-Бруевичем Иванов-Разумник перед войной готовил отдельный том «Летописей Государственного литературного музея», в который должно было войти около 200 писем Белого 1912-1932 гг., «проредактированных» и «прокомментированных» адресатом. Все три экземпляра рукописи пропали. Эта потеря, по мнению докладчика, невосполнима, и, хотя в настоящее время издание переписки Иванова-Разумника и Белого готовят А.В.Лавров и Д.Малмстад, вряд ли можно будет восстановить утраченный комментарий, содержащий известные лишь адресату факты и реалии.

Большая часть доклада В.Г.Белоуса (С.-Петербург) «Р.В.Иванов-Разумник: Добавления к биографии» была посвящена «отношениям» Иванова-Разумника с органами НКВД: его арестам в 1933 и 1937 гг., грозившей ему высылке в 1941 г. (были использованы мемуары Иванова-Разумника и материалы, обнаруженные в архивах КГБ). Докладчик также наметил направления дальнейшего изучения творческой деятельности Иванова-Разумника (в частности, рассмотрение «скифства» как «диалога культур» — в духе идей Бахтина) и поделился своими соображениями о возможности реконструировать замысел «Антроподицеи» — основного философского труда Иванова-Разумника, на сегодня считающегося утерянным.

Тема выступления Д.И.Зубарева (Москва) — «Берлинская газета "Новое слово" и ее автор Р.В.Иванов-Разумник». Анализ политической программы газеты, выходившей в 1933-1943 гг., и механизма ее распространения позволил докладчику предположить, что «Новое слово» было не органом российской эмиграции, а неофициальным изданием нацистской партии Германии, финансировавшимся ведомством Розенберга. Это подтверждает и направление «Нового слова» (ярый антикоммунизм, антисемитизм), и то, что надежды русской эмиграции на возрождение прежней государственности поддерживались газетой только до вторжения Германии в СССР, и то, как по мере завоевания германской армией Европы росли корреспондентская сеть газеты и ареал ее распространения. После оккупации немецкой армией почти всей европейской области русской диаспоры в газете начали сотрудничать С.Аскольдов, В.Ильин, Р.Иванов-Разумник, печатавший в ней в 1943 г. статьи о трагических судьбах писателей советской России.

Выступление Д.И.Зубарева вызвало дискуссию. Д.М.Фельдман отметил, что тезис о финансировании ведомством Розенберга «Нового слова» нуждается в документальном подтверждении; Я.В.Леонтьев указал на публикацию в «Социалистическом вестнике» письма Иванова-Разумника неизвестному (возможно, С.П.Постникову), в котором сотрудничество в фашистской газете объяснялось неосведомленностью в ее характере.

Организаторы первых Разумниковских чтений (так называли участники прошедшее заседание) предполагают посвятить личности и творчеству Р.В.Иванова-Разумника следующие заседания цикла «Литературное обозрение».

М.С.

Вокруг гибели Сергея Есенина

1 июля 1993 г. в ИМЛИ РАН прошла пресс-конференция Комиссии по выяснению обстоятельств гибели С.А.Есенина. Комиссия, созданная еще в 1989 г. при Есенинском комитете Союза писателей СССР, считает свою работу завершенной только сейчас, — заявил ее председатель Ю.Л.Прокушев. Результаты работы Комиссии, в которой участвовали как специалисты-есениноведы, так и большая команда судебно-медицинских экспертов, криминалистов, графологов, юристов, были подытожены на ее расширенном заседании 27 мая 1993 г.: «Весь ход обсуждения, все официальные документы, материалы, которыми в настоящее время располагает Комиссия, с еще большим основанием, чем это было ранее, позволяют прийти к следующим выводам и констатировать, что, во-первых, в настоящее время нет объективных данных, которые позволили бы усомниться, прежде всего с позиции судебной медицины, в точности содержания акта вскрытия тела С.А.Есенина и опровергнуть вывод судебно-медицинского эксперта А.Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причине смерти поэта (смерть С.А.Есенина "последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение"); во-вторых, проведенные официальные научные экспертизы и исследования (посмертных масок, фотографий поэта, акта Гиляревского, документов предварительного дознания и др.) не дают каких-либо оснований для подтверждения "версий" об убийстве Есенина С.А. Одновременно Комиссия заявляет, что в случае обнаружения каких-либо новых документальных данных, связанных со смертью С.А.Есенина, они будут незамедлительно рассмотрены и изучены с сообщением об этом в печати» (цитируется по «Независимой газете», 1993, 10 июля).

Результаты заключения удовлетворили далеко не всех собравшихся на пресс-конференцию. Поэтесса Н.Сидорина, автор нескольких публикаций о смерти Есенина, выявила противоречия между заключением Комиссии и актом Гиляревского и потребовала в самых решительных выражениях признания, что Есенин был убит. Главный редактор газеты «Будущая Россия» поэт Слав Топтыгин (так!) в качестве доказательства своей точки зрения прочитал стихи об убийстве Маяковского и Есенина (опубликованные в первом номере газеты, вышедшем через несколько недель после пресс-конференции).

В ответ на эти выступления Ю.Л.Прокушев пояснил, что, по его мнению, поэта не убили, а «довели до самоубийства»; в качестве виновных были названы Бухарин с его «Злыми заметками» и Крученых, «на четверть века изъявшие гениального поэта из духовной жизни страны». Это заявление, несмотря на некоторую его противоречивость (напомним, например, что и бухаринские заметки, и сочинения Крученых о Есенине появились после гибели поэта) не вызвало протеста в аудитории, и противники работы Комиссии все так же требовали эксгумации останков поэта и повторной (независимой!) экспертизы.

По итогам работы Комиссии предполагается подготовить сборник статей и материалов (объем около 15 печатных листов).

DV

IX-е Клюевские чтения

3 июля 1993 г., Вытегра

Начиная с 1985 г., на родной земле Н.А.Клюева в городе Вытегра Вологодской области (где поэт жил в 1918-1923 гг.) проводятся Клюевские чтения. Ранее они проходили, как правило, в третьей декаде октября — в дни годовщин рождения и гибели поэта. На этот раз они были приурочены к празднованию 220-летнего юбилея Вытегры.

Почти сразу по приезде в город участники чтений выехали в село Макачево, чтобы почтить память Н.А.Клюева и его родителей Прасковьи Дмитриевны и Алексея Тимофеевича, похороненных на ныне заброшенном погосте Верхне-Пятницкой церкви (фото ее руин см.: Слово. 1990. N4. С.63). Эта церемония состоялась у креста-голубца, установленного на кладбище в память о П.Д. и А.Т.Клюевых осенью 1991 г. радением сотрудников Вытегорского краеведческого музея (фото кенотафа см.: Епархиальный Вятский вестник. 1993. N5/6. С.6).

В тот же день в читальном зале детской библиотеки (по соседству с комнатой, в которой расположена экспозиция музея Н.А.Клюева) прошли IX-е Клоевские чтения. Приветствием от земляков поэта открыла их директор Вытегорского краеведческого музея Т.П.Макарова.

Г.С.Ситько (Киев) в докладе «Орнаментальная поэтика Клюева с точки зрения ритуала» на примере цикла «Избяные песни» и поэмы «Мать-Суббота» попытался определить ритуальную функцию различных элементов орнамента в клюевских текстах и глубинную взаимосвязь этих элементов.

Доклад Е.И.Марковой (Петрозаводск) «Мать-Троица в поэзии Клюева» был посвящен раскрытию триипостасности понятия «мать» в клюевских стихах («Избяные песни», «Мать-Суббота» и др.) По мнению автора, «троичность» этого понятия у Клюева такова — Мать-Богородица, Мать сыра-земля и матерь человеческая.

Был зачитан доклад О.В.Шурляковой (Киев) «Николай Клюев в его отношении к проблеме "искусство и этика"». Восприятие этой проблемы было охарактеризовано (на материале поэтического и эпистолярного наследия Клюева) на протяжении всего творческого пути поэта. Основное внимание автор уделил определению специфики как отношения Клюева к вопросу об этичности искусства, так и трактовки понятий «этическое» и «эстетическое» в его творчестве.

Т.А.Шелкопляс (Киев) в докладе «Лексико-семантические средства создания подтекста в поэзии Н.А.Клюева: (На материале поэмы "Погорельщина")» представила анализ семантических полей поэтической лексики Клюева. Результаты этого анализа, как нам кажется, позволяют существенно обогатить комментарий к «Погорельщине» — одному из сложнейших произведений русской литературы XX века.

Новый аспект изучения этой же поэмы Клюева был предложен В.В.Скидан (Киев). В ее докладе «Взаимовлияние пространства иконы и пространства быта в поэме Н.А.Клюева "Погорельщина"», зачитанном на заседании, исследуется роль иконы как одного из главных ориентиров в пространственно-временном континууме клюевского текста.

Доклад С.И.Субботина (Троицк/Москва) «Николай Клюев и Сергей Есенин в 1916 году: (Новые биографические материалы)» носил источниковедческий характер. Были охарактеризованы материалы, недавно обнаруженные в Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург). В частности, один из них — письмо Н.Т.Стулова Д.Н.Ломану от 11 января 1916 г. — позволил установить некоторые ранее не известные даты пребывания Клюева и Есенина в Москве в январе 1916 г. Речь идет об их приезде туда 4 января, выступлении в Марфо-Мариинской обители между 7 и 10 января и, наконец, чтении ими стихов перед великой княгиней Елизаветой Федоровной в ее доме 12 января 1916 г. (более подробно см.: Красное знамя. Вытегра, 1993. 9 февраля; Голос. Рязань, 1993. 18-24 марта).

Л.А.Киселева (Киев) в докладе «Семантические поля клюевской топонимики» поставила вопрос о знаковой природе клюевских топонимов и о традициях русской крестьянской культуры, обусловивших эту природу.

В состоявшемся обсуждении докладов приняли также участие А.И.Михайлов (С.-Петербург), Н.М.Солнцева (Москва) и И.В.Скачков (Москва).

С.Б.

«Парадоксы литературной репутации»

21-22 июля 1993 г., Москва

Конференцией, организованной журналом «Новое литературное обозрение» и Музеем Вадима Сидура, открылась серия литературоведческих чтений, условно обозначенных как «Банные». Специфика жанра — по замыслу устроителей и участников — заключалась в достижении максимальной осмысленности мероприятия через его деформализацию, отсутствие привходящих моментов «ритуальности», «служебной необходимости», «юбилейности» и т.п., часто замутняющих собственно научные аспекты представляемых докладов и обсуждение поставленных проблем. На Чтениях прозвучало 17 докладов; непосредственное отношение к интересующему «DV» хронологическому срезу имели шесть сообщений.

Так, К.М.Азадовский (С.-Петербург, «Николай Клюев: Миф о "народном поэте"») показал, сколь сознательно и последовательно сам Клюев мифологизировал свои биографию и культурный «имидж» в глазах современников, стремясь исполнить роль «народного поэта».

А.С.Немзер (Москва, «Лермонтов в литературе конца 20-х — начала 30-х гг. XX века») разбирал уже не авто-мифотворчество, а механизмы «творимых легенд» о классике его потомками.

А.П.Чудаков (Москва, «Литературный грубиян В.П.Буренин») продемонстрировал эвристический потенциал обращения к эмпирическому материалу: зачитанные им фрагменты почти забытых буренинских статей и с минимумом комментариев давали представление о том, до какой степени была оправдана (а до какой — нет) репутация этого желчного критика, и позволяли строить гипотезы относительно причин ее возникновения.

Доклад К.Ю.Постоутенко (Москва) «Н.К. и Э.К.Метнеры: К вопросу о национальной самоидентификации» был посвящен одному скандальному эпизоду музыкальной жизни Петербурга 1911-1912 гг. и его оценке братьями Метнерами.

Н.А.Богомолов (Москва, «Литературная репутация и эпоха: Случай М.Кузмина») вскрыл динамичность значения биографических моментов (в частности, гомосексуальных пристрастий) для литературной репутации Кузмина в 1900-1920-е гг.

А.А.Носов (Москва, «Вл. Соловьев — "русский Ориген"») рассмотрел существовавшие версии сексуального поведения Вл. Соловьева, использовав в числе привлекаемых документов и вскоре опубликованное в №8 «DV» письмо Соловьева Н.С.Трубецкому.

Более общие и теоретичные вопросы ставились в докладах Б.В.Дубина (Москва) «Роль писателя и система литературы» и А.И.Рейтблата (Москва) «Литературная репутация в России в XIX — начале XX века: Источники, механизмы формирования, основные типы», вызвавших пик бурных обсуждений в аудитории, заинтересовано и активно реагировавшей, впрочем, и на другие заслушанные на Чтениях доклады.

(По сообщениям с мест)

Одна из тысячи мелочей
(De Visu. 1993. №5)

В аннотации (подписанной Л.Р.) на книгу Е.Каннак «Верность: Воспоминания, рассказы, очерки» (Париж, 1992) в №5 «DV» за этот год с оправданным одобрением говорится о воспоминаниях Е.Каннак, посвященных, в частности, жизни в эмиграции Раисы Блох и ее мужа Михаила Горлина. Однако, утверждение, что «воспоминания Е.Каннак и сопровождающий их комментарий — первая научная публикация. в которой сообщаются сведения о жизни двух поэтов в эмиграции» нуждается в корректировке, поскольку еще в 1989 г. была опубликована работа Т.П.Вороновой «Раиса Блох — русская поэтесса и историк западного средневековья: (Из переписки с О.А.Добиаш-Рождественской)» (Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы / Гос. публичн. б-ка им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1989. С.54-85). Здесь впервые на материале многочисленных писем Р.Блох к О.Добиаш-Рождественской за 1928-1936 гг. из Берлина и Парижа, а также писем ее друзей Ф.Лота и М.Лот-Бородиной рассказано о жизни Р.Блох и М.Горлина в эмиграции и также впервые опубликованы как оригинальные стихотворения Р.Блох, так и ее переводы на немецкий язык стихотворений А.Ахматовой.

В.Н.Сажин

К публикации переписки В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона
(De Visu. 1993. №5)

Автор просит обратить внимание на некоторые ошибки и опечатки:

1. «Еврейская жизнь», упомянутая в предисловии на с.14, — еженедельная газета (формата «Нивы»), выходившая в Москве по воскресеньям в течение полутора лет с 5 июля по 20 декабря 1915 г. (№1-26) и с 3 января по 18 декабря 1916 г. (№1-52); редактор-издатель Ш.Ц.Брумберг, активный деятель Общества для распространения просвещения между евреями в России. Л.Яффе публиковал на ее страницах стихи, очерки, критические статьи, привлекал авторов. В номере, посвященном 25-летию литературной деятельности Х.Н.Бялика (№14/15), выступил со статьей «Ярмо и гений» и М.Гершензон. В этом номере появились переводы стихотворений Бялика, сделанные И.Буниным, В.Брюсовым, Вяч. Ивановым, Ф.Сологубом. Впоследствии некоторые из них вошли в «Еврейскую антологию: Сборник молодой еврейской поэзии» (М., 1918), подготовленную В.Ходасевичем и Л.Яффе.

2. Годом рождения поэта Саула Черниховского в Краткой литературной энциклопедии указан декабрь 1873 г. (Т.8. Стлб.460), в Еврейской энциклопедии — декабрь 1875 г. (Т.15. С.856). Последнюю дату подтверждает и Льюис Бернхардт во вступительной статье к книге: Черниховский Шаул. Стихи и идиллии. Тель-Авив, 1974 (Библиотека «Алия». Вып.12).

«Лучшие переводы стихов Черниховского на русский язык сделаны русским поэтом Владиславом Ходасевичем, — пишет Л.Бернхардт. — Несмотря на свое еврейское происхождение, Ходасевич не знал иврита, и его поэтические переводы сделаны по подстрочникам Льва Яффе, Хаима Гринберга и самого Черниховского. Многие переводы рождались в результате долгих бесед автора и переводчика» (с.16).

3. Мария Борисовна Гольденвейзер, жена М.О.Гершензона, родилась 10 марта 1873 г., а не в 1874 г., как ошибочно указано в примечании 4 к письму 5. Ее документы (в частности, паспорт) находятся в архиве М.О.Гершензона (РГБ, ф.746, карт.48, ед.хр.63). Там же сохранились более десяти рассказов М.Б.Гершензон, две пьесы, множество набросков. Рассказ «Призывы», опубликованный в журнале «Русская мысль» (1917. Кн.3/4. С.221-240), подписан "М.Ге".

4. М.О.Гершензон действительно с университетской поры был знаком с М.Н.Покровским (см. примечание 6 к письму 7), сотрудничал с ним в исторической группе Комиссии по организации домашнего чтения, где, среди прочих обсуждались и издавались гершензоновские программы для самообразования по истории (см. письма М.Н.Покровского к М.О.Гершензону за 1895-1904 гг. — РГБ, ф.746, карт.40, ед.хр.25). Но восхищенные слова в письме брату относились к его однофамильцу Михаилу Михайловичу Покровскому, тоже университетскому

De Visu. 1993. №9(10).

приятелю Гершензона. Их переписка охватывает 1892-1912 гг. (Там же, ед.хр.24).

5. В письме 14 Гершензон не случайно называет себя «Бобчинский». Этим псевдонимом подписана одна из заметок, написанных в 1915 г. для домашнего журнала «Бульвар и Переулок», в котором принимали участие Н.А.Бердяев и Л.Ю.Бердяева, Вяч.Иванов и В.Иванова, В.Ф.Эрн и др. Заметка "Мысли и недомысли мудрых людей" была пародией на любимый философами начала века жанр афоризмов. Она написана рукой Л.Ю.Бердяевой, но М.Б.Гершензон считала ее принадлежащей Гершензону (там же, карт.10, ед.хр.60).

6. Конечно же, фамилию финансиста, банкира, министра финансов России следует читать — В.Н.Коковцов (с.50), а журнал «Критическое обозрение», упомянутый на с.20, надлежит заключить в кавычки, которые, как писал М.Гершензон в эссе «Новая теория словесности»: «наподобие городовых, по две — один справа, другой слева — конвоируют в участок речение, пойманное с поличным...»

Инна Андреева

Редакция «De Visu» просит научные, учебные, литературные организации и общества, музеи и др. информировать о планирующихся и прошедших конференциях, симпозиумах и семинарах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг. Журнал готов разместить ваши объявления и отчеты.

Редакция просит сотрудников изданий, в сферу интересов которых входит русская литература 1890-1930-х гг., присылать эти издания для наших обзоров.

Редакция будет признательна за любые дополнения к нашим книжным, журнальным и газетным обзорам.

Адрес редакции: Москва, 117437, ул. Островитянова, 19-139.

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

— И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
— Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
— «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
— А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
— Н.А.Богомолов. Оккультные мотивы в творчестве Гумилева
— К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
— А.Т.Никитаев. Ничевоки: материалы к истории и библиографии

№1 за 1993 год:

— Ранние опыты Г.О.Винокура
— Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
— Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
— В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
— И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
— А.Ю.Галушкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского

№2 за 1993 год:

— Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
— Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
— Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Киссина)
— А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
— О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии

№3 за 1993 год:

— Александр Ширяевец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
— М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка
— Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
— В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова

№4 за 1993 год:

— В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг.
— Борис Садовской. Кровавая звезда
— Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху
— М.П.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову
— К.М.Поливанов. Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
— А.Ю.Галушкин. В защиту свободы печати

№5 за 1993 год:

— М.Ф.Ликиардопуло. Письма М.А.Кузмину
— Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона
— М.А.Волошин. Письма С.Ф.Платонову
— М.Л.Гаспаров. Стих и смысл
— В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский. Материалы к библиографии И.Г.Эренбурга

№6 за 1993 год:

— В.И.Лурье. Воспоминания о Гумилеве
— К.К.Вагинов. Поэма. Рецензии
— Неизвестное стихотворение М.А.Кузмина
— Леонид Липавский. Сны
— Л.Ф.Кацис. Словарь «Стихов о неизвестном солдате»
— С.Н.Доценко. Об одном примере анаграмматического построения текста: Вяч. Иванов.
— К.М.Поливанов. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»

№7 за 1993 год:

— Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле
— А.А.Богданов. Пять недель в ГПУ
— Б.Янгфельдт. «Крикогубый Заратустра»: Маяковский и Ницше
— А.В.Валюженич. О.М.Брик: Материалы к библиографии

№8 за 1993 год:

— К истории одной дружбы: В.С.Соловьев и кн. С.Н.Трубецкой. Новые материалы
— Из ранней верленианы Валерия Брюсова
— Е.Толстая. «Вдохновенный дидакт» и «симпатичный талант»: Аким Волынский о Чехове
— Л.М.Турчинский. Русские поэты XX века. 1900-1955: Новые материалы к библиографии А.К.Тарасенкова

В каждом номере —
текущая библиография по тематике «DV»,
хроника научной жизни

По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

Tatiana Tchernova,
P.O. BOX 1641, New-York, NY 10159-1641 USA

В 1993-1994 гг. “De Visu”

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения Ф.Коган, С.Укше; дневники, письма и статьи Эллиса; письма А.Кондратьева Б.Садовскому, Б.Лавренева К.Федину; переписку М.Волошина и Б.Савинкова, А.Луначарского и П.Лебедева-Полянского; письма Г.Адамовича, Б.Божнева, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добычина, Е.Замятина, В.Комаровского, В.Маяковского, Ю.Никольского, С.Парнок, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, К.Чуковского, В.Шкловского, И.Шмелева, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания О.Дымова, А.Кондратьева, Е.Полонской; дневники Б.Поплавского, М.Пришвина; статьи и выступления И.Анненского, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; стенограммы заседаний «Вольфилы».

Статьи о творчестве В.Андреева, И.Аксенова, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, Л.Добычина, Г.Иванова, Н.Клюева, Д.Кнута, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, Д.Мережковского, В.Набокова, Ю.Олеши, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Розанова, Ф.Сологуба, Д.Хармса, В.Хлебникова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского, Г.Шенгели.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама; материалы к библиографии М.Арцыбашева, Г.Газданова, Е.Замятина, М.Кузмина, Л.Лунца, В.Розанова, А.Тинякова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»; «Русские поэты XX века: Дополнения к библиографии А.Тарасенкова».

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серапионовы братья», «акоитисты», «люминисты», «презантисты».

Материалы к истории советской цензуры и раннего «самиздата».

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Алуште, Бахчисарае, Будапеште, Варшаве, Владимире, Ельце, Лионе, Москве, Таллинне, Тарту, Одессе, Смоленске, Фрайбурге и др.)

В декабре 1993 г. предполагается выпустить №13(14), в который войдут: указатель содержания вышедших номеров, именной указатель, биобиблиографические справки об авторах «DV».